

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В.И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 10 (76), № 1
2024

Proceedings of V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Philosophy. Political science. Cultural Studies.

ISSN 2413-1695

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского.

Адрес: г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4.

Регистрирующий орган – Роскомнадзор.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № от 2024 г.

Главный редактор – А. В. Карабыков, д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Заместители главного редактора:

А. Н. Володин, канд. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (культурология);

Н. В. Киселева, канд. полит. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (политология).

Редколлегия:

И. А. Андриющенко	к. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
И. С. Бакланов	д-р филос. н., проф., СКФУ (Ставрополь)
А. В. Бедрицкий	к. полит. н., директор Таврического информационно-аналитического центра (ТИАЦ)
О. А. Габриелян	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Д. В. Гарбузов	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. А. Грива	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
А. А. Ирхин	д. полит. н., доц., СевГУ (Севастополь)
Ю. М. Коротченко	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
С. А. Маленко	д-р филос. н., проф., НГУ им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
П. Г. Носачев	д-р филос. н., доц., ВШЭ (Москва)
Л. Т. Рыскельдиева	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. С. Сапанжа	д. культурологии, проф., РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
М. Г. Федотова	д-р филос. н., доц., ОмГТУ (Омск)
А. А. Хлезов	д-р филос. н., проф., СевГУ (Севастополь)
А. В. Швецова	д-р филос. н., проф., КУКИИТ (Симферополь)
О. К. Шевченко	д. филос. н., доц., Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) КФУ им. В.И. Вернадского (Ялта)
М. А. Шепелев	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. Б. Элькан	д. искусствовед., доц., КУКИИТ (Симферополь)
С. В. Юрченко	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Ю. В. Норманская, к. культурологии, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный за выпуск: : Л. В. Савостьянова, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Технический секретарь: А. К. Оруджева, ИММиД, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Адрес редакции:

295007, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ялтинская, д. 20, корп. 2, ауд. 308

Тел.: +7-978-105-60-57; Факс: +7 (3652) 54-52-46

E-mail: vernadskiana@yandex.ru Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать:

Формат 70x100 1/16 10 усл. п. л. Заказ № НП/78 Тираж: 50 экземпляров (бесплатно)
Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ «ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

Дата выхода в свет:

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Шоркин А. Д.** Мировой порядок: сеть вместо иерархии.....4
Хорошилов А. А. Нормативность фотографии: моделирование видимости и воспитание взгляда 18
Атран С., Генрих Дж. Эволюция религии / Пер. с англ. А. В. Костромицкой..... 30

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В.** Забвение как форма страдания артефактов. Статья II. 58
Музалевская Ю. Е. Эстетика женского делового костюма в моде XX – начала XXI вв .. 74
Сенченко А. Г. Особенности репрезентации острова Зеленый в текстах интернетлора ... 84

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Москаленко О. А., Ирхин А. А.** «Зеркальный» политический миф о России: роль Великобритании в формировании позиции коллективного Запада в отношении неизбежности войны с Россией..... 100
Парубин К. О. Символизм в политическом процессе Российской Федерации на примере венчания Георгия Романова. 110
Ганжа Н. С. Основные направления и формы взаимодействия «Молодой Гвардии Единой России» с молодежью: региональный аспект 121

РЕЦЕНЗИИ

- Бейквелл С.** В кафе с экзистенциалистами. Свобода, бытие и абрикосовый коктейль. Москва: Эксмо, 2023. 416 с. (К. О. Добронравов) 131
Айленбергер В. Время магов. Великое десятилетие философии. 1919–1929. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2021. 400 с. (В. С. Гайцук)..... 136

ФИЛОСОФИЯ

УДК 355.01

DOI: 10.37279/2413-1695-2024-10-1-4-17

МИРОВОЙ ПОРЯДОК: СЕТЬ ВМЕСТО ИЕРАРХИИ

Шоркин А. Д.

***Аннотация:** До настоящего времени представления о мировом порядке были непременно сопряжены с устойчивостью иерархии акторов геополитики. Он был фактически сведен к результатам борьбы за лидерство и мировое господство, к разделу сфер влияния. Силовые методы установления и поддержания порядка полагались нормальными. Сегодня риски следования этой традиционной стратегии недопустимо высоки. В статье анализируются попытки преодоления вездесущности принципа иерархий с методологической позиции акторно-сетевых теорий и плоских онтологий. Известному варианту сети (social network) следует предпочесть сеть нового поколения (world net) без наличия и субординации привычных акторов в ее узлах. Перспективным шагом к построению нового мирового порядка и новой свободной сети является проект БРИКС.*

***Ключевые слова:** мировой порядок, иерархия, актор, сеть, плоская онтология.*

Обыкновенный «мировой порядок»

Большей частью упоминания и апелляции к «мировому порядку» (МП) в дискурсах политиков и политологов являются скорее разговором не о том, что реально существует, а относительно того, что хотелось бы, чтобы существовало. На самом деле не порядок правит миром, в нем скорее царит беспорядок.

То, что обычно называется «порядком», по сути, является указанием на слабые попытки хотя бы немного усмирить торжествующий хаос грубого насилия. Насколько мало они успешны, можно судить по наличию войн, без которых редко обходился хотя бы один год за многие тысячи лет человеческой истории. Посмотрим правде в глаза: или такие перманентные практики человекоубийства следует объявить нормальными проявлениями «порядка», или нужно признать, что его, к сожалению, установить – со времен палеолита и по XXI век – так и не удалось.

Так как смирение не относится к числу распространенных добродетелей (особенно у власть имущих), честно признавать поражение в борьбе с беспорядком никто и никогда не намеревался. Войны, конечно, почти единодушно всегда понимались в качестве неизбежного средства установления мирового порядка. Изменчивость социального мира якобы влечет за собой необходимость силового установления нового порядка.

Мало того, что таким не слишком тонким софизмом оправдывались практики челове-

коубийства, представители власти также не могли допустить, чтобы их попытки упорядочить мир кто-либо посчитал «слабыми». Ибо нет ничего унижительнее слабой власти. На деле устроители порядка большей частью имитировали свое стремление к общей мировой цели, а реально отстаивали свои частные (региональные, групповые, национальные) интересы: новый общий порядок нужен постольку, поскольку он соответствует моей правде.

В итоге странный – строго говоря, вырожденный – порядок получался всегда в истории. Он устанавливался и поддерживался насильственными методами, вплоть до физической ликвидации непокорных, если их нельзя было запугать или подкупить. Его, что-де нормально, сопровождают войны, которые вовсе не считаются индикаторами хаоса, но трактуются в качестве рецидивов смуты; а смуту, согласно правилам порядка, нужно подавлять. Первостепенная задача – определиться с доминированием, показать, кто главнее и сильнее. Затем подтащить сателлитов и уже группой (ей присущ откровенно стайный характер) подавить остальных, заставить всех играть по ситуативным правилам, выгодным вожаку.

Правила эти лидер не только всем диктует, но также меняет по своему произволу. В итоге апелляция к порядку в устах гегемона вырождена в хвастливый и нагловатый окрик. Все другие, зависимые акторы действия, в глубине души понимают лукавство сложившейся ситуации, но мирятся с ней из прагматических соображений. Несогласные – те, кто бунтует против навязываемого порядка, – всегда стремились только к одному: стать на место гегемона и диктовать свой порядок. Восстания рабов имели целью поработить рабовладельцев.

Нельзя сказать, что смена «порядков» вообще не несла с собой чего-то позитивного – и не только для его новых учредителей, здесь как раз выгода очевидна. Победители со временем перестали все же съедать побежденных и даже брать их в рабство. Первобытный каннибализм удалось сублимировать: рациональнее не отнимать жизнь сразу и целиком, а делать это постепенно, путем присвоения чужого жизненного времени и продуктов труда. Так первые скотоводы стали сохранять в стадах живое мясо вместо привычных охотничьих практик получения убоины. Раб, крепостной или наемный работник – это только разные социальные техники, посредством которых преследуется неизменная цель поглощения «кусков» чужих жизней. Не стоит полностью опустошать и грабить завоеванную территорию, выгоднее использовать ее в качестве долговременного донора. «Умные» насекомые парализуют жертву, чтобы в беспомощное тело отложить яйца, а тем обеспечить личинок кормом.

Прогресс в отношении мирового порядка, таким образом, в лучшем случае состоял в некоторых, отчасти устремленных к гуманизму, сублимациях первобытных примитивов, но в основном оставался жестко ограниченным воспроизведением приемов функционирования биологических пищевых цепей с хищником на вершине.

Ф. Ратцель сравнивал государство с примитивной губкой, которая щупальцами нащупывает соседа с намерением его поглотить и переварить. Закономерно, что организмические и всякие иные природные образы (хищников, деревьев, которые борются за место под солнцем, притягивающих друг друга небесных тел или сталкивающихся тектонических плит) давно формируют гештальты геополитических моделей мира. Та-

ковы и современные «полюсные» модели. У С. Хантингтона «стержневые» государства посредством «организованного насилия» притягивают более слабых. Согласно же З. Бжезинскому, «геополитические центры» отличны от «геостратегических действующих лиц» уровнем активности. Словом, мировой порядок в основном понимался посредством наблюдения над реальным поведением субъектов мировой политики: всегда эгоистичным, иногда – хаотичным, а по внешней оценке – наглым или терпимым.

Соответственно, «кардинальные перемены» геополитической трансформации современного мира многие авторы усматривают в изменении весов действующих акторов (прежде всего их военной мощи, экономических перспектив и демографических показателей). На этом основании, например, Дж. Паркер описывает шесть моделей, характерных той или иной конфигурацией центров сил, а М. Каплан – варианты стабильности международной системы, в которых достигнут баланс сил акторов [1]. Силовые веса акторов определяют диапазоны их властных полномочий и так детерминируют установление МП. В ракурсе кратологии указанием на особенности реализации властных отношений И.Ф. Кефели выстраивает даже общую картину сфер социального и личностного бытия [2, с. 68].

Конечно, властные отношения невозможны без иерархий. Акторы политики не могут не мериться силами, не стараться «быть наверху». Как справедливо отмечает И.А. Исаев, «иерархия – непрменный атрибут всякой власти» [3, с. 99]. Если традиционно отождествлять МП с конфигурацией силовых возможностей акторов, с установлением баланса властных полномочий, то грядущий «конец времени власти» следует, вслед за И.А. Исаевым, признать апокалипсисом. Но в самом ли деле отказ от иерархии акторов повлечет за собой катастрофу всемирного масштаба?

Прежде чем привести доводы в защиту модели МП, который может быть установлен независимо от иерархий политических субъектов и всяких силовых балансов, кратко остановимся на пользе иерархий.

О пользе (и об изъянах) иерархий

В методологическом отношении, признаем очевидное, все версии вырожденного мирового порядка основаны на принципе иерархии. Устройство геополитического мира мы трактуем по аналогии с тем, каким образом привыкли видеть устройство почти всех наблюдаемых объектов.

В мире повседневности есть глава семьи, родители, которых должны слушаться дети. Мудрые старейшины руководят общинами. В армии есть командир и солдаты, на работе – начальник и подчиненные. Социальные стратификации традиционно строились разделением высших и низших сословий (неважно, по «чистоте крови», по доходам или в силу кармического наследия). Наставник, гуру, учитель неизменно помещались на вершинах образовательных пирамид. Простолюдину не место в «высшем обществе», невеже – среди знатоков и посвященных. «Разряд» токаря или спортсмена определяет уровень его квалификации, мастерства. Даже в играх выбирается капитан команды. И в животном мире биологические виды сосуществуют как иерархии пищевых цепочек. На иерархиях зиждутся и холизм, и оккультизм. Схоласты распределяли все вещи мира по ступени бытийного совершенства. Современные психологи представляют рост потреб-

ностей человека в виде пирамиды. Путь от греха к добродетели традиционно полагался лестницей восхождения духа. Даже сфере сакралий присущи «небесные иерархии» и «ангельские чины». Словом, без авторитетов жить никак невозможно.

Для теолога упорядочение сакралий состоит в построении божественной и сатанинской властных иерархий, которые разнонаправлены, повернуты друг к другу нижними частями пирамид. Пока мир разворачивается как оппозиция священного и мирского, речь неизбежно идет об «иерархии ценностей». В аксиологии Г. Лотце идеи Добра и Красоты уступают высоте идеи Священного, оставаясь его атрибутами. Ф. Ницше прямо сводит ценность к количеству наивысшей власти. Однако уже Г. Риккерт более осторожно говорит о системе шести ценностных сфер. Но всякая ли система является иерархией? Разве отрытые и самореферентные системы не сопряжены с дискредитацией иерархий?

Бесспорная методологическая и практическая конструктивность иерархий, однако, в XX веке получила новую мощную поддержку авторитетом кибернетики. Наряду с «информацией» и «управлением» «иерархия» вошла в число ключевых понятий кибернетического подхода как универсальной основы упорядочивания. Сложилась эффективная иерархическая парадигма. Тезис об иерархическом характере всякого взаимодействия объектов получил научную санкцию, все более вескую в связи с бурным развитием информационных технологий.

И все же достаточно простые примеры указывают на неадекватность попыток иерархического ранжирования многих реальных объектов. Мужчины, например, или женщины могут претендовать на более высокое место в иллюзорной иерархии полов разве что в силу необоснованных предубеждений или просто в шутку. Кто, кроме безнадежных ксенофобов, рискнет расставлять культуры по степени совершенства? – разве что замшелый сторонник классического позитивизма. Только расист отважится отстаивать превосходство одной из рас и ранжировать остальные по степени ущербности.

Принятая одной из групп акторов (ее именуют коллективным Западом) иерархия стран имеет вершиной, конечно, «развитые» страны самого Запада. Остальные страны – понятно, недоразвитые – чтобы не обижать отставших именуются «развивающимися», а которые похуже – «вступившими на путь развития». За этими лицемерными риторическими изысками, помимо амбициозности, скрыта дискуссионность критериев развитости, индикаторов ее измерения. И уж совсем вне всяких критериев, просто голословно эта же стая акторов сортирует страны и политические режимы по степени их «демократичности» и «свободы». По сути, в методологическом отношении здесь мы имеем дело с имитациями построения иерархий.

Помимо неприкрытого прагматического интереса, имитации используются как способ представать в виде иерархий отношения объектов, реально связанных совсем иначе. Многие объекты могут быть связаны, как демонстрируют приведенные выше примеры, отношениями дополнительности, образовывать бинарные оппозиции (мужское – женское). Далекое не все в мире устроено по принципу курятника, где высота занимаемой актором жердочки (чем выше, тем теплее и чище) определяется его

статусом. Бинарные оппозиции зачастую имеют только горизонтальную, а не вертикальную развертку, отношения дополнительности характеризуются плоской онтологией. Здесь никто не ставит лестницы, которая вела бы наверх, к «высшему». Ни один из оттенков серого не имеет преимуществ, для полноты сексуальности, считает Э.Л. Джеймс, нужны все пятьдесят.

Отчасти ограничения вездесущности иерархий были инспирированы открытием систем с обратными связями. «Петли», разнообразие вариантов связности в пространствах фон Неймана диссонируют с простотой иерархической лестницы. А в укрепившейся к XXI веку научной синергетической картине мира «диссипативные структуры» (ими считаются почти все реальные объекты) характеризуются не только упорядоченными аттракторами, но также хаотичными состояниями. В аттракторах иерархии возможны, в бифуркациях – бессмысленны.

«Роковое исчерпание и расщепление единой лестницы», ущербность парадигмальной «схемы восхождения» В.С. Библер обоснованно противопоставил реальной динамике культуры [4, с. 262]. Собственно говоря, культурология в качестве науки изначально складывалась (например, у Н.Я. Данилевского) на основе принципа дополнительности культур, построения их архитектоники или, на современном жаргоне, «ассамбляжа». Абсурдно пытаться представить разнообразие культур и сложное древо их развития в виде иерархии. Судя по доске, сложно понять суть причудливо разветвленного дерева, из которого ее изготовили. И разве реальные взаимодействия акторов, устанавливающих мировой порядок, как и сам этот порядок, сводятся к бесхитростной прямолинейности доски?

Состояние современного МП (в придачу к господствующему его истолкованию как иерархии акторов) отягощено также двумя существенными обстоятельствами.

Первое. В связи с резкими изменениями взаимных весов акторов будущее становится все более невнятным и угрожающим. В наступающем мире абсурда (о чем, например, с тревогой повествуют А. Камю и К. Ясперс, М. Хайдеггер и Х. Ортега-и-Гассет) звезды только дезориентируют, а люди пытаются утопить тревогу в бессмысленном потреблении, в погоне за наслаждениями. Симптоматично название работы Р. Гвардини – «Конец Нового времени», – в которой он пишет, что «человек вновь стоит лицом к лицу с хаосом» [5, с. 135]. Здесь автор следует Владимиру Соловьеву, который утверждал, что драма истории в основном уже завершена, а с XX века будет доигрываться лишь ее эпилог; или Освальду Шпенглеру с его «закатом Европы»; но больше – Дмитрию Мережковскому, который символически вскрывал «тайну Запада» как очередного апокалипсиса в круговороте катастроф истории. Энтони Гидденс называет современный мир «ускользающим»: он подвержен перманентному переструктурированию. Словом, кризисная ментальность, отмечают многие авторы, характерна мозаичностью, хаотичными ситуативными переменами, неоднородностью и текучестью социальных структур. Конечно, хаос как альтернатива порядка отнюдь не способствует его установлению.

Другим обстоятельством, затрудняющим поиск МП, парадоксально является возрастающее совершенство средств массовой информации. Если прежде политика хотя бы отчасти выстраивалась «от жизни», то ныне массовое мнение, которое политиками

все же учитывается, преимущественно складывается СМИ: люди все больше видят жизненный мир таким, каким его подают на экране. Всемирные сети оказывают избыточное влияние на общественное мнение, «картинки», иллюзорные сценические постановки успешно заслоняют реальность. Естественно, и политика приобретает спектаклярный характер: многие лидеры озабочены скорее тем, чтобы эффектно сыграть свою роль в сценическом действе и в такой игре получить признание, чем быть полезными лидерами на деле, в жизненном мире. Тогда каким образом к мировому – не постановочному, а подлинному – порядку с такими лидерами прийти?

Ни первое, ни второе из этих осложняющих поиск МП обстоятельств мы, похоже, изменить не в состоянии. Остается задуматься над тем, каким образом возможна модель МП, которая не исходила бы из задачи построения иерархии акторов политического действия.

ANT – смиренный бунт против иерархий

Конечно, «смиренный бунт» – это оксиморон, который призван подчеркнуть здесь реальную скромность результатов, которых достигли сторонники «сетового подхода» в попытках свержения идиологов иерархии. Речь не идет о том, чтобы подвергнуть сомнению плодотворность АСТ («акторно-сетевой теории»): она фактически является даже не теорией, а целым семейством подходов с богатой историей и весомыми достижениями. Речь идет лишь об отдельном и конкретном вопросе: насколько успешно в дискурсах ANT удалось преодолеть иерархическую парадигму?

С 30-х и до 70-х годов XX века, когда понятия «ткань», «сеть» или «паутина отношений» стали широко применяться для описания социальной жизни, ими метафорически означались практики интеракций, взаимных влияний и взаимодействий между людьми и их группами. Плотность, текстура social network (социальных сетей) или webs (паутины отношений) Якобом Морено или Куртом Левиным моделируются топологически, применением математической теории графов. Люди представлены вершинами графов (Т. Ньюкомб называет их «операторами»), их отношения – ребрами. Такую, к примеру, «карту» философских традиций Р. Коллинз строит как топологическую схему личных знакомств философов.

С тех пор узлы network так и остались представленными действующими акторами – индивидами, группами, организациями. Именно они определяют вершины графов и изучаются посредством складывающихся между ними отношений. Естественно, нелепо игнорировать масштаб акторов, их мощь и силу. Взаимный или относительный «вес» или «ранг» разных акторов определен на модели уже числом ребер, сходящихся к той или иной вершине. Но наделить рангом – это и значит выстроить иерархию!

Поэтому претензии М. Кастельса и его многочисленных сторонников на то, что в современных обществах сетевые принципы устройства якобы вытесняют прежние, традиционно основанные на иерархиях, скорее фиксируют робкий тренд, выражают лишь надежду. Этот тренд за пределами социологических штудий оставался почти незаметным. Он мало на что влиял вплоть до появления сетевых информационных технологий, которые весьма кстати дополнили технологии сетевого маркетинга. Успешность IT и

транснациональных корпоративных сетей в сочетании с плодотворностью сетевых моделей социальных отношений трактуется в том якобы позитивном смысле, что капиталистический способ производства к XXI веку привел к информационной, сетевой и глобальной экономике, и что АСТ – «самая масштабная попытка осмысления сегодняшнего состояния и путей развития человеческой цивилизации» [6, с. 84].

Подобный оптимизм основан на смешении совершенно разных сетей или на попытках выстроить снова их некоторую иерархию. Примером псевдопроблемы на этот счет может служить увлекающая некоторых авторов дискуссия о том, компьютерные ли сети составляют основу социальных сетей или наоборот – что из них «глубже». АСТ отнюдь не покончила ни с принципом иерархии, ни с силовыми властными установками. Схватки между сетями ТНК, их борьба за первенство ничуть не стали менее ожесточенные, чем прежние классические (то есть, волчьи) методы конкуренции. Провайдеры интернета хорошо знают свои ранги и мечтают о монополии. Многих ли пользователей web-сети сделали лучше, уберегли от ожесточения, способствовали, даже странно говорить, скромности? Разве не измеряется успешность канала или программы числом подписчиков? Все субъекты конкуренции здесь весомее или слабее. Но когда на ровненькую сетку батута помещаются шары разного веса, вся ее исходная горизонтальная демократичность сменяется кривизной, и все шары катятся к самым тяжелым из них. В узлах social network, напомним, помещены именно «шары» – неизбежно ранжированные акторы. Насколько функциональна рыбацкая сеть, узлы которой по величине различались бы, подобно геополитическим акторам, в тысячи раз?

Исследователи, которые применяют АСТ для изучения конкретных вопросов (например, экономики или бизнес партнерства) твердо понимают сеть как многоуровневую и гибкую социальную структуру, но составленную именно акторами, которые и полагаются объектами изучения [7, с. 158].

К методологическим достоинствам АСТ, конечно, следует отнести гибкость сетей в сравнении с жесткостью иерархий. Они не только мягче и подвижнее. Сети также размывают обременительную, часто избыточную четкость границ, которая присуща строгим иерархиям.

В качестве позитивной метафизической черты отметим также, что принятая в АСТ коррелятивная нераздельность акторов и сетей перспективна в том плане, что без труда допускает гетерогенность акторов культурного и природного свойства. Актор – это и объект, и субъект; он, согласно некоторым оценкам, даже скорее является процессом, отношением, нежели вещью. Понятие актора расшатывается, десубстанциализируется, перестает с необходимостью полагаться в качестве субстрата, потому как всякой сущности, в чем уже не сомневаются молодые сторонники АСТ, предшествуют отношения [8, с. 167]. Иными словами, главными структурными элементами, если вообще уместно различать узлы сети и ее ячейки, могут полагаться не узлы сети, которые образованы взаимодействующими акторами, а нити сети, ее ячейки. Конечно, это составляет метафизически важный шаг, который ведет к отказу от классической в средиземноморской культуре онтологии субстанции. Жиль Делёз, Мануэль Деланда или Бруно Латур строят

онтологию процессов, а не объектов. Актанты (акторы) теперь сорваны со своих мест в иерархиях, они «бездомны», и все, что стоит знать об этих тощих понятиях, следует из наблюдаемых взаимодействий [9, с. 150]. Онтологическая демократия, уравнивающая в АСТ вне каких-либо иерархий материальные и идеальные феномены, симптоматично именуется «плоскими онтологиями» [10].

Плоские онтологии

«Новая социальная онтология» («онтикология», как ее называет М. Деланда), по мнению многих авторов, произвела «онтологический поворот XXI века» [11]. Ему посвящен значительный объем дискуссий, содержание плоской онтологии ныне представлено рядом версий. Круг идей, на которые она опирается (удачно ассимилирует, транслирует или продуцирует), бесспорно, заслуживает внимания.

К их прямым предтечам прежде всего следует отнести идеи синергетики, постановку вопроса о том, каким образом порядок может внезапно измениться, смениться хаосом, из которого вдруг возникают имплицитно содержащиеся в нем новые порядки. Вне какой-либо связи с математическими выкладками подобных «теорий катастроф» Бернхард Вандельфельс под влиянием Мишеля Фуко пишет о том, как прежний, классический *Ordo*, великий и неизменный, ныне расщепляется на многие порядки, ограниченные и сменяемые. Они скромнее и подвижнее, без замаха на всеобщность и следуют из «респонзивной» (от слова «ответ») феноменологии, основанной на отношениях «своего и чужого». Математика синергетики здесь ни при чём, а вот идеи – перекликаются, на то они и полиморфны. Никлас Луман, также из умозрительных оснований, исследует перспективы перехода от бессвязности – к порядку. Славой Жижек резюмирует более ранние идеи Алена Бадью и Луи Пьера Альтюссера в концепте «непредставимого порядка», лежащего «в сердце символического».

Еще в первой половине XX века подобные идеи снисходительно оценивались бы как экзотические причуды. Только в далекой первобытной архаике хаос считался бездной, в которой все исчезало в неразличимости, но именно поэтому – одновременно великой порождающей силой, из которой все может и возникнуть. Но уже более двух тысяч лет «хаос» безнадежно утратил былую мощь поглощения и порождения, стал просто ущербным «беспорядком». Преодолеть сложившееся предубеждение было не просто. Как видим, складывающимся представлениям о новом порядке плоских онтологий предшествует щедрая идеями история.

К важнейшим оригинальным идеям плоских онтологий, пожалуй, следует отнести понятие «сборки» как первичной реальности. Под ней понимается любая ассоциация, сеть, множество, теория, машина – все, что способен «собрать» актер. Конечно, любая сборка открыта и изменчива.

Основной же недостаток концепций плоских онтологий состоит в их недостаточной проработке – в сырости.

Так, «сборка», согласно замыслу, может быть любой. Однако в АСТ таким сборкам, как «общество» или «культура» места нет: они отвергаются как чересчур универсальные. Универсума не существует, он – только фикция, плоское бытие – это миры «плю-

риверсума», «гетероверсума». Не слишком ли большая эта жертва – утрата объектов социологии и культурологии, их замещение реляционными предметами исследования?

«Идите за актерами» – формулирует Бруно Латур единственно продуктивный, как он считает, лозунг для исследователя [12, с. 313]. Но как это совмещается с признанием сборки как первичной реальности? Логичнее было бы сказать: «оставьте актеров, идите за сборками». Но представителям АСТ не удастся с актерами расстаться.

Серьезным изъяном является также отмечаемый некоторыми авторами эпистемологический агностицизм, который свойственен плоским онтологиям [13, с. 110]. Дело в том, что любые сборки равнозначны, а значит, в их поле невозможна когнитивная иерархия: понятия истины и заблуждения, правды и лжи лишены смысла.

Наконец, концепцию плоских онтологий серьезно компрометирует ее легкая совместимость с идеологией трансгуманизма. Из того, что human actors (люди) полагаются равнозначными non-human actors (организациям, биоценозам, машинам, нарративам, габитусам и т.д.) зачастую выводится, что гуманизм вообще не имеет каких-либо предпочтений. Вполне в духе Макса Шваба, Джереми Рифкина, Рея Курцвейла или Жака Аттали ряд сторонников АСТ и плоских онтологий усматривают единственную альтернативу исчезновения человечества в радикальной трансформации телесности людей и их психики. По-настоящему, ценой становления лелеемого ими постчеловека оказывается отказ от гуманизма.

И все же концепции плоских онтологий применительно к АСТ присуща важнейшая имплицитная интенция построения сети «нового поколения»: сети иной, чем social network, сети, начисто избавленной от иерархий. Ибо иерархия никак не может быть плоской.

Сеть без иерархий: процессуальная парадигма

В арабо-мусульманской или китайской культуре мир понимается как процесс, в западной, средиземноморской традиции – как мозаика и игра субстанций. Или мир сложен из «кирпичиков», или он просто «ветвится кустом и растет», неважно из чего – из Великой Пустоты или иного потаенного корня. Здесь нужно определиться: какой из парадигм – субстанциональной или процессуальной – стоит следовать в поисках сети мирового порядка.

В построенных версиях плоских онтологий этот принципиальный вопрос решается контекстуально. Тем не менее часть авторов (напомним, Делёз, Деланда и Латур) отчетливо склонны к онтологии процессов. С нашей точки зрения, в понятии «сети» важен именно процессуальный, а не привычный субстанциональный характер организации упорядочивания. А.В. Смирнов справедливо истолковывает сетевой порядок как «цепочки действий», как устойчивость скоординированных действий, их кластеры [14]. Сеть может только вырасти, ее нельзя сплести так, как плетут силки или рыбацкую сеть, а затем посулами и давлением навязать слабым и покорным. Такая сеть вообще не предназначена для ловли слабых. Потому и рвать ее никому, кроме заведомого злодея, в голову не приходит. Напротив, ее ценить и беречь стоит. Ибо процессуальная сеть складывается на добровольных началах и предназначена для добровольного же совместного пользования.

Ее узлы – это вовсе не сами акторы, но договоры свободных и равноправных акторов, а нити и ячейки – согласованные алгоритмы взаимовыгодных действий. В world net,

назовем так сети нового мирового порядка, никто не рискует попасться, как в ловушку: они плетутся общими усилиями. Ни одна из сторон не может быть добычей, выгодный всем «улов» добывается координацией совместных действий, но ни в коем случае не извлекается за счет ущемления интересов кого-то из акторов. Нити ячеек сети сплетены движениями разных акторов. Чем больше акторов и чем интенсивнее они снуют по проторенным путям, тем шире и удобнее они становятся, тем прочнее «вяжутся нити», крепнут и ветвятся ячейки.

Сопоставление акторов возможно лишь *post factum*, по их вкладу в построение и укрепление сети. Акторы находятся вне слоя сети, и только привычка к иерархиям подталкивает к некорректному вопросу: «но где же именно, над сетью или в ней?». Однако сетевой актор – и не рыбак, и не его подводная добыча. Мировой порядок зиждется на устройстве и развитии сети, ранжирование акторов второстепенно и к порядку вообще не относится. Конечно, сеть нужна для получения социального капитала (здесь Коулмен прав). Но непременно всеми ее акторами, и по согласованным паям. Жареная рыба к столу после удачного заброса сети – это совсем не то, что хотелось бы рыбе.

Сеть нового поколения – *world net* – по-настоящему плоская. Топологическая размерность плоскости равна двум. Нет сетей менее и более высокого уровня, что обесценивает претензии «многоуровневого сетевого анализа» (если только не относить «многие уровни» к качеству исследований, к глубине анализа). *World net* не развернута в высоту, ее топологическая размерность никогда не достигает трех, но вследствие слоистости сети может быть чуть больше двух. Слоистость сети, ее дробная размерность непривычны, но совершенно нормальны в синергетике процессов. Слои *world net* можно интерпретировать, например, как дополнительные и частные соглашения к договоренностям фундаментального свойства или особенности их регионального применения.

Примером сети старого поколения *social network* может служить ООН, где иерархия акторов очевидна. Собственно, «нации» и есть акторы, из которых сеть ООН сложена. С момента создания акторы в основном занимались тем, что «тянули одеяло на себя», с изменением их веса мировой порядок расшатывался, организация становилась все менее жизнеспособной.

К неудавшейся попытке выстроить лучшую сеть следует отнести создание ЕС. Европейские нации поступились суверенитетом и полноценной ролью акторов, передав полномочия общему бюрократическому управлению. Вопреки ожиданиям, новый актор не суммировал потенциалы полученных суверенитетов. Произошло катастрофическое измельчание, деградация национальных политических элит, а общеевропейская управленческая верхушка изначально, дабы не дразнить национальные элиты, была и остается мало компетентной, серой.

Среди исторических прецедентов покушения на принцип иерархии акторов, как ни странно, находится Вестфальский мир. Введенный им новый европейский порядок, конечно, был основан на примате национальных суверенитетов, вполне в духе акторно-сетевых представлений. Однако выход из системного кризиса и Тридцатилетней войны стал возможен посредством отказа от иерархии конфессий. Достижение веротер-

пимости было сложным и мучительным процессом. В методологическом отношении он состоял в ограничении роли акторов, в частичной замене social network сетью world net. От прежнего принципа «чья страна, того и вера» пришлось отказаться.

Сеть ВТО изначально в значительной мере складывалась как world net. Пока некоторые могущественные акторы ее не искорежили и едва ли не сломали, исходя из частных интересов. Но ВТО – это, конечно, далеко не мировой порядок. Хотя и важная его часть.

Судя по первым (правда, до сих пор больше декларативным и организационным) шагам, к попытке создания сети нового поколения world net и современного мирового порядка можно отнести организацию БРИКС. Лидеры стран, которые ее инициируют, близки к общей трактовке МП – как сети без иерархий, высокомерия или подавления, ориентированной на равноправие в инициировании и достижении договоренностей, на стремлении к их справедливости и обоюдной выгоде. Принцип добровольного участия в ней («никому и ничего не навязывать») лежит в основе развития. Ее перспективы, возможно, сопряжены с установлением нового, невырожденного мирового порядка, который был бы, наконец, свободен от борьбы акторов за место в иерархии. Пока небывалого в истории человечества.

Заключение

Различия традиционного, вырожденного мирового порядка от ныне складывающегося (social network versus world net) отчетливо демонстрируют некоторые ключевые тезисы культовой для старого порядка книги Фридриха Августа Хайека «Дорога к рабству».

Подытоживая долгий опыт, автор полагает неизбежным, что вооруженным и суверенным государствам присуще поведение «с позиции силы». Поэтому надежда заменить переговорами стихийную конкурентную борьбу за рынки сбыта и сырья является «роковой иллюзией» [15, с. 237–238]. Именно это скверное обыкновение силовой борьбы акторов за место в иерархии ныне подлежит преодолению в становлении МП как открытой и свободной договорной сети world net. Проект нового мирового порядка, БРИКС не более утопичны, чем право, которое начало складываться две с половиной тысячи лет назад. Тогда Анахарсис говорил Солону, что паутина его законов удержит разве что слабую муху, сильный ее порвет. Как известно, скиф оказался прав только отчасти. Может быть, сейчас и складываются предпосылки подлинного международного права взамен лицемерных

«правил», которыми акторы манипулируют по собственному усмотрению?

Согласно второму из тезисов, отношение либерала к обществу подобно отношению садовника к растению [Там же, с. 34]. Применительно к мировому порядку это значит его сведение до незавидной роли растения, которое актор (главный садовник) стрижет так, как ему заблагорассудится. Современные европейские бюрократы любят эту историю – про сад, про джунгли – и мнят себя умелыми садовниками. Только вот сад-то гибнет. Нужного всем мирового порядка нельзя достичь посредством диктата садовых ножниц, он может спонтанно вырасти только из общих согласованных усилий по достижению чуткого баланса интересов.

Третий из тезисов особенно циничен. Для дела либерализма, считает автор, чрезвычайно вредно «с тупым упорством» отстаивать «примитивное» правило *laissez-faire* [Там же, с. 33–34]. Но именно «честная игра» лежит в основе построения world net и современного мирового порядка! Что же делать с подлыми шулерами и хитрыми жуликами помимо их изоляции, как усмирить разбойничьи аппетиты? Вопреки смыслу этого своего тезиса Ф. Хайек подталкивает сторонников нового мирового порядка XXI века к постановке вопроса об уместных силовых и моральных средствах санации псевдолибералов.

Соединим эти тезисы. Резюме вырожденного МП как субординации акторов (выразим его столь же прямо, как высказаны сами тезисы) могло бы состоять в утверждении: «порядок в посудной лавке определяет главный псевдолиберальный слон». Честную игру он полагает глупостью, нормальным поведением – силу, хитрость и напористость в достижении диктата. Осколки же разбитой посуды, разгром в лавке считает нормальными издержками.

Флавий Вегетий, известный римский писатель, предупреждал соотечественников: «хочешь мира – готовься к войне». Патрон «*Para bellum*» в XXI веке является стандартом НАТО, так именуется и марка популярного во времена Второй мировой войны пистолета. Впрочем, еще за многие столетия до древних римлян эту же мысль высказывал некий полководец из Фив, имя которого затерялось за давностью лет. Неужели сакраментальному «*si vis pacem, para bellum*» суждено остаться эпитафией для сгинувшего в амбициях и распрях человечества? Цена выбора (*social network versus world net*) уже чрезмерна и растет все быстрее.

Список литературы

1. Ивашковская Т.В., Павлов В.А. Мировой порядок в XXI веке: трансформация геополитической модели современного мира // Вызовы глобализации в начале XXI века. Санкт-Петербург, 2006. С. 62-67.
2. Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. – СПб.: «Северная звезда», 2004. – 286 с.
3. Исаев И.А. *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. – М.: Юристъ, 2003. – 575 с.
4. Библиер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
5. Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии, 1990, № 4.

6. Князева Е.И. Сетевая теория в современной социологии // Социология. 2006. № 2. С. 82-88.
7. Соколова Д.А., Селиванова Т.В. От теории социальных сетей к моделированию сетевого взаимодействия (на примере российско-корейского делового партнерства на Дальнем Востоке России) // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 4. 2019. 152–161.
8. Сивоконь А.С. Акторно-сетевой подход: истоки и перспективы в социально-философском дискурсе // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Том 157, кн.1, 2015. С. 162-169.
9. Писарев А.А. Сети, плоскости, материя: об употреблении плоских социальных онтологий // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2020. № 1 (51). С. 144–157.
10. Брайант Л. Демократия объектов / пер. с англ. О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 320 с.
11. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. Том 27. №3. 2017. С. 35-56.
12. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: ВШЭ, 2014.
13. Керимов Т. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии // Russian sociological review. 2022. Vol. 21. No. 1. P. 109-130.
14. Смирнов А.В., Солондаев В.К. Процессуальная логика. М.: ООО «Сандра», 2019. – 160 с.
15. Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Пер. с англ. Н. Ставицкой. Под ред. и с примеч. А. Бабича. London: Nina Karsov, 1983. – 289 с.

Сведения об авторе

Шоркин Алексей Давыдович – доктор философских наук, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: alexshorkin@mail.ru

Shorkin A. D.

THE WORLD ORDER: A NETWORK INSTEAD OF AN HIERARCHY

***Abstract:** Until now, ideas about the world order were necessarily associated with the stability of the hierarchy of geopolitical actors. It was actually reduced to the results of the struggle for leadership and world domination, to the division of spheres of influence. Forceful methods of establishing and maintaining order were considered as normal. Today the risks of following this traditional stratagem are unacceptably high. The article analyzes attempts to overcome the ubiquity of the principle of hierarchies in the methodology of actor-network theories and flat ontologies. The well-known version of the network (social network) should be preferred to a new generation network (world net) without the presence and subordination of familiar*

actors in its nodes. A promising step towards building a new world order and a new free network is the BRICS project.

Keywords: *world order, hierarchy, actor, network, flat ontology.*

References

1. Ivashkovskaya T.V., Pavlov V.A. Miroporyadok v XXI veke: transformaciya geopoliticheskoj modeli sovremennogo mira // Vyzovy globalizacii v nachale XXI veka. Sankt-Peterburg, 2006. S. 62-67.
2. Kefeli I.F. Sud'ba Rossii v global'noj geopolitike. – SPb.: «Severnaya zvezda», 2004. – 286 s.
3. Isaev I.A. Politica hermetica: skrytye aspekty vlasti. – M.: Yurist», 2003. – 575 s.
4. Bibler V.S. Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: Dva filosofskih vvedeniya v XXI vek. – M.: Politizdat, 1990. – 413 s.
5. Gvardini R. Konec Novogo vremeni // Voprosy filosofii, 1990, № 4.
6. Knyazeva E.I. Setevaya teoriya v sovremennoj sociologii // Sociologiya. 2006. № 2. S. 82-88.
7. Sokolova D.A., Selivanova T.V. Ot teorii social'nyh setej k modelirovaniyu setevogo vzaimodejstviya (na primere rossijsko-korejskogo delovogo partnerstva na Dal'nem Vostoke Rossii) // Izvestiya DVFU. Ekonomika i upravlenie. 4. 2019. 152–161.
8. Sivokon' A.S. Aktorno-setevoj podhod: istoki i perspektivy v social'no-filosofskom diskurse // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Tom 157, kn.1, 2015. S. 162-169.
9. Pisarev A.A. Seti, ploskosti, materiya: ob upotreblenii ploskih social'nyh ontologij // Vestnik TvGU. Seriya «Filosofiya». 2020. № 1 (51). S. 144–157.
10. Brajant L. Demokratiya ob»ektov / per. s angl. O. Myshkina. Perm': Gile Press, 2019. 320 s.
11. Delanda M. Novaya ontologiya dlya social'nyh nauk // Logos. Tom 27. №3. 2017. S. 35-56.
12. Latur B. Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu / Per. s angl. I. Polonskoj. M.: VShE, 2014.
13. Kerimov T. «Ontologicheskij povorot» v social'nyh naukah: vozvrashchenie epistemologii // Russian sociological review. 2022. Vol. 21. No. 1. P. 109-130.
14. Smirnov A.V., Solondaev V.K. Processual'naya logika. M.: OOO «Sandra», 2019. – 160 s.
15. Hajek F.A. Doroga k rabstvu / Per. s angl. N. Stavickoj. Pod red. i s primech. A. Babicha. London: Nina Karsov, 1983. – 289 s.

Shorkin Alexey Davydovich – Doctor of philosophy, the Crimean Federal University of V. I. Vernadskij, Simferopol, Russian Federation.

E-mail: alexshorkin@mail.ru

УДК 130.2

DOI: 10.37279/2413-1695-2024-10-1-18-29

НОРМАТИВНОСТЬ ФОТОГРАФИИ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ВИДИМОСТИ И ВОСПИТАНИЕ ВЗГЛЯДА

Хорошилов А. А.

***Аннотация:** В статье анализируется феномен нормативности фотографии как способа регулирования процесса создания и распространения изображений. На примере культурной практики и социального использования фотографии показывается, что нормативность проявляется в аспектах дискурса власти, социальной нормативности и эстетического принципа. На основании этого делается вывод о сконструированности изображений и закрытости мира от них, необходимости ограничения представления о фотографии как о прозрачном способе репрезентации вещей и удостоверении их существования, а также о выражении в фотографии культурных кодов общества, которое ее использует. Таким образом, нормативность фотографии, существующая в культуре, производит воспитание взгляда, вводит визуальные стандарты и нормы зрительного восприятия. Это в свою очередь открывает политическое измерение фотографии.*

***Ключевые слова:** фотография, нормативность, философия фотографии, культурная практика.*

Важность вопроса о нормативности фотографии становится очевидной в ситуации, когда мир по большей части представлен через фото и видео изображения. Сколько бы кадров мы ни сделали, сколько бы часов видео ни сняли, все равно у нас не получится воспроизвести окружающий мир во всей его полноте. Главное, что остается по ту сторону изображения, – это возможность взаимодействия с местом, в котором находится наблюдатель: рассматривать, перемещать объекты, самому перемещаться как захочется. Это верно даже, если не брать во внимание особую роль видимости, в которой исчерпывается информация, доступная на фотографии или видео. Человек, рассматривающий фотографию, всегда имеет дело с точкой зрения, с жестом автора этого изображения. Последнее подчиняется желанию создателя показать или, наоборот, скрыть что-то. Условность и ограниченность автоматических изображений, стремящихся представить для нас мир, остается общепринятой и разделяемой ситуацией в культуре. Несмотря на описанную неполноту рассматриваемые медиа успешно встроены в многообразие культурных практик.

Выводы, полученные нами, демонстрируют, что фотография, как культурная практика предоставляет ряд возможностей, действующих как способ защиты от хаоса реальности и как способ конструирования своего присутствия в мире цифровых коммуникаций [1; 2]. Действуя в обществе, она способна выражать отношения, демонстрировать события,

информировать, удостоверить, создавать общественное мнение. Из-за столь широких возможностей, демонстрация фотографических изображений попадает под контроль власти. В ее руках фотография участвует в процессе идентификации, каталогизации, создании внешнего вида, моделировании видимости и других процессах упорядочивания и контроля. Результаты этого процесса знакомы всем: это фотография для удостоверения личности, запрет на фотографирование определенных мест, контроль за содержанием изображений в СМИ и другие нормативные процессы. Поскольку существование фотографии в социальной среде служит различным целям и может привести к конкретным действиям и переменам, то контроль как над демонстрацией, так и над производством изображений может рассматриваться как способ контроля над обществом.

Первый факт вмешательства власти в производство фотографий, связанный с решением британского правительства во время Крымской войны 1853–1856 годов, описывает Сьюзен Сонтаг: «Весь предыдущий год (1854) пресса публиковала тревожные сообщения о непредвиденных опасностях и лишениях, которым подвергаются британские солдаты, и, желая как-то нейтрализовать их, правительство предложило известному профессиональному фотографу создать более благоприятное впечатление о непопулярной войне» [3, с. 39]. Этим «официальным» фотокорреспондентом был Роджер Фентон. Перед отправкой в Крым он получил четкие инструкции не фотографировать убитых, искалеченных и больных. Помимо этого, его фотографии лимитировала громоздкая техника, используемый им фотографический процесс, на то время самый совершенный, но от этого не менее трудоемкий. Поэтому сюжетами его снимков стали виды Севастополя и Балаклавы, корабли британского флота, палаточные лагеря, укрепления, кладбища. Для того чтобы снять солдат за повседневными делами, ему приходилось расставлять их наиболее удачным образом и просить не двигаться 15 секунд – таково было минимальное время выдержки при лучших условиях.

Первая поддерживаемая правительством командировка фотографа на войну послужила отправным пунктом в моделировании мнения о вооруженных конфликтах среди граждан враждующих государств. Любая война – это бесконечный ужас насилия и смерти. Но такой она становится для всего мира только с помощью фотографий или видеозаписи. Всесторонняя освещенность ужасов войны во Вьетнаме привела к широкому антимилитаристскому движению, подрыву авторитета американского правительства и широкой череде акций протеста. После этого прецедента, «понимая те эффекты, которые могут возникнуть в результате воздействия изображений на общественное мнение, военные систематически стремились над ними господствовать, удалять виды, снятые с земли, запрещать любое представление тел и жертв, изымать любые конкретные следы боев... Таким образом, война становилась абстрактной и приемлемой, если не приятной» [4, с. 170].

Нормативность фотографий войны, контролируемая властью, определяет восприятие событий конфликта и используется для регулирования общественного мнения и поддержания порядка. Такая фотография демонстрирует только определенные сюжеты и полностью игнорирует другие, закрывает мир от наблюдателя. Сегодня, с распростране-

нием электронных СМИ, социальных сетей и информационных каналов в мессенджерах, контроль над распространением изображений и видео становится не просто задачей цензуры внутри государства. Вместе с тем он превращается в часть феномена, получившего название информационных войн, которые предполагают среди прочего «массированную психологическую обработку населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны» [5]. И роль фотографии и видео в этом процессе сложно переоценить.

Примечательно, что такой порядок представления информации используется не только во время войн: он служит также актуальной практикой любого истеблишмента. За любым лидером закреплён штат фотографов, изготавливающий официальные снимки событий, встреч и досуга главы государства. Все вместе они призваны создать образ политика, который удовлетворит избирателя и сформирует у него идею сильного, достойного, уверенного президента, премьер-министра и т.д. Наравне с этим все другие фотографии, которые могут сделать фотографы, по мере возможности тщательно контролируются. Если мероприятие не закрытое, то фотографам отводится определенное место, лишь с которого они могут вести съемку, и указывается пространство, которое они могут фотографировать. Введенная сегодня нормативность для изображений войны и политиков наглядно показывает, как может выстраиваться политическое воспитание взгляда.

Следующий этап контроля производства изображений заключается в полном запрете фотографирования на определенной территории или необходимости получения разрешения на это. Например, на территории Российской Федерации для использования съемочной аппаратуры на заседаниях суда или в местах лишения свободы требуется разрешение суда или начальника учреждения УФСИН, что делает недостижимой эту возможность для большей части общества. Сама проблема открытости общественных, частных и специальных мест для изображений ярко демонстрируется количеством правовых и нормативных документов [6].

Однако контроль над снимками осуществляется не только в сфере власти. Нормативность может проявляться в предпочтении одного вида изображений другим, в выборе позы, места или события для съемки, в эстетических характеристиках фотографии и т. д. – словом, конструироваться на основе социального габитуса. В определенных случаях введение нормативности в производство фотографий может выступать как инициатива общественной организации или группы людей. Например, в феврале 2015 года Российский Союз Молодежи запустил «компанию по борьбе с опасными селфи». В качестве обоснования авторы приводят следующее: «Людам свойственно не замечать опасность, если та скрывается за чем-то безобидным и малозначимым. Но поверьте, речь идет не о мифической угрозе, опасные селфи – это проблема, которую надо было решать еще вчера [...] подростки все чаще гибнут и калечатся, делая рискованные селфи и экстремальные фото друг друга. Российский Союз Молодежи призывает бороться с «эпидемией селфи»!¹

Другая сторона нормативности фотографии связана с тем, что Пьер Бурдьё в рам-

---

1 ВКонтakte: сайт. URL: https://vk.com/wall-27486_9114?ysclid=Isozs323ew400164176 (дата обращения 16.02.2024)

ках анализа культурных практик фотографии называет народной эстетикой. Она выражается в виде фотографической продукции или в суждениях по поводу фотографии, основанных на общественном вкусе, который в свою очередь подчинен «категориям и канонам традиционного мировидения» [7, с. 124]. Последнее подчиняет фотографию логике репрезентации и точного воспроизведения реального. При этом, показывает Бурдые, реальное – это отнюдь не существующее объективно и согласующееся с реальностью вещей, но то, что соответствует правилам социального определения объективности. Таким образом, общество само для себя определяет, что образ реального, соответствующий способу презентации в этом обществе, является объективным. Народная эстетика вносит свое изменение нормативности в создание фотографических изображений и делает это строго в соответствии со своим способом восприятия.

Еще одно измерение нормативности фотография принимает в практике творческой фотографии. Этот термин скорее описывает эстетические особенности изображений, нежели приписывает им выбор определенного объекта для съемки. Например, одноименная книга состоит из двух частей: «творческие техники» и «творческие сюжеты» [8]. В них подробно рассматривается то, как необходимо настроить камеру и как снимать тот или иной сюжет, чтобы получить «замечательные фотографии» [8, с. 6]. Творческая фотография ставит перед собой цель, не покидая поля фотографии и используя только фотографические средства, порвать с расхожим, обывательским, использованием фотографии. Этот переход от обывательского к творческому использованию фотографической практики сопровождается в первую очередь углублением знаний в использовании аппаратуры, построении кадра, композиции. Он связан с улучшением качества изображений. Во многом эти изображения остаются в сфере той же народной эстетики и попросту обретают качественный, с точки зрения фотографического искусства, вид. Продвигаясь в навыках творческой фотографии, фотограф, скорее всего, будет определять ценность своих снимков в соответствии с наличием на них «сюрпризов» – определенных обстоятельств, метко описанных Роланом Бартом. Среди них редкость фотографируемого объекта, запечатление действия в его решающей стадии, «смелый трюк», мультиэкспозиция, оптические искажения, случайная или необычная находка [9, с. 65–66]. Творческий фотограф должен тренироваться в поисках подобных сюжетов, «подобно акробату, должен пренебречь законами вероятного и даже просто возможного» [9, с. 67].

Наконец, нормативность может исходить из фотографических союзов, агентств и организаций. Так, вид репортажной фотографии, какой мы ее знаем в XX веке, во многом придала деятельность фотографов агентства Магнум Фото (Magnum Photos). Другое общество, возникшее в начале 90-х годов XX века, широко распространенное в мире – «Ломографическое общество»² – чье развитие и распространение связано с особым видом изображений, получаемых при помощи камеры ЛОМО. Они отличаются насыщенными цветами, высоким контрастом, размытостью. То есть полностью противоположны по своей изобразительной эстетике тем изображениям, которые преобладают как в медийной среде, так и среди фотографий, сделанных исходя из общественного вкуса. Помимо изо-

2 Оно получило свое название и идеологию из-за советского фотоаппарата «ЛОМО КОМПАКТ-АВТОМАТ» (ЛК-А).

бражений внутренний протест против общепринятой фотографии выражается и в 10 правилах ломографии: 1. Всегда берите с собой фотоаппарат, где бы вы ни были; 2. Используйте фотоаппарат в любое время дня и ночи; 3. Ломография не вторжение в вашу жизнь, это часть ее; 4. Снимайте от бедра; 5. Приближайтесь максимально близко к избранным ломографическим объектам; 6. Не думайте; 7. Действуйте быстро; 8. Необязательно знать заранее, что у вас получится на пленке; 9. И после съемки тоже; 10. Не думайте о правилах.³ Эти правила последовательно порывают с пунктами народной эстетики, что проявляется в постоянном наличии камеры и расширении фотографической практики от занятия с определенным временем и местом до жизни как таковой. Сюда же нужно добавить пренебрежение традиционными идеями кадрирования, композиции, выстраивания кадра, прогнозирования результата, и отмену каких-либо видов условностей относительно фотографической практики. Провозглашая абсолютную свободу в отношении способа фотографирования, ломография все же устанавливает нормативность изображений через их эстетические характеристики, которые во многом зависят от аппаратуры и машинного основания (способа обработки). Практика ломографии создает изображения, являющиеся противоположностью общераспространенных фотографий, но для того, чтобы оставаться определенной, придерживается эстетических норм, установленных как используемой техникой, так и способом обращения с ней.

Итак, описанная нами нормативность фотографии проявляется в трех аспектах. Во-первых, это контроль над фотографиями войны, политиков и прямой запрет на съемку. Во-вторых, социальные нормы, обусловленные общественным вкусом. В-третьих, практика фотографирования, созданная вокруг определенного эстетического принципа. На основании этого можно сделать несколько выводов.

Первое, на что падает внимание при таком рассмотрении фотографической практики, – это сконструированность изображений и закрытость мира от них. Войну представляют в выгодном (в плане регулирования общественного мнения) свете, и властью прямо запрещается изображать такие места, как тюрьмы, военные базы и т.п. Повседневная и праздничная фотография подчинена определенному вкусу, и ее достоверность выстраивается в соответствии с принятым понятием реального. Творческая фотография скорее ориентирована на выразительные возможности используемой техники, фотографического письма, чем на предмет перед объективом. Во всех описанных ситуациях окружающий мир, его события, остаются по ту сторону фотографии. Парадоксальным образом фотография, которой в XIX веке приписывали будущее, связанное с открытием мира для взгляда, показом недоступных мест, осуществлением переписи вещей и т.п., становится тем, что закрывает этот мир от взгляда, что мало ориентировано на отображение внешнего мира, а больше замкнуто в ряде видов и сюжетов, воспроизводящих одно и то же. Кажется, что сегодня едва ли возможно найти или сделать фотографии, которые просто говорили бы о том, что есть, что происходит, о том что возвращается каждый день в банальном, уже виденном. «Парадокс состоит в следующем: самые совершенные технологии неперестанно расширяют границы видимого, средства массо-

---

³ Ломография // Фотожурнал ХЭ: сайт. URL: <http://photo-element.ru/ps/lomo/lomo.html> (дата обращения 16.02.2024)

вой информации пытаются представить нам все более далекие и неизведанные места, виртуальные миры противопоставляют синтетические изображения реальным, жесткая конкуренция заставляет культурную индустрию (рекламу, телевидение, прессу, туризм и т. д.) удваивать графическую изощренность» [4, с. 454]. При этом мы начинаем видеть меньше, не обращаем внимание на повседневное и ординарное, уже виденное. Пожалуй, единственным местом в современной культуре, где мы можем встретиться лицом к лицу с повседневным и банальным, служит современное искусство.

Пытаясь разрешить описанный выше парадокс, художники изображают повседневное и знакомое, создают описи вещей, используя в качестве средства фотографию. Эмансипация фотографии от общественного вкуса, дискурса власти и эстетики «сюрприза», произошедшая в искусстве, приводит ее к функционированию на том уровне культурной практики, который мы описали как замедление и повторение [1]. Художники, работая с повседневностью, используют фотографию как способ защиты от нарастающего потока информации, визуальных образов, скорости жизни, как способ создания целостности, восстановления связи с конкретным, осязаемым, пережитым, знакомым.

Итак, практика фотографии вполне совмещает в себе две противоположных функции: дематериализацию мира, сокрытие его за визуальными образами, и обратное движение, вновь открывающее взгляду повседневное и актуализирующее мир. Осознание нормативных порядков, применяемых к фотографии в определенных социальных сферах, при таком рассмотрении играет важную роль в осмыслении границ восприятия и знания об окружающем мире.

Второй вывод, прямо связанный с первым, относительно нормативности, применяемой к фотографии в культуре, можно выразить следующим образом: суждение о сущности фотографии как о способе прозрачной репрезентации вещей и удостоверения их существования должно приниматься со значительным ограничением. При рассмотрении фотографии в качестве документа необходимо учитывать процесс создания изображения и эстетические привычки автора и зрителя изображения. Проиллюстрировать это положение можно на примере снимков фотографов, работавших в Петербурге во второй половине XIX века. Почти на всех изображениях города мы не увидим деталей неба (ему будет соответствовать равномерная светлая поверхность), людей и столбов с проводами, которые в то время повсеместно были установлены в городе. Если относительно изображения неба ситуацию легко объяснить особенностью фотоматериала того времени, то куда пропадают люди и столбы? Обратившись к оригинальным негативам, можно увидеть, что все это на них есть. Эстетический принцип того времени заставлял фотографов с помощью ретуши убирать столбы, провода, и случайно попавших в кадр людей, а иногда даже целые кареты с итоговых отпечатков. Публика приветствовала строгие и безмолвные изображения города – в противовес излишним деталям, связанным с индустриализацией и многолюдностью. Таким образом, фотографии Петербурга второй половины XIX века, представляют большой интерес для исследования в качестве способа видения, соответствовавшего той эпохе, а не как документ или свидетельство, описывающее город. В более категоричной форме

изложенную ситуацию можно обобщить следующим образом: фотоснимок лжет, он говорит не о реальности, а о культурных кодах. Это третий возможный вывод относительно нормативности фотографии.

Понимание снимков как культурных свидетельств открывает широкий горизонт для исследования социальной реальности, получившей расширение через фотографию. Оно становится тем актуальнее и содержательнее, чем большую роль в культуре начинает играть видимость. В общем виде исследование изображений может служить главным инструментом в воссоздании эволюции видения человечества, от доисторической эпохи до наших дней. Как показывает В.М. Розин, историческое рассмотрение связи изображений и социальной реальности может послужить основой для обоснования современного способа восприятия, описания культурных моделей, лежащих в основе видения окружающего мира и производства изображений [10]. Здесь нормативность предстает как массовый вкус, на основании которого делается выбор о месте, позе, времени и ситуации для съемки. Вкус этот крайне консервативен и выдает себя через «неисчислимое» множество однотипных изображений, доступных для просмотра в социальных сетях. Портреты, дети, праздники, встречи, отпуска и другие события жизни, если и подлежат фотосъемке, то только определенным образом, с расчетом на определенные изображения в итоге. Вся важность подобных наблюдений заключается в том, что выбор точки зрения на фотографируемую сцену редко является осознанным, но скорее завершается в мимолетном схватывании наиболее «красивой» для взгляда компоновке кадра. Бессознательный выбор направления и момента съемки, разделяемый среди множества фотографов-по-случаю и фотографов любителей, говорит сам за себя. Такое предпочтение связано с общим планом общественного вкуса, генерирующего способ смотреть, выбирать, думать, оценивать. Общий вид чувственности в современном мире выходит за рамки конкретного государства, народа или общества и становится массово разделяемым всеми участниками интернет-среды в планетарном масштабе, о чем можно судить по географии фотоснимков. Всемирный культурный код, во многом укорененный в визуальном, приводит к тому, что люди начинают видеть одни и не замечать другие события независимо от места жизни, достатка, образования, исторического наследия и т. д. Это предполагает, что «близкое и далекое смешиваются в одной и той же униформизации [и] что видимое само по себе ускользает от нас в нагромождении визуальных штампов» [4, с. 458]. В такой ситуации давать себе отчет в том, чем мы руководствуемся при восприятии и познании окружающего мира, становится особенно важно ввиду вывода, сделанного первым. Видимость, подчиненная дискурсу власти, может выступать как средство контроля. Средство много более опасное, чем силовое принуждение, так как действует неявно, исподволь навязывая нам ту или иную точку зрения как в смысле мышления, так и в смысле направления взгляда.

Если мы придаем своим фотоизображениям определенный желанный вид, мы тем самым используем фотографию как прокрустово ложе для нашего восприятия. Чувственность, организованная по фотографическому принципу, приводит к ситуации, когда мы считаем правомерным выносить решение о ценности места, объекта, события и

даже человека по одной лишь фотографии. Сергей Лишаев подробно описывает одно из проявлений такого рода восприятия, называя его «фото-конструкция путешествия». «С тех пор, – пишет Лишаев, – как туризм стал массовым, а путеводной нитью наших странствий по свету стала фотография, его природа изменилась. Когда-то внимание путешественников занимали дорога и то, что ей открывалось: другой мир, другие люди, невиданные обычаи и нравы. Бытие-в-пути было насыщено событиями и встречами, оно давало человеку новый опыт и расширяло границы сознания. В наши дни внимание туриста сместилось с людей и ландшафтов на технические образы. Соответственно, иным стало и путешествие» [11, с. 50–51]. Собираясь в путешествие, турист смотрит фотографии того места (главным образом достопримечательности) куда едет, приехав, делает снимки этих уже увиденных на других фотографиях достопримечательностей, но уже свои, а вернувшись домой, смотрит на эти снимки. Такую ситуацию едко комментирует Маклюэн: «Можно поспорить, что такие люди на самом деле никогда не покидают своих избитых маршрутов восприимчивости, равно как никогда не прибывают ни в какое новое место» [12, с. 224].

Итак, рассмотренная нами нормативность в фотографической сфере характеризуется, с одной стороны, предпочтительным видом изображений, который зависит от культурных кодов, привычек и норм зрительного восприятия, принятого в конкретном обществе. С другой стороны, нормативность исходит из дискурса власти, действуя как прямой запрет на съемку, как регулирование содержания фотографий, демонстрируемых в СМИ или публично, как формирование общественно мнения через предъявление фотографий, которые вписываются в визуальные стандарты людей, не вызывают противоречий своим значением и искажают смысл сфотографированного события тем, как оно сфотографировано. Культура производит воспитание взгляда, и фотография в этом процессе занимает не меньшую роль чем телевидение, кино и интернет.

Диалектика предъявленного/скрытого, появления/исчезновения пронизывает современную культурную практику фотографии. Этот факт отчетливо демонстрирует смену отношения к фотографической процедуре. Появившись в связи с развитием метрополий, монетарной экономики и индустриализацией, фотография в полной мере соответствовала новому обществу модерна, поскольку отлично могла его документировать и актуализировать его ценности. В нее верили как в инструмент, который поможет открыть мир, сделать его представимым, объединить разрозненные территории. Тогда и появилась вера в фотографию как в документ, чья достоверность не могла быть оспорена из-за машинной основы и исключенности руки человека из процесса создания изображений.

Сегодня фотография стала совершенной машиной для создания изображений. Изменив полностью свою технологию, она смогла мимикрировать под вид своего прошлого способа существования. Но при этом изменилась роль самих изображений, предлагаемых ее практикой. Функция показа, предъявления, репрезентации, регистрации мира, свойственная фотографии на ее начальной стадии, сменилась функцией замещения, моделирования, презентации, сокрытия мира для глаза. Это движение, с одной стороны, освободило фотографию от довлеющей над ней документальной парадигмы и открыло

для нее путь в современное искусство на правах его материала. С другой стороны, оно требует более внимательного отношения к самим фотографическим изображениям, которые приобретают ряд новых значений, отличных от изначального, документального.

Если фотография сегодня претендует на то, чтобы контролировать наше видение, скрывать то, что не должно быть увидено, и показывать то, что должно, это требует внимательного рассмотрения нормативных порядков, участвующих как в выборе объектов для съемки, так и в решении показывать или не показывать определенные снимки. В общем виде все это приводит к мысли о конкретном измерении существования фотографии – политическом. Политическое измерение существования фотографической процедуры понимается здесь максимально широко и включает в себя как уже описанное вмешательство власти в сферу создания и распространения изображений, так и функционирования этой процедуры в рамках социальной среды, когда мои фотографии оказываются включенными в процесс демонстрации их другим людям.

Сочетая пластичность с документальной характеристикой, фотография может вводить в заблуждение относительно окружающего мира преднамеренно и бессознательно. Это заслонение мира происходит, когда пластичность путают или растворяют в документальности. Культурный код, ответственный за норму, навязывает выражению однообразный, банальный вид, призванный повторяться от раза к разу в каждом выборе сюжета, ракурса и кадра для конкретной фотографии. Без принятия понятия нормативности фотографии и ее тесной связи со способом восприятия, принятым в конкретном обществе, сложно выйти за рамки представлений о фотографии как репрезентации и вполне прозрачном изображении способном без искажений представить референт. А, оставаясь в рамках этого представления невозможно увидеть политическое измерение фотоизображений. Это равносильно тому, чтобы оставаться не защищенным относительно моделирования реальности, производимых со стороны власти, ограничивать свое восприятие мира, нагружать свой взгляд все новыми слепыми пятнами.

Культурная практика фотографий неразрывно связана с нормативностью, предписывающей и ограничивающей создание новых снимков и распространение уже имеющихся.

Сформулируем основные выводы статьи. Нормативность фотографии проявляется в трех основных аспектах: властный контроль над созданием и распространением изображений; культурный код, определяющий предпочтительный вид и сюжет изображений; эстетический принцип, регулирующий фотографическую практику. Исходя из этого можно сделать вывод, что фотография – это сконструированное изображение, закрывающее реальность образами. Следовательно, представление о фотографии как о способе прозрачной репрезентации мира должно быть скорректировано в сторону рассмотрения ее сущности как выражения определенного культурного кода и способа видения. В рамках общества культурная практика фотографии осуществляет воспроизводство визуальных порядков через воспитание взгляда.

Список литературы

1. Хорошилов А.А. Замедление и повторение: фотография как способ защиты от хаоса социального мира / А.А. Хорошилов // *Studia Culturae* – 2015. – вып. 1 (23). – С. 188–200
2. Хорошилов А.А. Реальное и цифровое пространство социального опыта: фото-конструирование жизни / А.А. Хорошилов // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* – 2015. – № 4. Ч. 2. – С. 179–182.
3. Сонтаг С. Смотрим на чужие страдания. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014.
4. Руйе А. Фотография. Между документом и современным искусством. СПб.: Клаудберри, 2014.
5. Мушта А.А., Баранов А.В. Информационная война // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/informatsionnaia-voina-2b7815/?v=5876475> (дата обращения: 14.02.2024)
6. Протасов П.В. Сборник часто задаваемых вопросов о праве на фотосъемку (версия 2.0). Электр. версия. URL: <https://disk.yandex.ru/i/YpFK0asNdrMPWw> (дата обращения 18.01.2024)
7. Бурдые П., Болтански Л., Кастель Р., Шамборедон Ж.-К. Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии. М., 2014.
8. Фрост Л. Творческая фотография, Идеи, сюжеты, техники съемки. М.: 2003.
9. Барт Р. *Camera Lucida*. Комментарий к фотографии. М.: 2011.
10. Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. М.: Едиториал УРСС, 2004.
11. Лишаев С.А. Помнить фотографией. СПб.: Алетейя, 2012.
12. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: 2011.

Сведения об авторе

Хорошилов Андрей Алексеевич – соискатель кафедры философии, религиоведения и педагогики, направление: философская антропология, философия культуры. г. Санкт-Петербург, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М.Достоевского».

E-mail: andrew-khoroshilov@yandex.ru

Khoroshilov A. A.

THE NORMATIVITY OF PHOTOGRAPHY: MODELING VISIBILITY AND EDUCATION OF THE EYE

Abstract: The article analyzes the phenomenon of the normativity of photography as a way of regulating the process of creating and distributing images. Using the example of cultural

practice and social use of photography, it is shown that normativity is manifested in aspects of the discourse of power, social normativity and aesthetic principle. Based on this, a conclusion is made about the constructed nature of images and the closeness of the world to them, the need to limit the idea of photography as a transparent way of representing things and verifying their existence, as well as the expression in photography of cultural codes of the society that uses it. Thus, the normativity of photography that exists in culture produces the education of the gaze, introduces visual standards and norms of visual perception. This, in turn, opens up the political dimension of photography.

Keywords: *photography, normativity, philosophy of photography, cultural practice.*

References

1. Horoshilov A.A. Zamedlenie i povtorenie: fotografija kak sposob zashhity ot haosa social'nogo mira [Delay and Repetition: Photography as Way to Protect Against Chaos of the Social World] / A.A. Horoshilov // *Studia Culturae* – 2015. – vyp. 1 (23). – S. 188–200.
2. Horoshilov A.A. Real'noe i cifrovoe prostranstvo social'nogo opyta: fotokonstruirovanie zhizni [Revolution in Media: Photography in the Digital Environment] / A.A. Horoshilov // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* – 2015. – № 4. Ch. 2. – S. 179–182.
3. Sontag S. Smotrim na chuzhie stradanija [Regarding the Pain of Others]. M.: OOO «Ad Marginem Press», 2014.
4. Ruje A. Fotografija. Mezhdru dokumentom i sovremennym iskusstvom [Photo. Between Document and Contemporary Art]. SPb.: Klaudberri, 2014.
5. Mushta A.A., Baranov A.V. Informacionnaja vojna [Information War] // Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija: nauchno-obrazovatel'nyj portal. URL: <https://bigenc.ru/c/informatsionnaia-voina-2b7815/?v=5876475> (data obrashhenija: 14.02.2024)
6. Protasov P.V. Sbornik chasto zadavaemyh voprosov o prave na fotos'emku (versija 2.0) [Collection of Frequently Asked Questions about Photography Rights (Version 2.0)]. Jelektr. versija. URL: <https://disk.yandex.ru/i/YpFK0asNdrMPWw> (data obrashhenija 18.01.2024)
7. Burd'e P., Boltanski L., Kastel' R., Shamboredon Zh.-K. Obshhedostupnoe iskusstvo: opyt o social'nom ispol'zovanii fotografii [Photography: The Social Uses of an Ordinary Art]. M., 2014.
8. Frost L. Tvorcheskaja fotografija, Idei, sjuzhety, tehniki s'emki [The Creative Photography Handbook. A Sourcebook of Techniques and Ideas]. M.: 2003.
9. Bart R. Camera Lucida. Kommentarij k fotografii [Camera Lucida: Reflections on Photography]. M.: 2011.
10. Rozin V.M. Vizual'naja kul'tura i vosprijatie. Kak chelovek vidit i ponimaet mir [Visual Culture and Perception. How a Person Sees and Understands the World]. M.:

- Editorial URSS, 2004.
11. Lishaev S.A. Pomnit' fotografiej [Remember with a Photograph]. SPb.: Aletejja, 2012.
  12. Makljuven M. Ponimanie Media: Vneshnie rasshirenija cheloveka [Understanding Media: The Extensions of Man]. M.: 2011.

Khoroshilov Andrey Alekseevich – applicant for the Department of Philosophy, Religious Studies and Pedagogy, direction: philosophical anthropology, philosophy of culture. St. Petersburg, F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy.

E-mail: andrew-khoroshilov@yandex.ru

УДК 130.2

DOI: 10.37279/2413-1695-2024-10-1-30-57

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИИ

Скотт Атран, Джозеф Генрих

Перевод с английского А. В. Костромицкой¹

Аннотация: Понимание религии требует объяснения причин одновременного существования универсального и различного в вере в сверхъестественное, в проведении религиозных обрядов и ритуалов в разных культурах, а также причин, по которым религия так часто ассоциируется как с крупномасштабным сотрудничеством, так и с постоянными групповыми конфликтами. Намечившиеся направления исследований позволяют предположить, что эти противоречия возникают в результате конвергенции трех процессов. Во-первых, взаимодействие определенных устойчиво развивающихся когнитивных процессов, таких как человеческая способность делать выводы о присутствии интенциональных агентов, способствует – как побочный продукт эволюции – распространению определенных видов контринтуитивных концепций. Во-вторых, участие в обрядах, включающих дорогостоящие ритуальные демонстрации, задействует различные аспекты сформированной психологии человека для усиления приверженности к сверхъестественным агентам и религиозным сообществам. В-третьих, конкуренция между обществами и организациями с различными религиозными убеждениями и практиками все больше связывает религию не только с внутригрупповой просоциальностью, но и с межгрупповой враждебностью. Эта связь значительно укрепилась за последние тысячелетия как часть эволюции комплексных обществ и важна для понимания сотрудничества и конфликтов в современном мире.

Ключевые слова: гипотеза побочного продукта, укрепляющие доверие демонстрации, культурная трансмиссия, кооперация, конкурентная борьба, верховные божества, минимально контринтуитивные концепции, мораль, религия, подъем цивилизации.

Повышение уровня морали и увеличение числа хорошо обеспеченных людей... которые, обладая в высокой степени духом патриотизма, преданности, повиновения, мужества и отзывчивости, всегда были готовы оказать помощь друг другу и пожертвовать собой ради общего блага, одержало бы победу над другими племенами.

Чарльз Дарвин «Происхождение человека»

---

¹ Полное название в дословном переводе: «Эволюция религии: как побочные продукты когнитивной активности, эвристика адаптивного обучения, ритуальные демонстрации и групповая конкуренция порождают глубокую приверженность к просоциальным религиям». Перевод выполнен по изданию: Atran S., Henrich J. The Evolution of Religion: How Cognitive By-Products, Adaptive Learning Heuristics, Ritual Displays, and Group Competition Generate Deep Commitments to Prosocial Religions / Scott Atran, Joseph Henrich // *Biological Theory*. 5(1). 2010, pp. 18–30.

Предлагаемый в работе синтез объединяет идеи, полученные в результате исследований когнитивных основ религии, с эволюционными подходами к пониманию сотрудничества между людьми, с целью получения более глубокого понимания происхождения и развития просоциальных религий. Мы утверждаем, что культурная эволюция просоциальных религий и исторический подъем крупномасштабных цивилизаций включают динамическое взаимодействие побочных продуктов адаптивных механизмов когнитивной активности (например, минимально контринтуитивные концепции убеждений и чрезмерно расширенный набор агентов), эвристику адаптивного обучения (например, подражание успешным и авторитетным личностям), укрепляющие доверие ритуальные демонстрации (например, самопожертвование и ценные обязательства перед, казалось бы, нелепыми убеждениями), а также отбор культурной группы для тех наборов ритуалов, преданий и убеждений, которые наилучшим образом поддерживают внутригрупповые просоциальные нормы (например, глубинные убеждения, священные ценности).

Многие религии представляют собой эволюционную загадку, поскольку требуют дорогостоящей приверженности к убеждениям, вторгающимся в основные аспекты логических последовательностей и в наши интуитивные ожидания относительно того, как устроен мир; оба эти аспекта имеют решающее значение для успешного ориентирования в мире (Atran, Norenzayan 2004). Религиозные практики часто дорогостоящи с точки зрения материальных пожертвований (от человеческих жертвоприношений до молитвенного времени), эмоциональных затрат (разжигание страхов и надежд) и когнитивных усилий (поддержание противоречивых моделей, объясняющих природу мира). В одном антропологическом обзоре религиозных подношений делается вывод: «Подношение – это отказ от чего-либо за определенную плату. ... “Позволительна ли для личности плата или нет”, – выбор представляется таковым» (Firth 1963).

В то же время происхождение крупномасштабных комплексных человеческих обществ также является эволюционной головоломкой, поскольку люди часто сотрудничают и торгуют с не-родственниками в ходе кратковременных взаимодействий (Fehr, Fischbacher 2003). Таким образом, эволюционные механизмы, связанные с родством, взаимностью и репутацией явно оказывают важное влияние на сотрудничество, однако они не охватывают в полной мере просоциальность человека. Родство не может объяснить сотрудничество между не-родственниками (Henrich, Henrich 2007), хотя «фиктивное родство» – культурная манипуляция психологии рода – может способствовать мобилизации более крупных групп (Johnson 1987; Atran 2003). Взаимности недостаточно для объяснения сотрудничества за пределами плотных социальных сетей, небольших деревень или сплоченных соседств (Hruschka, Henrich 2006; Allen-Arave et al. 2008; Atran 2010). Ни прямая, ни косвенная взаимность не могут объяснить сотрудничество во временных взаимодействиях в больших популяциях, поскольку репутация быстро разрушается в зависимости от численности населения, или при взаимодействии больших групп, которые связаны со многими видами общественных благ или распространенными дилеммами (Boyd, Richerson 1988; Panchanathan, Boyd 2003; Nowak, Sigmund 2005; Mathew, Boyd 2009). Еще более показательным является то, что ни один из этих механизмов не объясняет различия в сотрудниче-

стве человеческих обществ или массовое расширение сотрудничества в некоторых обществах за последние десять тысячелетий (Henrich et al. 2005; Atran 2010).

Подтверждающие друг друга результаты полевых исследований и экспериментов свидетельствуют о том, что культурная эволюция, опирающаяся на определенные врожденные когнитивные основания, способствовала зарождению веры в могущественных морализирующих божеств, обеспокоенных просоциальным поведением индивидов за пределами сетей, основанных на родстве и взаимности (Norenzayan, Shariff 2008). Кросс-культурный анализ 186 обществ показал, что более крупные и сложные общества склонны поддерживать могущественных божеств, непосредственно связанных с моралью и готовых наказывать нарушителей норм (Roes, Raymond 2003; Johnson 2005). Исследования, проведенные в разнотипных обществах, включая собирателей, земледельцев и пастухов, скотоводов, показывают, что исповедование мировой религии предполагает большую справедливость по отношению к кратковременным участникам взаимодействия (Henrich et al. 2010). Эксперименты с жителями Северной Америки показывают, что бессознательная активизация религиозных концепций приводит к уменьшению случаев мошенничества и проявлению большего великодушия по отношению к незнакомцам (Bargh, Chartrand 1999; Mazar, Ariely, 2006; Shariff, Norenzayan 2007), за исключением ярых атеистов. В совокупности эти кросс-культурные, исторические и экспериментальные данные позволяют предположить, что (1) религия – как феномен с потенциально глубокими корнями (Klein 1989) – не всегда была связана с высокоморальными божествами; (2) современные мировые религии, возможно, эволюционировали, чтобы создать мощную взаимосвязь сверхъестественного и просоциального. Таким образом, мы выдвигаем гипотезу, что эволюционные процессы в культуре, движимые конкуренцией между группами, использовали аспекты эволюционировавшей психологии, включая определенные побочные продукты когнитивной активности, для постепенного формирования комплекса убеждений о сверхъестественном, обрядов и ритуалов, которые становились все более эффективными для внушения глубокой приверженности, мобилизации внутренней солидарности и подкрепления масштабного сотрудничества.

Ординарные когнитивные процессы порождают экстраординарных агентов

Люди – это ищущие цель, выявляющие причинно-следственные связи и рассказывающие истории животные (Gazzaniga et al. 2009). Как заметил Юм в «Естественной истории религии», чем сильнее влияние событий на нашу жизнь, тем сильнее наше стремление придать этим событиям целенаправленность и последовательность. Эта точка зрения подтверждается недавним экспериментом, в ходе которого людей спрашивали, какие закономерности они могли бы увидеть в расположении данных диаграммы точек и фигур фондового рынка (Whitson, Galinsky 2008). Прежде чем задать вопрос, исследователи предоставили половине участников возможность почувствовать отсутствие контроля. В условиях недостатка контроля испытуемые с большей вероятностью склонны видеть закономерности и процессы, лежащие в основе случайности, что позволяет предположить: в условиях неопределенности мы с большей вероятностью найдем сверхъестественные объяснения случайности. Как кросс-культурные исследования, так и опросы показывают,

что люди с большей готовностью приписывают характеристики достоверности рассказам, содержащим элементы, противоречащие здравому смыслу (например, чудеса), когда речь идет о смерти (Norenzayan, Hansen 2006), или когда сталкиваются с опасностью или отсутствием безопасности, как в случае с мольбами о надежде на вмешательство Бога во время войны (Argyle, Beit-Hallahmi 2000). Подобные результаты помогают объяснить данные кросс-культурного анализа, показывающего, что религиозность страны (приверженность к мировой религии) положительно связана со степенью ее экзистенциальной незащищенности (Norris, Inglehart 2004) и тот факт, почему определенные религии переживают возрождение в трудные времена. Между тем возникает вопрос: как и почему поиск цели и причинно-следственных связей так часто приводят к появлению сверхъестественных агентов?

Религиозные традиции сосредоточены на сверхъестественных агентах, таких как боги, ангелы или духи предков. Здесь представлены такие религии, как буддизм и даосизм, которые доктринально избегают персонификации сверхъестественного, но в рутинные практики последователей которых входит поклонение множеству божеств, поведение которых противоречит нашим интуитивно понятным ожиданиям, касающихся устройства мира (Ruusiainen 2003). Концепции мирских агентов играют центральную роль в том, что психологи называют народной психологией, связанной с моделью психического состояния (Theory of Mind module(s), ТоМ), которая представляет собой когнитивную систему, предназначенную для вынесения выводов об убеждениях, желаниях и намерениях других разумов (Baron-Cohen 1995). Недавние исследования функциональной магнитно-резонансной томографии (ФМРТ) подтверждают, что заявления людей о вовлеченности божеств в общественные события, как и предполагаемые эмоциональные состояния божества, несомненно воздействуют на области мозга, имеющие отношение к модели психического состояния (Karogiannis et al. 2009).

Концепции агентов могут быть пусковым механизмом в когнитивной обработке данных, позволяя в условиях неопределенности с готовностью реагировать на потенциальные угрозы со стороны разумных хищников (Guthrie 1993). С этой эволюционной точки зрения, собственно эволюционировавшая область агента охватывает одушевленные виды, но его фактическая область непреднамеренно распространяется на движущиеся точки на экранах компьютеров, голоса на ветру, лица в облаках, сложные устройства, такие как глаза, и практически на любую сложную конструкцию или неопределенные обстоятельства неизвестного происхождения (Sperber 1996). Дети и взрослые спонтанно интерпретируют случайные перемещения точек и геометрических форм на экране как взаимодействующих агентов с четкими целями и внутренней целенаправленной мотивацией (Heider, Simmel 1944; Bloom, Veres 1999; Csibra et al. 1999). Маленькие дети спонтанно и чрезмерно приписывают агентность всем видам объектов (облакам, компьютерам) и, таким образом, могут быть предрасположены к конструированию агентно-ориентированных представлений о многих явлениях (Keleman 2004). Такие надежно развивающиеся программы обеспечивают эффективные реакции на широкий – но не неограниченный – спектр стимулов, которые могут быть статистически связаны с присутствием опасных агентов в окружаю-

шей предков среде. Ошибки, или «ложноположительные результаты», обычно не требуют больших затрат, в то время как правильный ответ может повысить шансы на выживание. Это обусловленное реакцией предубеждение, вероятно, было адаптивным, по крайней мере до тех пор, пока культурная эволюция не задействовала сверхъестественных агентов, которые начали требовать исполнения дорогостоящих действий и сотрудничества под угрозой божественного наказания или предложения грандиозных наград.

Как наш разум превращает концепции агентов в божества? Опираясь на когнитивные подходы, исследователи предполагают, что сверхъестественные концепции используют обычные ментальные процессы для построения контринтуитивных концепций (Boyer 2001; Atran 2002; Barrett 2004). Религиозные убеждения контринтуитивны, поскольку нарушают всеобщие ожидания относительно земной структуры мира. Это включает в себя основные категории «интуитивной онтологии» (т.е. онтологии семантической системы), такие как человек, животное, растение и субстанция (Whyte 1993; Sperber et al. 1995). Экспериментальные исследования показывают, что дети в разных культурах не нарушают категориальных ограничений при изучении значения слов; например, люди не могут буквально таять, животные не могут шутить, деревья ходить, а камни уставать (Keil 1979). Эксперименты с американцами и индийцами иллюстрируют разрыв между религиозными изречениями и ментальной обработкой религиозных концепций (Barrett, Keil 1996; Barrett 1998). Когда испытуемых просили описать их божеств, они представляли абстрактные теологические описания божеств, которые способны (1) делать все, что угодно, включая предвидение и реакцию на всё и сразу, (2) знать, как правильно поступить, и (3) полностью обходиться без перцептивной информации и калькуляций. Однако, когда испытуемых просили реагировать на повествования об этих же божествах, люди интерпретировали их как находящихся одновременно только в одном месте, ломая голову над альтернативными действиями и пытаясь найти доказательства для принятия ими решения. Если говорить кратко, люди мысленно представляют божеств, используя интуитивную онтологию, поэтому абстрактные теологические утверждения дают малое понимание того, что люди на самом деле думают о сверхъестественных агентах (Malley 2004). Во многих недавних работах предполагается, что интуитивная онтология следует из определенных универсальных способов толкования причинно-следственных связей или вступает с ними во взаимодействие, включая народную механику (единство, контакт и непрерывность движения объектов), народную биологию (телеологическое развитие видоподобных сущностей и отношений) и народную психологию (интенциональные, целенаправленные, интерактивные агенты).

Большинство религиозных убеждений минимально нарушают ожидания, созданные интуитивной онтологией и способами интерпретации, создавая таким образом когнитивно управляемые и запоминающиеся сверхъестественные миры. Например, агенты, которые имеют эмоциональное, интеллектуальное и физическое сходство с нами, за исключением способности перемещаться сквозь твердые объекты и жить вечно (ангелы, призраки и духи), соответствуют всем требованиям. В таблице 1 приведены примеры минимальных нарушений.

	Области убеждений (и связанные с ними свойства)				
	Народная механика	Народная биология		Народная психология	
Семантические категории	Инертный	Вегетативный	Одушевленный	Психофизические характеристики, напр., голод, усталость, т.д.	Эпистемологические характеристики, напр., вера, желание, т.д.
Человек	+	+	+	+	+
Животное	+	+	+	+	-
Растение	+	+	-	-	-
Субстанция	+	-	-	-	-

Таблица 1. Мирское соотношение универсальных категорий и способов рассуждения. Изменение в любой ячейке («+» на «-» или «-» на «+») приводит к минимальному противоречию. Таким образом, переход ячейки «- народная психология, субстанция» к «+ народная психология, субстанция» производит мыслящий талисман; переход «+ народная психология, личность» к «- народная психология, личность» производит зомби (Barrett 2000; Atran, Norenzayan 2004).

Опираясь на когнитивные подходы, исследователи предполагают, что несмотря на то, что интуитивные концепции передаются хорошо, концепции, минимально отклоняющиеся от интуиции, передаются лучше, в то время как значительно отклоняющиеся не могут передаваться успешно, поскольку перегружают когнитивные процессы, управляющие логическими выводами и релевантностью (Atran, Sperber 1991). Идеи о невидимых статуях, которые плачут, существуют в двух местах одновременно и испытывают голод только в високосные годы, нелегко принимаются во внимание. Минимально контринтуитивные концепции запоминаются и передаются повторно с большей готовностью, чем интуитивные или чрезмерно контринтуитивные концепции. Эксперименты, направленные на изучение воспоминаний, показывают, что минимально контринтуитивные концепции и убеждения обладают когнитивным преимуществом в механизмах памяти и трансмиссии по сравнению с интуитивными концепциями и повседневными убеждениями (Barrett, Nyhof 2001). Результаты были получены немедленно, а также после трехмесячной отсрочки в образцах из Соединенных Штатов, Франции, Габона, Непала (Boyer, Ramble 2001), а также из Майя (Atran, Norenzayan 2004). Являются ли контринтуитивные концепции концепциями, в которые верят или которым преданы – это другой вопрос (вспомним об Иисусе в сравнении с Зевсом), который рассматривается ниже (см. также статью Жерве и Генриха, готовящуюся к публикации).

Преимущества в мнемонике и трансмиссионности минимально контринтуитивных концепций вызывают вопрос, почему подобного рода представления не занимают большую часть священных текстов, народных сказок и мифов. Библия или Коран, например, описывают череду мирских событий – прогулка, приемы пищи, сон, женитьбу, битва

и страдания – перемежающихся несколькими контринтуитивными явлениями, часто сопровождающимися чудесами или появлением сверхъестественных агентов. Одно из объяснений заключается в том, что контринтуитивные идеи передаются как элементы нарративных структур. В исследованиях это проанализировано путем изучения (1) когнитивной структуры народных сказок и (2) относительного культурного успеха каждой сказки (Norenzayan et al. 2006). Минимально контринтуитивные убеждения в народных сказках (содержащие два-три сверхъестественных события или объекта) были значительно более распространены, чем народные сказки, содержащие меньшее число контринтуитивных элементов (менее двух) или те, в которых контринтуитивных элементов слишком много (более трех).

Говоря кратко, контринтуитивные концепции и убеждения, присутствуя в небольшом количестве, помогают людям запоминать и, предположительно, передавать интуитивные утверждения, а также лежащие в их основе знания, которые можно вывести из них. Небольшая доля минимально контринтуитивных элементов дает истории mnemonicкое преимущество перед историями без контринтуитивных элементов или со слишком большим их количеством. Этот двойственный аспект наборов убеждений о сверхъестественном – здравый смысл и контринтуитивность – делает их интуитивно убедительными и в то же время фантастическими, в высшей степени узнаваемыми, но удивительными. Кросс-культурные эксперименты показывают, что такие убеждения захватывают внимание, активизируют интуицию, мобилизуют возможность осуществлять логические выводы и могут согласовывать кажущиеся противоположными события и интерпретации такими способами, которые содействуют сохранению мнемоники, культурной трансмиссии и исторической жизнестойкости.

Естественные истоки веры

Вышесказанное помогает объяснить успех, например, народных сказок и священных текстов. Однако при таком подходе упускается разница между чудесами Моисея и проделками Микки Мауса (Atran 1998). Или, почему последователи одной религии не перенимают веру в божества другой религии, как только узнают о ней (см. грядущую публикацию Жерве и Генриха). Итак, возникает вопрос, почему люди глубоко преданы определенным контринтуитивным агентам или историям – настолько преданы, что готовы умереть за свои убеждения?

Мы – культурный вид. В отличие от других животных, люди эволюционировали настолько, что в значительной степени полагались на приобретение поведенческих установок, убеждений, мотиваций и стратегий от других членов своей группы. Эти психологические процессы, сформированные естественным отбором, фокусируют наше внимание на сферах и индивидах, вероятно, обладающих информацией, улучшающей физическую форму (Henrich, Gil-White 2001; Richerson, Boyd 2005). Социальное обучение человека порождает огромное количество ноу-хау и сложных практик, которые аккумулируются и совершенствуются на протяжении поколений. Исследования малочисленных обществ показывают, что выживание и размножение зависят от совокупного объема информации, связанной с охотой (поведение животных), съедобными растени-

ями (сезонность, токсичность, др.), медицинскими знаниями, техническим производством и так далее (Liebenberg 1990; Henrich, McElreath 2003; Henrich 2008).

По причине усиливающейся зависимости, которую предкам человека приходилось испытывать к таким сложным, часто неинтуитивным, продуктам кумулятивной культурной эволюции, естественный отбор, возможно, способствовал готовности полагаться на информацию, усвоенную культурно, отфильтрованную адаптивными искажениями, а не ориентироваться на непосредственный опыт или интуитивные представления. Чтобы убедиться в этом, примите во внимание, что многие собиратели перерабатывают растительную пищу для удаления токсинов, не осознавая, что происходит без обработки (Beck 1992). Такие продукты часто содержат низкие дозы токсинов, которые не причиняют особого вреда в течение нескольких месяцев или даже лет и не сильно портят вкус пищи. Однако такие токсины будут накапливаться и в конечном итоге вызовут серьезные проблемы со здоровьем и смерть. Наивный ученик, который предпочитает собственный опыт употребления продуктов без трудоёмкой обработки, в краткосрочной перспективе выполнит меньше работы, но в долгосрочной перспективе, вероятно, умрет. Вера в традиционные практики, без понимания причин, может быть адаптивной. Подобно этому, производство сложных технологий или лекарств часто сопряжено с последовательностью важных этапов, большинство из которых нельзя пропустить, не приведя к худшему результату. Экспериментирование имеет ограниченную пользу при перестановке или отбрасывании шагов, поскольку даже относительно небольшое число шагов приводит к комбинаторному взрыву возможных альтернативных процедур. Ученики должны иметь веру и копировать все шаги. Этот момент указывает на то, что иногда готовность полагаться на веру – верить в культурные традиции, а не в опыт или интуицию – с большой вероятностью является результатом эволюции в мире со сложной культурной адаптацией.

Подтверждающие данные получены в психологии развития, которая фиксирует мощную тенденцию к «чрезмерному подражанию» у детей и недавно продемонстрировала, насколько глубоко чрезмерное подражание влияет на усвоение и кодирование понятий (Lyons et al. 2007). Наиболее ярко это проявляется в исследованиях, сравнивающих детей и шимпанзе. Когда оба вида наблюдают за демонстрацией задания, включающего несколько шагов, дети точно копируют все шаги, включая те, которые при непосредственном визуальном осмотре показались бы ненужными. Шимпанзе выполняют некоторое копирование, но пропускают ненужные шаги, что приводит их к более эффективному репертуару, чем у детей (Horner, Whiten 2005). Дети неявно предполагают, что если модель совершила кажущееся ненужным действие, то оно, вероятно, важно, даже если они не могут точно понять, почему.

С развитием языка вера в культурную трансмиссию информации подвергалась эксплуатации со стороны отдельных лиц – особенно успешных и авторитетных – способных передавать практики или убеждения, которых они сами, возможно, не придерживаются. Язык позволяет преувеличивать, искажать, манипулировать и обманывать более доступно и малозатратно. До появления языка учащиеся наблюдали за глубин-

ными убеждениями или желаниями людей и делали выводы по их поведению. Стремящиеся ввести в заблуждение должны были бы фактически выполнить действие, чтобы передать информацию. Чтобы избежать манипуляций со стороны носителей культурных образцов, искусно умеющих видоизменять или преувеличивать приверженность к определенным убеждениям, эволюционные подходы предполагают, что у людей развились когнитивные способности, оценивающие соответствие слов носителей образцов (выраженные убеждения) и их действий. Выбирая у кого обучаться, ученики принимают во внимание факторы успеха, мастерства и авторитета носителей образцов (среди прочих признаков), а также доказательства подкрепления выраженных убеждений действиями, позволяющими оценить степень их приверженности к этим убеждениям. Например, если потенциальный носитель образца выступает против проституции, но затем использует проститутку для собственного тайного досуга, ученик должен оценить влияние этого носителя на культурную трансмиссию в отношении судебного преследования проституции. Это означает, что, если убеждения носителя образца влекут за собой совершение «дорогостоящих демонстраций» – действий, выполнение которых слишком затратно для человека с различными убеждениями и их проявлением – ученикам следует подготовиться к обучению у этого образца. Если носитель образца успешен или авторитетен в глазах учеников и представляет дорогостоящие демонстрации, свидетельствующие о глубокой приверженности к выраженным им убеждениям, то ученикам следует с большей готовностью принимать выраженные убеждения и верить в них (быть приверженцами) (Henrich 2009).

Экспериментальные данные подтверждают это замечание. Так, маленькие дети, как правило, не желают пробовать новую пищу, предложенную незнакомцем в качестве «чего-нибудь съедобного», не увидев предварительно, как незнакомец её ест (Harper, Sanders 1975). Исследования в области развития, посвященные трансмиссии альтруистического жертвования, показывают, что ни проповедь, ни призыв к благотворительности не эффективны без возможности наблюдать за дорогостоящим жертвованием со стороны носителей культурного образца (Henrich, Henrich 2007). Исследования детских представлений о существовании таких сущностей, как неосязаемые микроорганизмы, ангелы и русалки, показывают, что дети поддерживают только тех агентов, к которым взрослые одобрительно относятся в повседневных действиях, и остаются скептически настроенными к сверхъестественным агентам без поддержки (Harris et al. 2006). Аналогичным образом, интервью с выборкой максимальных вариаций показывают, что родители из высокорелигиозных христианских, еврейских, мормонских и мусульманских семей считают, что религия удерживает их детей на добродетельном жизненном пути преимущественно по причине их дорогостоящих инвестиций в «практику (включая родительство) того, что проповедуется» (Marks 2004).

Это предполагает понимание религиозных обрядов (пост, безбрачие и т.д.) и ритуалов как эволюционировавших в культурном плане (по крайней мере частично) для углубления приверженности людей к контринтуитивным убеждениям. Контринтуитивные убеждения имеют мнемоническое преимущество, но не преимущество доверия.

Как непосредственный опыт, так и интуиция часто противоречат контринтуитивным убеждениям, и реальность не всегда с готовностью предоставляет убедительные доказательства в их пользу. (Существует множество потенциально контринтуитивных убеждений, которые могут быть эмпирически обоснованы с помощью трудоемких научных исследований – вспомните квантовую телепортацию, эволюцию и т.д., – но здравый смысл и опыт не поддерживают даже эти убеждения.) Это ставит контринтуитивность в невыгодное положение по сравнению с повседневными или интуитивными убеждениями. Ритуалы и религиозные обряды могут помочь преодолеть этот недостаток с помощью дорогостоящих действий.

С этой точки зрения, дорогостоящие ритуалы или религиозные действия должны были эволюционировать как средства убеждения учеников в личной приверженности остальной части общины (опираясь и на конформистские предубеждения в обучении) либо местных носителей культурных образцов, обладающих авторитетом (Henrich 2009). Ритуалы и богослужения прибегают к зависимости человека от диагностических действий для усиления приверженности к контринтуитивным убеждениям. Они также связывают совершение дорогостоящих действий с социальным успехом, тем самым увековечивая распространение веры–приверженности из поколения в поколение. Формальные модели культурной эволюции показывают, что дорогостоящие демонстрации (например, ритуальные пожертвования) могут взаимодействовать с контринтуитивными убеждениями и подкреплять их; последние в противном случае не были бы поддержаны культурной эволюцией. Напротив, сказки являются контринтуитивными, легко запоминаются и могут помочь передать моральные послания, привлекая внимание теми, оказывающими эмоциональное воздействие; но в сказках или их посланиях нет ничего социально императивного или сакрального. Никто в сообществе учеников не демонстрирует дорогостоящими действиями свою глубинную приверженность к истинности таких историй, акторов или идей.

Ввиду приобретенной в ходе адаптации потребности время от времени полностью полагаться на культурную информацию, сталкиваясь с противоречивым опытом или скрытыми смыслами, естественный отбор благоприятствовал чему-то вроде психологической иммунной системы, которая укрепляет строгое соблюдение принятых убеждений. Эксперименты показывают, что как только люди искренне предаются религиозным убеждениям, попытки подорвать их с помощью аргументов и доказательств могут стимулировать укрепление личных привязанностей (Festinger et al. 1956). Поскольку многие религиозные воззрения логически непостижимы и невосприимчивы к эмпирической фальсифицируемости, несостоявшееся пророчество (прямое доказательство) может означать, что требуется больше интроспекции и приверженности.

Подобные размышления и фактические данные свидетельствуют, что приверженность к сверхъестественным агентам имеет тенденцию распространяться среди населения в той мере, в какой это вызывает дорогостоящие демонстрации, обычно в форме ритуальных церемоний, подношений, богослужений и пожертвований. Когда лидеры общин и объединений демонстрируют приверженность к сверхъестественным убежде-

ниям через дорогостоящие обряды, наблюдатели, которые становятся свидетелями этих убеждений, склонны проявлять большее доверие участникам и следовать за ними. Такое доверие и подражание часто распространяются на более широкий набор повседневных убеждений и связанных с ними действий, потому что (1) люди склонны следовать, и предоставлять презумпцию невиновности, культурным образцам с доказанным успехом и обязательствами в одной ценной сфере жизни по мере того как они переходят в другие сферы (исходя из этих соображений, рекламодатели привлекают известных людей для продажи товаров) (Henrich, Gil-White 2001); (2) многие контринтуитивные убеждения противоречат интуитивной онтологии и, таким образом, буквально абсурдны (как и многие поэтические образные выражения); они могут быть содержательно интерпретированы только в терминах, экзогенных по отношению к самим убеждениям. Следовательно, религиозная вера и следование ей распространяются на другие убеждения и действия, связанные с ритуализированными действиями, включая совместную работу, благотворительность, коммерцию, моральные нормы и боевые действия.

Сверхъестественные агенты, стимулирующие дорогостоящие пожертвования, будут иметь тенденцию к распространению, создавая возникающую связь между степенью приверженности к вере и дорогостоящими демонстрациями. К примеру, наряду с запретами на различные социальные пороки (например, убийство, прелюбодеяние и воровство), Бог повелел израильтянам свято соблюдать субботу или подвергнуться смерти. Требования к ритуалам, богослужениям и жертвованиям гарантируют межпоколенческую трансмиссию глубокой приверженности (Alcorta, Sosis 2005), поскольку дети делают вывод о ней из дорогостоящих действий взрослых (Henrich 2009). Поскольку набожные люди в действительности верят в вознаграждение от агента, жертвы и ритуалы не обязательно кажутся (субъективно) дорогостоящими.

Религии культурно эволюционировали, чтобы установить множество других возможностей укрепления веры и религиозных обязательств. Вера в непостижимое углубляется и подтверждается сопричастностью: коллективным проявлением эмоций и мотиваций с использованием музыки, ритма и синхронности. Среди людей, сообщающих о религиозном опыте, музыка является наиболее важным возбудителем данного опыта, за которым следуют молитвы и групповые богослужения (Greeley 1975). Слушатели в возрасте трех лет надежно ассоциируют основные эмоции — гнев, печаль, страх, радость — с музыкальными структурами (Trainor, Trehub 1992). Недавнее исследование показало, что незнакомые люди, действующие синхронно — марширующие, поющие и танцующие, — больше сотрудничают в последующих групповых упражнениях, даже в ситуациях, требующих личных жертв. Синхронное действие (ритмичное совместное движение) усиливает сотрудничество за счет укрепления социальных связей между членами группы, даже если движение не сопровождается положительными эмоциями (Wiltermuth, Heath 2009). Способность музыки, ритма и синхронности воспитывать привязанность и доверие, по-видимому, также является причиной того, что на протяжении столетий разрабатывались военные учения и распорядок дня для подготовки солдат и создания армий (McNeil 1982).

Это указывает на то, что группы и институты, которые выживут и распространятся,

будут обладать как дорогостоящими демонстрациями приверженности (богослужениями и ритуалами), так и ценностями, возвеличивающими такие жертвы во имя групповых убеждений. Индейцы навахо, например, являются одним из наиболее успешных сообществ среди выживших представителей коренных американцев, в котором мужчины тратят более трети, а женщины – пятую часть своего продуктивного времени на «священные обряды» (Kluckhohn, Leighton 1946). Исторические исследования показывают, что раннее христианство распространилось и стало религией большинства в Римской империи благодаря дорогостоящим демонстрациям, таким как мученичество и благотворительность (например, смертельный риск при уходе за больными нехристианами во время эпидемий) (Stark 1997). Укрепление группы посредством участия в ритуалах и дорогостоящих демонстрациях также применимо к различным современным движениям за гражданские права и права человека, которые расширяются за счет «поддержания мира» в борьбе за общественное мнение, включая основанные на ненасильственных доктринах и дорогостоящей самоотдаче (тюремное заключение, преследование и т.д.) Ганди и М. Л. Кинга (Smith 1996). Духовные лидеры, принимающие мученическую смерть, часто стимулируют распространение своих идей, убедительно демонстрируя глубокую приверженность лидера к делу (Atran 2010).

Далее мы обрисовываем культурный эволюционный процесс, который объединяет эти мало сопоставимые разрозненные элементы в общее изложение данных об эволюции религий.

Козволюция контринтуитивных убеждений и норм в комплексных обществах

Контринтуитивные убеждения легко вспоминаются и подвержены трансмиссии. Ритуалы и богослужения, включающие дорогостоящие демонстрации, музыку, ритм и синхронные действия, усиливают веру в контринтуитивные убеждения и приверженность к ним. Далее возникают следующие вопросы: (1) как элементы приносящих пользу ритуалов и богослужений komponуются и соединяются с конкретными сверхъестественными агентами?; (2) почему сверхъестественные агенты так благосклонны просоциальному поведению, запрещая воровство, ложь, убийство, супружескую измену и тому подобное?; (3) почему обозначенные идеи кажутся более распространенными в современных усилительно растущих многочисленных и комплексных обществах? Растущий поток доказательств свидетельствует, что религиозные убеждения, ритуалы, богослужения и социальные нормы коэволюционировали во взаимосвязанных культурных комплексах в процессе, обусловленном конкуренцией между альтернативными комплексами.

Как вид, мы в значительной степени полагаемся на приобретение ключевых аспектов поведения путем наблюдения за другими. Люди легко усваивают социальные стратегии, практики, убеждения и предпочтения посредством культурного обучения, выбирая способы, согласующиеся с эволюционным прогнозированием (Henrich, McElreath 2003). Дети усваивают основы альтруистического поведения или другие ценные нормы посредством наблюдения и логических выводов, спонтанно применяя в дальнейшем усвоенные стандарты к другим ситуациям, учитывая при необходимости и санкции (Henrich, Henrich 2007; Rakoczy et al. 2008). Теоретико-игровой анализ показывает, что

сочетание культурного обучения с социальным взаимодействием порождает множество различных стабильных состояний (т.е. социальных норм или институтов). В отличие от генетической трансмиссии, это замечание справедливо даже в отношении более масштабных совместных начинаний (Henrich, Boyd 2001), в которых как коллективные, так и индивидуальные состояния могут оставаться стабильными. Когда вышеупомянутые когнитивные механизмы оценки дорогостоящих демонстраций включаются в систему культурного обучения, комбинации убеждений и действий приводят к множеству различных стабильных состояний, включая те, в которых действия являются индивидуально и коллективно дорогостоящими (Henrich 2009).

Существование альтернатив стабильным наборам норм в человеческих обществах создает условия, при которых межгрупповая конкуренция способствует появлению просоциальных норм, то есть норм, ведущих к успеху в конкуренции с другими группами. Наиболее важными нормами, вероятно, мы можем назвать те, что усиливали сотрудничество (например, в военном деле и экономическом производстве) или уменьшали внутригрупповые конфликты, регулируя сексуальные отношения или улаживая споры. Поскольку этот процесс включает конкуренцию между стабильными состояниями, моделирование показывает, что он не испытывает затруднений, обычно связанных с генетическим групповым отбором практик альтруизма (Boyd, Richerson 2002).

Изучаемый нами процесс способен синтезировать те комбинации убеждений в существовании сверхъестественного, ритуалов и религиозных обрядов, которые в наибольшей степени укрепляют коллективные или другие просоциальные нормы. Религиозные элементы могут оперировать по меньшей мере четырьмя взаимосвязанными способами. Во-первых, наблюдение и участие в дорогостоящих ритуалах должны вызывать глубокую приверженность по отношению к связанным с ними нормам, приводя к большей личностной мотивации к их соблюдению (Henrich 2009). Во-вторых, сверхъестественная деятельность по поддержанию порядка и система поощрения (рай против ада) могут подкреплять более мирские механизмы поддержания норм, такие как наказание, передача знаков и репутации (Gintis et al., 2001; Henrich, Boyd 2001; Panchanathan, Boyd 2004). Усиливая эти механизмы, сверхъестественные убеждения обладают культурно-избирательными преимуществами по сравнению с секулярными механизмами (Johnson 2005). В маргинальных обществах дополнительная психологическая угроза сверхъестественной системы поощрений снижает затраты на наказание нарушителей, создавая неподвластную человеческому глазу угрозу, и нарушая равновесие в ситуациях, когда выгоды от дезертирства (при нападении крупного врага) превышают потенциальные мирские издержки. Если нарушитель верит в божественную осведомленность и расплату, то внешняя охрана, поимка и наказание «автоматически» приходят изнутри. Укрепляя мирские механизмы там, где они несовершенны (например, мониторинг крупных популяций), сверхъестественные убеждения помогают расширить масштаб и интенсивность сотрудничества. В-третьих, когда наказание от сверхъестественных сил неизбежно либо коллективно, у третьих сторон есть прямой стимул держать нарушителей норм в подчинении. Если люди верят, что их бог накажет всех (скажем, засу-

хой) за проступки немногих (например, прелюбодеяние), тогда у каждого есть стимул держать остальных в строгости.

Четвертый способ, которым религия может активизировать просоциальные нормы, заключается в том, что она делает божеств создателями священных канонов или ценностей, которые аутентифицируют общество – в сознании верующих – как существующее выше простого скопления индивидов и институтов (Durkheim 1995; Wilson 2002). Помимо авторитета авторства, невыразимость сакральных «утверждений» (например, «Бог милостив к верующим» или «Эта земля священна») фактически выводит их за рамки логического или эмпирического анализа (Rappaport 1999). Недавняя работа показывает, что вера детей в Бога как творца всего сущего способствует закреплению социальных категорий, означая, что религиозные представления о божественных создателях подразумевают стабильность категорий этнической и религиозной принадлежности (неизменно: эти результаты ограничены человеческими категориями и не влияют на суждения об артефактах или животных). Это говорит о том, что конкуренция между социорелигиозными группами способствует укреплению убеждений, стимулирующих и материализующих членство в группе через распространение принципов интуитивной логики (используемую для размышлений о биологических видах; Atran 1998) на соответствующие социальные категории людей (Diesendruck, Haber 2009). Разжигая склонность к определению некоторых категорий как жизненно важных (например, биологический вид), вера в сверхъестественных творцов способствует (психологически) унификации различных племен в единый, стабильный, неизменный народ – народ Божий.

Идентичный эволюционный процесс способствовал появлению отличительных признаков членов группы, часто в форме табу. Они проявляются как не подлежащие обсуждению запреты на убеждения и поведение, что систематически сочетаются с сакральными (менее наблюдаемыми) верованиями и ценностями (Durkheim 1995; Wilson 2002). Совокупно священные ценности и табу связывают моральное поведение на базовом уровне поведения в обществе (секс, питание, одежда и приветствия) и на общем уровне (военное дело, управление, работа и торговля). Вместе с религиозными ритуалами, богослужениями и знаками отличия такие практики укрепляют групповую идентичность и усиливают солидарность по отношению к другим группам. В данном контексте религия эксплуатирует и расширяет «племенную психологию» человека, которая долгое время обозначала границы групп с помощью языка, диалекта и одежды (McElreath et al. 2003).

Например, во времена Иудейского царства обрезание, пищевые законы и запрет на работу в шаббат (и т.д.) использовались в качестве проявлений приверженности к своему Богу. Данные правила позволили союзу еврейских племен отделиться от прибрежных народов (например, филистимлян, хананеев) и создать объединение, противостоявшее более сильным захватчикам (например, египтянам, вавилонянам) (Sweeney 2001). Несоблюдение шаббата, наряду с идолопоклонством, считалось тягчайшим нарушением и каралось смертью (Phillips 1970). Указанные особенности были ценными, произвольно выбранными маркерами корпоративной идентичности по отношению к конкретным по-

требностям социальной жизни, разделяемыми другими группами (в отличие от запретов на воровство, супружескую измену, убийство и т.д.). Пренебрежение ими расценивалось как достоверный признак греха и неисполнения обязательств. Исходя из этих позиций, группы, использующие такие ценные культурные маркеры, оказываются успешными, поскольку они (1) транслируют приверженность следующему поколению, (2) устраняют или идентифицируют тех, у кого отсутствует достаточная приверженность к группе и ее божеству (божествам) (Irons 1996; Sosis, Alcorta 2003), (3) психологически демаркируют группу способами, помогающими задействовать склонность человека к определению некоторых категорий как жизненно важных и овеществлению групповых границ.

Нормы часто связаны с яркими эмоциями (гнев, вина, стыд), которые могут быть усилены определенными религиозными убеждениями и перерасти в благоговейный страх, трепет или тревожное состояние. Указанное приводит к сильным реакциям против нарушителей норм, варьирующихся от сквернословия до изгнания и от рукоприкладства до убийства. Эксперименты показывают, что ассоциация нормы с сакральным усиливает её эмоциональную окраску и уменьшает влияние материальных расчетов и сделок (Тетлок, 2003). Недавние исследования конфликтных ситуаций, как, например, на Ближнем Востоке, показывают, что материальные предложения от одной группы к другой, предполагающие ослабление или отказ от норм, связанных со священными ценностями, вызывают моральное возмущение и повышают готовность поддерживать насильственные действия. Такие священные ценности видятся определенным иммунитетом к апеллирующей к здравому смыслу реальной политике или рынку, подразумевающим, что «деловой» подход к переговорам в конфликтах, в которые вовлечены священные ценности, может иметь обратный эффект (Atran et al. 2007; Ginges et al. 2007; Dehghani et al. 2009). С нашей точки зрения, увеличение материальных стимулов для верующего в обмен на нарушение священных ценностей может привести к существенному увеличению значимости ценности, полученной в результате отказа от материальных вознаграждений. Предназначением здесь может быть божество, чьи-то ближние или сам человек.

Намеченное здесь направление позволяет сделать некоторые прогнозы относительно исторического появления сверхъестественных агентов. Божества комплексных обществ должны были эволюционировать, проявляя большую заботу о (1) внутригрупповом сотрудничестве (помощь единоверцам), гармонии (отсутствие воровства, лжи и прелюбодеяний) и справедливом обмене, (2) сексуальных и семейных отношениях (подъем рождаемости для увеличения числа новых приверженцев) и (3) исполнении ритуалов, побуждающих к принятию религиозных обязательств (Roes 1995, Roes, Raymond 2003, Johnson 2005). Чтобы лучше контролировать и вознаграждать приверженцев, божествам формирующихся комплексных обществ нужно было больше знаний о поведении смертных (эволюция всеведения) и больше власти, чтобы вознаграждать и наказывать (соответственно, жизнь после смерти возможна на небесах или в аду). Божествам это позволяло наблюдать за людьми в кратковременных или анонимных ситуациях и предоставлять мощное поощрение, внушающее глубокую приверженность. Таким образом, вера в вечную, блаженную загробную жизнь для верующих возникла в Евразии

только в течение и после первого тысячелетия до нашей эры, с появлением многонациональных религий, таких как индуизм, буддизм махаяны и христианство (McNeil 1991).

Религиозный подъем цивилизаций

Ученые давно предполагают наличие связи определенных религиозных форм с возникновением комплексных обществ. В 14 веке историк Ибн Халдун исследовал различные волны вторжений в Магриб и утверждал, что прочная династическая власть проистекает из религиозного «группового чувства» с его способностью объединять желания, вдохновлять сердца и поддерживать взаимное сотрудничество (Khalidun 2005). В исторических работах предполагается, что вероучение, ритуалы и нормы (например, правила наследования, этническое равенство, судебные процедуры) ислама распространялись на начальном этапе как средства объединения враждующих арабских племен, давая им возможность сотрудничества, завоевания и постепенной ассимиляции окружающих народов (Levy 1957). Современные исследования показывают, что ислам распространился в странах Африки к югу от Сахары, вовлекая людей в тесные сети доверия, основанные на религии, что упрощало торговлю и вело к экономическому успеху (Ensminger 1997). Как и ожидалось, процесс стимулировался дорогостоящими демонстрациями и ритуалами (пост, частые молитвы, табу на свинину и алкоголь), которые демаркировали верующих от всех остальных. Аналогичные соображения применимы к продолжающемуся распространению евангельского протестантизма в Азии, Африке и Латинской Америке (Freston 2001).

Археологические находки свидетельствуют о четкой коэволюционной связи религии, ритуалов и комплексных обществ. Недавние находки указывают на то, что ритуалы становились гораздо более формальными, тщательно продуманными и дорогостоящими по мере того, как общества превращались из групп собирателей в вождества и государства (Marcus, Flannery 2004, ср. Whitehouse 2004). Например, в Мексике до 4000 года до н.э. кочевые группы полагались на неформальные, внеплановые и всесторонние ритуалы. Сходное относится и к современным собирателям, таким как племя «сан» из африканской пустыни Калахари, чьи специальные ритуалы (например, трансовые танцы) охватывают всех членов племени и организуются в соответствии с непредвиденными обстоятельствами – осадами, охотой и болезнями (Lee 1979).

Затем, с образованием постоянных деревень и многодеревенских вождеств (4000–3000 гг. до н.э.), ритуалами начинают управлять члены общества, достигшие успеха («Большие люди», обладающие авторитетом, и вожди); проведение ритуалов начинает планироваться в соответствии с солнечными и астральными явлениями. Указанные ритуальные мероприятия проводятся в додинастическом Египте (6000–5000 гг. до н.э.) и Китае (4500–3500 гг. до н.э.), а также в североамериканских вождествах. После образования государства в Мексике (2500 г. до н.э.) важные ритуалы здесь совершались классом жрецов, который был занят полный рабочий день, субсидировался обществом, использовал религиозные календари и занимал храмы, построенные с огромными затратами труда и человеческих жизней. Верно это и для ранних обществ государственного уровня Месопотамии (после 5500 г. до н.э.) и Индии (после 4500 г. до н.э.), кото-

рые, как и в Мезоамерике, практиковали страшные человеческие жертвоприношения (Campbell 1974). Объединив указанные факты и данные сравнительной этнографии, мы можем предположить, что высокоморальные божества коэволюционировали с упорядоченной системой дорогостоящих ритуалов, создавая взаимоукрепляющую культурную связь, способную усилить внутреннее сотрудничество и гармонию, обеспечивая при этом оправдание эксплуатации внешних групп.

Результаты наших наблюдений в объединении с недавними работами в области психологии проливают свет на связь монументальной архитектуры и религии. Ранние цивилизации известны впечатляющими памятниками в форме храмов, пирамид (гробниц) и зиккуратов (алтарей), которые служили как минимум двум важным психологическим целям: (1) как дорогостоящие демонстрации приверженности со стороны лидеров общества или общества в целом, помогавшие прививать новым последователям более глубокую приверженность к религиозным/групповым идеологиям; (2) их визуальная заметность как «религиозных праймов» стимулировала просоциальное поведение. Как уже отмечалось, эксперименты показывают, что верующие дают больше денег другим и меньше мошенничают, когда руководствуются религиозными концепциями; гигантский храм на рыночной площади может стать ярким сигналом, который пробуждает, хотя бы отдаленно, более просоциальное поведение. Общества, лучше использующие соответствующие аспекты психологии, превосходят другие.

Выбор культурной группы

Сильная зависимость нашего вида от социального обучения спонтанно порождает нормы и неформальные институты (стабильное равновесие), которые различаются по своим конкурентным свойствам на групповом уровне. Экологическое и социальное воздействие, особенно в связи с распространением аграрной культуры, способствует развитию норм и институций, укрепляющих и расширяющих социальные сферы сотрудничества и доверия, сохраняя при этом внутреннюю гармонию. Глубокая приверженность к определенным видам религиозных убеждений и практик укрепляет как строгое соблюдение просоциальных норм, так и готовность применять санкции к их нарушителям, тем самым повышая групповую солидарность и конкурентоспособность с другими группами. Религиозные верования и практики, как и нормы, приносящие пользу группе, могут распространяться в результате конкуренции между социальными группами несколькими способами, включая военные действия, экономическое производство и демографическую экспансию. Подобные культурные репрезентации могут распространяться и в ходе более благоприятного взаимодействия, например, когда члены одной группы перенимают модели поведения, убеждения и ценности у более успешных групп.

Процессы отбора культурных групп имеют как теоретическое, так и эмпирическое обоснование. Теоретические выводы из растущего количества литературы о формальных моделях культурной эволюции проливают свет на три важных факта. Во-первых, ничто в моделировании указанных процессов не требует «эссенциализации» культуры, равно как и того, что подобные модели исключают различия внутри групп. Модели культурной эволюции допускают внутригрупповую вариативность и показывают,

что культурный групповой отбор может осуществляться даже в условиях значительной внутригрупповой вариативности (Boyd, Richerson 2002; Henrich 2004; Boyd et al. 2003). Во-вторых, в моделях культурной эволюции не требуются предположения о дискретной или высокоточной репликации, и допущение о существовании сильного когнитивного аттрактора не отменяет важности других селективных процессов (Henrich, Boyd, 2002; Henrich et al. 2008). В-третьих, немаловажные опасения по поводу более старых моделей, включающих генетический групповой отбор альтруизма, неприменимы к культурным эволюционным моделям. Существует ряд объяснений этому, но три из них наиболее важны и связаны с: (1) невертикальным характером культурного наследования (Henrich, Boyd 2001), (2) скоростью культурной адаптации и (3) наличием множества стабильных равновесий (Henrich 2004).

Эмпирическую важность отбора культурных групп подтверждают подробные этнографические исследования и исторический анализ (дополнительные примеры см. в Henrich 2009). С позиций этнографии, чтобы проиллюстрировать выбор культурной группы посредством подражания более авторитетным группам и прямой экономической конкуренции, рассмотрим хорошо документированный случай трех соседствующих популяций: майя-ица из гватемальской области Петен, испаноязычных иммигрантов ладино из разных регионов и майя-к'экчи, прибывших группами семей и соседств с высокогорья (Atran et al. 2002). Среди ица одним из важных показателей устойчивости является их единодушное мнение о сверхъестественном (в отличие от человеческого) привилегированном положении леса. Этот культурный консенсус относительно того, какие виды наиболее ценны и заслуживают охраны, хорошо согласуется с антропогенным характером лесов классической эпохи цивилизации майя. Гипотеза исследователей заключается в том, что духовные предпочтения репрезентуют обобщенный опыт, накопленный поколениями. Ица верят, что духи являются «хранителями» леса. Духи помогают людям, которые не наносят ущерба перспективам выживания определенных видов (поскольку духи видят эти перспективы). Причинение вреда лесу может привести к несчастным случаям, болезням и подобному наихудшему (наказанию). Исследовательская группа была свидетелем того, как ица, укушенные смертельно опасной гремучей змеей, отказывались принимать антикоагулянты до тех пор, пока не решались отправиться в лес, чтобы попросить у духов наставления или прощения. Не имеет большого значения, реальны сверхъестественные угрозы или нет: если люди верят в них, угрозы наказания становятся реальными сдерживающими факторами (Durkheim 1995).

Факты указывают, что трансмиссия большей части описанных нами знаний происходит и у ладино. Экспериментальные исследования показывают, что знания майя-ица предсказывают относительный успех в краткосрочной и долгосрочной деятельности системы агролесомелиорации. Уделив внимание моделям успеха поведенческих стратегий ица в агролесомелиорации, а также повествованиям, которые описывают это поведение в природной среде, авторитетным ладино удалось приобрести часть знаний ица об экологических взаимоотношениях между людьми, животными и растениями. Анализ общественной работы показывает, как эти знания и практики распро-

странились в обществе ладино. По-видимому, первоначальное отсутствие какой-либо общинной религии ладино или корпоративных структур в сочетании с неопределенностью, вызванной иммиграцией в непривычную среду, сделало ладино открытыми для обучения у ица (Atran, Medin 2008).

В отличие от ладино, мигранты майя-к'эчки, у которых есть мощные и высоко ритуализированные религиозные институты, мало обращают внимания на ица. К'эчки сохраняют преданность только духам родного высокогорья и не обладают знаниями о верованиях ица. К'эчки отправляют делегации обратно в высокогорье, чтобы посоветоваться с божествами, когда у них возникают проблемы с ведением сельского хозяйства в низинах. Соответственно, разработанные к'эчки ментальные модели леса бедны, как и связанные с ними практики агролесомелиорации, которые коммерчески ориентированы и неустойчивы.

Указанные различия в убеждениях означают, что к'эчки в настоящее время расселяются быстрее, чем две другие группы. В сущности, практики к'эчки хорошо адаптированы к нынешним условиям «открытого общества» в Гватемале, которые поощряют массовую иммиграцию из перенаселенных высокогорий в экологически уязвимые низменности. Существует не много причин для предотвращения разрушительных практик: если одна часть леса уничтожена, к'эчки попросту мигрируют. В этом контексте практики ица в настоящее время неадаптивны. Принимая на себя дорогостоящие обязательства по сохранению леса, ица облегчают его эксплуатацию высоко ритуализированным, корпоративно дисциплинированным к'эчки. Таким образом, ица могут субсидировать собственное культурное вырождение в конкурентной борьбе между этническими группами.

В историческом плане влияние культурного группового отбора на взаимосвязь религиозных воззрений и дорогостоящих ритуалов/богослужений выражено в исследовании 83 утопических коммун в 19 веке (Sosis, Bressler 2003). Религиозные группы с более дорогостоящими ритуалами имели больше шансов выжить с течением времени, чем религиозные группы с меньшим количеством дорогостоящих ритуалов. С течением времени разница в выживаемости групп привела к увеличению среднего числа дорогостоящих ритуалов на группу. Приведенная выше теория и фактические данные свидетельствуют о том, что такие ритуалы и богослужения, вероятно, породили большую приверженность и солидарность внутри групп (Henrich 2009). Несомненно, представители и лидеры церкви откровенно признали, что дорогостоящие требования повышают религиозную приверженность прихожан (Sosis, Bressler 2003).

Связь ритуалов с просоциальным поведением по отношению к членам группы демонстрируется различными способами. Среди израильских киббуцев (кооперативов), верующие в большей степени сотрудничали в поведенческих экспериментах, чем неверующие, причем повышенная готовность к сотрудничеству с верующими представителями приписывалась их большему участию в ритуалах (Sosis, Ruffle 2003). Верующие киббуцы экономически также превосходят секуляризованных (Fishman, Goldschmidt 1990; Sosis, Ruffle 2003). Опросы палестинцев и израильских поселенцев на Западном берегу и в секторе Газа показывают, что частота посещения человеком религиозных

служб предсказывает поддержку миссий мученичества. Такое отношение складывается независимо от времени, проведенного в молитве. Аналогичные результаты получены в репрезентативных выборках религиозных индийцев, русских, мексиканцев, британцев и индонезийцев: более активное присутствие на ритуальных богослужениях прогнозирует как декларируемую готовность умереть за свои божества, так и веру в то, что другие религии несут ответственность за проблемы в мире (Ginges et al. 2009). Наконец, исследование 60 небольших обществ показывает, что мужчины из групп в наиболее соперничающих социоэкологиях (с частыми военными действиями) подвергаются обрядам с самой дорогой ценой (повреждение гениталий, шрамирование и т.д.), которые «ритуально сигнализируют о приверженности и укрепляют солидарность среди мужчин, которые должны организовываться для ведения войны» (Sosis et al. 2007).

Выбор культурной группы формирует религиозные убеждения и обряды, помогающие манипулировать психологией и повышать солидарность и приверженность. Подобные паттерны, наблюдаемые на протяжении развития истории и в антропологических записях, проявляются в современных террористических группировках (Atran 2003). Даже откровенно светские национальные и транснациональные движения сохраняют многие агентивные (антропоморфные) и трансцендентальные (сакральные) аспекты традиционных религий (Anderson 1991): нации ритуально скорбят, ликут и требуют жертв, а «естественность» причин, пренебрегающих предшествующей историей человечества (общечеловеческая справедливость, равенство и свобода), является чем угодно, только не эмпирически или логически самоочевидной (Atran 2010). Поскольку мы утверждаем, что социально-политическая сложность коэволюционировала с ритуалами, побуждающими к принятию религиозных обязательств, и с верой в высокоморальные божества; наши усилия согласуются с недавней работой, указывающей, что отбор культурных групп, приводимый в действие различиями социально-политического устройства, критически важен для понимания глобального распространения и разнообразия языков (Cunha, Mace 2009).

Подводя итог вышесказанному, религия как сплетенный комплекс ритуалов, убеждений и норм, вероятно, проистекает из сочетания (1) мнемонической силы контринтуитивных представлений, (2) эволюционировавшей готовности человека полагаться на культурно приобретенные убеждения, коренящиеся в побуждающей к принятию обязательств силе богослужений и ритуалов, (3) избирательного воздействия на определенные культурные комплексы, создаваемые конкуренцией между обществами и институциями. Ни одно из указанных сочетаний не развивалось ради религии как таковой. Мнемоническая сила минимально контринтуитивных представлений, по-видимому, служит побочным продуктом наших эволюционировавших ожиданий относительно того, как устроен мир, и улучшающей физическую форму потребности человека обращать внимание на аномалии. Вера, которую человек иногда включает в культуру на основе собственного опыта и интуиции, является когнитивной адаптацией, возникающей в результате продолжительной зависимости от обширных массивов комплексных культурных знаний. Зависимость от дорогостоящих демонстраций эволюционировала,

чтобы обеспечить частичный иммунитет от манипуляций. Сила ритма и синхронности в ритуале для укрепления солидарности (Wiltermuth, Heath 2009), вероятно, проистекает из наших имитативных способностей и способностей, обусловленных моделью психического состояния. Культурная эволюция, движимая межгрупповой конкуренцией, использует каждый из упомянутых когнитивных процессов для формирования наборов контринтуитивных убеждений, ритуалов и норм, распространяющихся путем межгрупповой трансмиссии, завоеваний или репродуктивных различий. Как результат, в крупномасштабных обществах культурный комплекс, как правило, включает в себя могущественных сверхъестественных агентов, которые контролируют и интенсифицируют действия, расширяющие сферу сотрудничества, укрепляющие солидарность в ответ на внешние угрозы, углубляющие веру и поддерживающие внутреннюю гармонию.

Значительные успехи в изучении религиозного познания, культурной трансмиссии и эволюции сотрудничества появились относительно недавно. Применение нового понимания в сочетании с прежними идеями к таким комплексным явлениям, как морализаторские религии и крупномасштабные общества, будет постоянной исследовательской задачей. Представленные здесь аргументы и доказательства приводят убедительный вариант развития событий, показывающий, как возможен синтетический прогресс, или синтетическая теория эволюции. Необходимо более тщательное изучение эволюционировавшей психологии и культурных процессов, связанных с ролью контринтуитивных агентов и дорогостоящих ритуалов в расширении границ доверия и обмена священными ценностями и табу, в поддержании крупномасштабного сотрудничества против внешних угроз, а также в поддержании социальных и политических оснований, которые бросают вызов личным интересам. Эмпирические разработки, сочетающие углубленные этнографические исследования с когнитивными и поведенческими экспериментами в различных обществах, включая те, в которых отсутствует мировая религия, имеют крайне важное значение для понимания влияния религии на познание человека, принятие решений и суждения. Формальное моделирование культурных эволюционных процессов должно сочетаться с историческими и археологическими усилиями по применению новых, недавно появившихся трактовок широкого спектра исторических паттернов. Совместные усилия должны в дальнейшем пролить свет на происхождение и развитие религий, а также на сотрудничество и конфликты, которые они порождают. Возможно, сегодня в мире нет необходимости в более срочном исследовании.

References

1. Alcorta C.S, Sosis R. (2005) Ritual, emotion, and sacred symbols: The evolution of religion as an adaptive complex. *Human Nature* 1: 323–359.
2. Allen-Arave W., Gurven M., Hill K. (2008) Reciprocal altruism, rather than kin selection, maintains nepotistic food transfers on an Ache reservation. *Evolution and Human Behavior* 29: 305–318.
3. Anderson B. (1991) *The Imagined Communities: Reflections on the Origin and*

- Spread of Nationalism. London: Verso.
4. Argyle M., Beit-Hallahmi B. (2000) *The Social Psychology of Religion*. New York: Routledge.
  5. Atran S. (1998) Folkbiology and the anthropology of science: Cognitive universals and cultural particulars. *Behavioral and Brain Sciences* 21: 547–609.
  6. Atran S. (2002) *In Gods We Trust*. New York: Oxford University Press.
  7. Atran S. (2003) Genesis of suicide terrorism. *Science* 299: 1534–1539.
  8. Atran S. (2010) *Talking to the Enemy: Faith, Brotherhood, and the (Un)Making of Terrorists*. New York: Ecco/Harper Collins.
  9. Atran S., Axelrod R., Davis R. (2007) Sacred barriers to conflict resolution. *Science* 317: 1039–1040.
  10. Atran S., Medin D.L. (2008) *The native mind and the cultural construction of nature*. Cambridge, MA: MIT Press.
  11. Atran S., Medin D., Ross N., Lynch E., Vapnarsky V., Ek' E.U., Coley J., Timura C., Baran M. (2002) Folkecology, cultural epidemiology, and the spirit of the commons: A garden experiment in the Maya lowlands, 1991–2001. *Current Anthropology* 43: 421–450.
  12. Atran S., Norenzayan A. (2004) Religion's evolutionary landscape: Counterintuition, commitment, compassion, communion. *Behavioral and Brain Sciences* 27: 713–770.
  13. Atran S., Sperber D. (1991) Learning without teaching. In: *Culture, Schooling and Psychological Development* (Tolchinsky-Landsmann L, ed), 39–55. Norwood, NJ: Ablex.
  14. Bargh J.A., Chartrand T.L. (1999) The unbearable automaticity of being. *American Psychologist* 54: 462–479.
  15. Baron-Cohen S. (1995) *Mindblindness*. Cambridge, MA: MIT Press.
  16. Barrett J.L. (1998) Cognitive constraints on Hindu concepts of the divine. *Journal for the Scientific Study of Religion* 37: 608–619.
  17. Barrett J.L. (2000) Exploring the natural foundations of religion. *Trends in Cognitive Science* 4: 29–34.
  18. Barrett J.L. (2004) *Why Would Anyone Believe in God?* Walnut Creek, CA: AltaMira Press.
  19. Barrett J.L., Keil F.C. (1996) Conceptualizing a nonnatural entity: Anthropomorphism in God concepts. *Cognitive Psychology* 31: 219–247.
  20. Barrett J.L., Nyhof M.A. (2001) Spreading nonnatural concepts. *Journal of Cognition and Culture* 1: 69–100.
  21. Beck W. (1992) Aboriginal preparation of Cycads seeds in Australia. *Economic Botany* 46: 133–147.
  22. Bloom P., Veres C. (1999) The perceived intentionality of groups. *Cognition* 71: B1–B9.
  23. Boyd R., Gintis H., Bowles S., Richerson P.J. (2003) The evolution of altruistic punishment. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA* 100:

- 3531–3535.
24. Boyd R., Richerson P. (1988) The evolution of reciprocity in sizable groups. *Journal of Theoretical Biology* 132: 337–356.
  25. Boyd R., Richerson P. (2002) Group beneficial norms can spread rapidly in a structured population. *Journal of Theoretical Biology* 215: 287–296.
  26. Boyd R., Richerson J., Henrich J. (eds.) Rapid cultural adaptation can facilitate the evolution of large-scale cooperation. Manuscript. University of British Columbia.
  27. Boyer P. (2001) *Religion Explained*. New York: Basic Books.
  28. Boyer P., Ramble C. (2001) Cognitive templates for religious concepts: Crosscultural evidence for recall of counter-intuitive representations. *Cognitive Science* 25: 535–564.
  29. Campbell J. (1974) *The Mythic Image*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
  30. Csibra G., Gergely G., Biro S., Koos O., Brockbank M. (1999) Goal attribution without agency cues. *Cognition* 72: 237–267.
  31. Currie T.E., Mace R. (2009) Political complexity predicts the spread of ethnolinguistic groups. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 106: 7339–7344.
  32. Dehghani M., Iliiev R., Sachdeva S., Atran S., Ginges J., Medin D. (2009) Emerging sacred values: The Iranian nuclear program. *Judgment and Decision Making* 4: 990–993.
  33. Diesendruck G., Haber L. (2009) God's categories: The effect of religiosity on children's teleological and essentialist beliefs about categories. *Cognition* 110: 100–114.
  34. Durkheim E. (1995) *Elementary Forms of Religious Life*. New York: Free Press.
  35. Ensminger J. (1997) Transaction costs and Islam: Explaining conversion in Africa. *Journal of Institutional and Theoretical Economics* 153: 4–28.
  36. Fehr E., Fischbacher U. (2003) The nature of human altruism. *Nature* 425: 785–791.
  37. Festinger L., Riecken H., Schachter S. (1956) *When Prophecy Fails*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
  38. Firth R. (1963) Offering and sacrifice. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 93: 12–24.
  39. Fishman A., Goldschmidt Y. (1990) The orthodox kibbutzim and economic success. *Journal for the Scientific Study of Religion* 29: 505–511.
  40. Freston P. (2001) *Evangelicals and Politics in Asia, Africa and Latin America*. New York: Cambridge University Press.
  41. Gazzaniga M.S., Ivry R.B., Mangun G.R. (2009) *Cognitive Neuroscience*, 3rd ed. New York: Norton.
  42. Gervais W., Henrich J. (forthcoming) The Zeus problem: Why representational content biases cannot explain faith in gods. *Journal of Cognition and Culture*.
  43. Ginges J., Atran S., Medin D.L., Shikaki K. (2007) Sacred bounds on rational resolution of violent political conflict. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA* 104: 7357–7360.

44. Ginges J., Hansen I., Norenzayan A. (2009) Religious and popular support for suicide attacks. *Psychological Science* 20: 224–230.
45. Gintis H., Smith E.A., Bowles S. (2001) Costly signaling and cooperation. *Journal of Theoretical Biology* 213: 103–119.
46. Greeley A. (1975) *The Sociology of the Paranormal*. Beverly Hills, CA: Sage.
47. Guthrie S. (1993) *Faces in the Clouds*. New York: Oxford University Press.
48. Harper L., Sanders K.M. (1975) The effect of adults' eating on young children's acceptance of unfamiliar foods. *Journal of Experimental Child Psychology* 20: 206–214.
49. Harris P., Pasquini E.S., Duke S., Asscher J.J., Pons F. (2006) Germs and angels: The role of testimony in young children's ontology. *Developmental Science* 9: 76–96.
50. Heider F., Simmel S. (1944) An experimental study of apparent behavior. *American Journal of Psychology* 57: 243–259.
51. Henrich J. (2004) Cultural group selection, coevolutionary processes and large-scale cooperation. *Journal of Economic Behavior and Organization* 53: 3–35.
52. Henrich J. (2008) A cultural species. In: *Explaining Culture Scientifically* (Brown M, ed), 184–210. Seattle, WA: University of Washington Press.
53. Henrich J. (2009) The evolution of costly displays, cooperation, and religion: Credibility enhancing displays and their implications for cultural evolution. *Evolution and Human Behavior* 30: 244–260.
54. Henrich J., Boyd R. (2001) Why people punish defectors: Weak conformist transmission can stabilize costly enforcement of norms in cooperative dilemmas. *Journal of Theoretical Biology* 208: 79–89.
55. Henrich J., Boyd R. (2002) On modeling cognition and culture: Why replicators are not necessary for cultural evolution. *Journal of Cognition and Culture* 2: 87–112.
56. Henrich J., Boyd R., Bowles S., Camerer C., Fehr E., Gintis H., McElreath R., Alvard M., Barr A., Ensminger J., Hill K., Gil-White F., Gurven M., Marlowe F., Patton J.Q., Smith N., Tracer D. (2005) "Economic man" in cross-cultural perspective: Behavioral experiments in 15 small-scale societies. *Behavioral and Brain Sciences* 28: 795–815.
57. Henrich J., Boyd R., Richerson P. (2008) Five misunderstandings about cultural evolution. *Human Nature* 10: 253–289.
58. Henrich J., Ensminger J., McElreath R., Barr A., Barrett C., Bolyanatz A., Cardenas J.C., Gurven M., Gwako E., Henrich N., Lesorogol C., Marlowe F., Tracer F., Ziker J. (2010) Markets, religion, community size, and the evolution of fairness and punishment. *Science* 327: 1480–1484.
59. Henrich J., Gil-White F. (2001) The evolution of prestige. *Evolution and Human Behavior* 22: 165–196.
60. Henrich J., McElreath R. (2003) The evolution of cultural evolution. *Evolutionary Anthropology* 12: 123–135.
61. Henrich N.S., Henrich J. (2007) *Why Humans Cooperate: A Cultural and Evolutionary Explanation*. Oxford: Oxford University Press.
62. Horner V., Whiten A. (2005) Causal knowledge and imitation/emulation switching in

- chimpanzees and children. *Animal Cognition* 8: 164–181.
63. Hruschka D., Henrich J. (2006) Friendship, cliquishness, and the emergence of cooperation. *Journal of Theoretical Biology* 239: 1–15.
64. Irons W. (1996) In our own self-image. *Skeptic* 4(2): 50–52.
65. Johnson D. (2005) God's punishment and public goods. *Human Nature* 16: 410–446.
66. Johnson G. (1987) In the name of the fatherland: An analysis of kin term usage in patriotic speech and literature. *International Political Science Review* 8: 165–174.
67. Kapogiannis D., Barbey A.K., Su M., Zamboni G., Krueger F., Grafman J. (2009) Cognitive and neural foundations of religious belief. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA* 106: 4876–4881.
68. Keil F. (1979) *Semantic and Conceptual Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
69. Keleman D. (2004) Are children “intuitive theists”? Reasoning about purpose and design in nature. *Psychological Science* 15: 295–301.
70. Khaldun I. (2005) *The Muqaddimah: An Introduction to History*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
71. Klein R.G. (1989) *The Human Career: Human Biological and Cultural Origins*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
72. Kluckhohn C., Leighton D. (1946) *The Navajo*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
73. Lee R. (1979) *The Kung San: Men, Women and Work in a Foraging Society*. New York: Cambridge University Press.
74. Levy R. (1957) *The Social Structure of Islam*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
75. Liebenberg L. (1990) *The Art of Tracking*. Cape Town, South Africa: David Philip Publishers.
76. Lyons D.E., Young A.G., Keil F.C. (2007) The hidden structure of overimitation. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA* 104: 19751–19756.
77. Malley B. (2004) *How the Bible Works: An Anthropological Study of Evangelical Biblicism*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press.
78. Marcus J., Flannery K.V. (2004) The coevolution of ritual and society: New C-14 dates from ancient Mexico. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA* 101: 18257–18261.
79. Marks L. (2004) Sacred practices in highly religious families. *Family Process* 43: 217–231.
80. Mathew S., Boyd R. (2009) When does optional participation allow the evolution of cooperation? *Proceedings of the Royal Society B* 276: 1167–1174.
81. Mazar N., Ariely D. (2006) Dishonesty in everyday life and its policy implications. *Journal of Public Policy and Marketing* 25: 117–126.
82. McElreath R., Boyd R., Richerson P.J. (2003) Shared norms and the evolution of ethnic markers. *Current Anthropology* 44: 122–129.

83. McNeil W.H. (1982) *Pursuit of Power*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
84. McNeil W.H. (1991) *The Rise of the West*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
85. Norenzayan A., Atran S., Faulkner J., Schaller M. (2006) Memory and mystery: The cultural selection of minimally counterintuitive narratives. *Cognitive Science* 30: 531–553.
86. Norenzayan A., Hansen I.G. (2006) Belief in supernatural agents in the face of death. *Personality and Social Psychology Bulletin* 32: 174–187.
87. Norenzayan A., Shariff A.F. (2008) The origin and evolution of religious prosociality. *Science* 322: 58–62.
88. Norris P., Inglehart R. (2004) *Sacred and Secular*. New York: Cambridge University Press.
89. Nowak M.A., Sigmund K. (2005) Indirect reciprocity. *Nature* 437: 1291–1298.
90. Panchanathan K., Boyd R. (2003) A tale of two defectors: The importance of standing for the evolution of indirect reciprocity. *Journal of Theoretical Biology* 224: 115–126.
91. Panchanathan K., Boyd R. (2004) Indirect reciprocity can stabilize cooperation without the second-order free rider problem. *Nature* 432: 499–502.
92. Phillips A. (1970) *Ancient Israel's Criminal Law: A New Approach to the Decalogue*. New York: Schocken.
93. Pyysiainen I. (2003) Buddhism, religion, and the concept of “God.” *Numen—International Review for the History of Religions* 50: 147–171.
94. Rakoczy H., Wameken F., Tomasello M. (2008) The sources of normativity: Young children's awareness of the normative structure of games. *Developmental Psychology* 44: 875–881.
95. Rappaport R.A. (1999) *Ritual and Religion in the Making of Humanity*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
96. Richerson P., Boyd R. (2005) *Not by Genes Alone*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
97. Roes F.L. (1995) The size of societies, stratification, and belief in high gods supportive of human morality. *Politics and the Life Sciences* 14: 73–77.
98. Roes F.L., Raymond M. (2003) Belief in moralizing gods. *Evolution and Human Behavior* 24: 126–135.
99. Ruffle B.J., Sosis R. (2006) Cooperation and the in-group out-group bias: A field test on Israeli kibbutz members and city residents. *Journal of Economic Behavior and Organization* 60: 147–163.
100. Shariff A.F., Norenzayan A. (2007) God is watching you. *Psychological Science* 18: 803–809.
101. Smith C. (1996) *Disruptive Religion*. New York: Routledge.
102. Sosis R., Alcorta C. (2003) Signaling, solidarity, and the sacred: The evolution of religious behavior. *Evolutionary Anthropology* 12: 264–274.
103. Sosis R., Bressler E.R. (2003) Cooperation and commune longevity: A test of the

- costly signaling theory of religion. *Cross-Cultural Research* 37: 211–239.
104. Sosis R., Kress H., Boster J. (2007) Scars for war. *Evolution and Human Behavior* 28: 234–247.
105. Sosis R., Ruffle B.J. (2003) Religious ritual and cooperation: Testing for a relationship on Israeli religious and secular kibbutzim. *Current Anthropology* 44: 713–722.
106. Sperber D. (1996) *Explaining Culture: A Naturalistic Approach*. Oxford: Blackwell.
107. Sperber D., Premack D., Premack A. (eds.) (1995) *Causal Cognition*. New York: Oxford University Press.
108. Stark R. (1997) *The Rise of Christianity*. New York: Harper Collins.
109. Sweeney M. (2001) *King Josiah of Judah*. New York: Oxford University Press.
110. Tetlock P. (2003) Thinking the unthinkable: Sacred values and taboo cognitions. *Trends in Cognitive Science* 7: 320–324.
111. Trainor L., Trehub S. (1992) The development of referential meaning in music. *Music Perception* 9: 455–470.
112. Whitehouse H. (2004) *Modes of Religiosity: A Cognitive Theory of Religious Transmission*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press.
113. Whitson J.A., Galinsky A.D. (2008) Lacking control increases illusory pattern perception. *Science* 322: 115–117.
114. Whyte W.F. (1993) *Street Corner Society: The Social Structure of an Italian Slum*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
115. Wilson D.S. (2002) *Darwin's Cathedral: Evolution, Religion, and the Nature of Society*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
116. Wiltermuth S.S., Heath C. (2009) Synchrony and cooperation. *Psychological Science* 20: 1–5.

Сведения об авторах

Скотт Атран – Институт Жана Никода Национального центра научных исследований (Париж, Франция), Колледж уголовного правосудия Джона Джея (Нью-Йорк, США), Школа публичной политики им. Джеральда Р. Форда Мичиганского университета (Анн-Арбор, США)

E-mail: satran@umich.edu

Джозеф Генрих – Департамент Экономики и Департамент Психологии Университета Британской Колумбии (Ванкувер, Канада)

E-mail: joseph.henrich@gmail.com

Сведения о переводчике

Анна Вадимовна Костромицкая – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и социокультурного проектирования, Институт медиакоммуникаций, медиа-технологий и дизайна, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

E-mail: anna-01.kostromitskaya@mail.ru

Scott Atran, Joseph Henrich

THE EVOLUTION OF RELIGION

Abstract: *Understanding religion requires explaining why supernatural beliefs, devotions, and rituals are both universal and variable across cultures, and why religion is so often associated with both large-scale cooperation and enduring group conflict. Emerging lines of research suggest that these oppositions result from the convergence of three processes. First, the interaction of certain reliably developing cognitive processes, such as our ability to infer the presence of intentional agents, favors—as an evolutionary by-product—the spread of certain kinds of counterintuitive concepts. Second, participation in rituals and devotions involving costly displays exploits various aspects of our evolved psychology to deepen people’s commitment to both supernatural agents and religious communities. Third, competition among societies and organizations with different faith-based beliefs and practices has increasingly connected religion with both within-group prosociality and between-group enmity. This connection has strengthened dramatically in recent millennia, as part of the evolution of complex societies, and is important to understanding cooperation and conflict in today’s world.*

Keywords: *by-product hypothesis, credibility enhancing displays, cultural transmission, cooperation, group competition, high gods, minimally counterintuitive, morality, religion, rise of civilization.*

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

DOI: 10.37279/2413-1695-2024-10-1-58-73

ЗАБВЕНИЕ КАК ФОРМА СТРАДАНИЯ АРТЕФАКТОВ

Статья II

Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В.

Аннотация: Текст является продолжением статьи, опубликованной в предыдущем номере журнала. В первой части была поставлена проблема брошенных и преданных забвению объектов, раскрыты её отдельные грани (в частности культурообусловленные особенности восприятия заброшенности и психоментальные основания «переживания» данного феномена), а также обозначены группы артефактов, забвение которых проявляется наиболее остро. Сквозь призму проблематики заброшенности были рассмотрены объекты религиозного культа и человеческие захоронения. В настоящей статье представлен обзор таких групп артефактов как опустевшие усадьбы; заброшенные города и отдельные городские локации и сооружения; преданные забвению памятники (включая монументальные произведения искусства). Затрагиваются различные теоретические аспекты изучаемой сферы, которая находит проявление во многих культурах и обладает большой общественной значимостью: уделено внимание взаимоотношениям человека с «миром вещей», рассматриваются сакральный и повседневный уровни восприятия феномена заброшенности, а также различные параметры и маркеры забвения; отмечается глубокие связи рассматриваемого явления с проблематикой историко-культурной памяти. Указывается, что особую эвристическую значимость в изучении проблемы заброшенности артефактов имеет культурология, потенциал которой позволяет выйти на высокий уровень генерализации изучаемой темы.

Ключевые слова: артефакт, забвение, заброшенность, «место памяти», историко-культурное наследие, покинутые городские пространства, брошенные деревни, усадьбы, памятники.

Человек, будучи погружённым в мир вещей, выработал различные практики «общения» с ними и формы переживания их «реальности». Взаимодействуя с материальным объектом, человек нередко наделяет его субъектностью, в определённой степени «оживляет» артефакт. Вещь может восприниматься как чувствующая, способная реагировать, испытывать эмоции. Значимым аспектом воображаемой реальности артефактов является их способность «страдать». Одной из форм «страдания», во многих случаях вызывающей повышенный интерес, являются ситуации забвения, заброшенности объектов.

Среди различных групп объектов, заброшенность которых зачастую воспринимается весьма болезненно, выделяются жилища и населённые пункты. Отдельного внимания достойны брошенные деревни. Образ оставленной деревни – деревни исчезнувшей, страдающей, гибнущей, забытой – играет значимую роль в культурной памяти современной России. Данный образ является очень устойчивым, бытует на протяжении многих поколений, оказывая сильное психоэмоциональное воздействие на носителей отечественной культуры. Образы покосившихся домов, почерневших срубов с заколоченными окнами, палисадников и огородов, заросших сорной травой; семейные воспоминания и донесённые масс-культурой сведения о различных потрясениях XX в., чрезвычайно болезненно отразившихся на деревне, – всё это формирует особое «место памяти», значимое для российской культуры. Тектонические историко-культурные сдвиги, потрясения и модернизационные процессы XX в. (революция 1917 г.; радикальные социокультурные преобразования первых советских десятилетий; Великая Отечественная война; урбанизационные процессы, повлекшие исход населения в города) «чрезвычайно болезненно отразились на деревне. Смена социально-экономических укладов никогда и нигде не проходит безболезненно, но в России XX в. последствия этих перемен были чрезвычайно значительными. А последствия Великой Отечественной войны стали буквально катастрофическими» [1, с. 98–99].

Выразительные, эмоционально окрашенные описания пустеющих деревень, ставших жертвами индустриально-городской «перемолки» XX в., широко представлены в российской художественной культуре. Такие образы создавал, например, В.Г. Распутин: «Покосились заборы и прясла, почернели и похилились стайки, амбары, навесы, без пользы валялись жерди и доски – поправляющая, подлаживающая для долгой службы хозяйская рука больше не прикасалась к ним...» [2, с. 420], «Неуклюже и голо торчали раскрытые стропила, мёртво и властно смотрели в улицу проёмы выставленных окон <...> стлы под небом оставленные на произвол судьбы русские печи» [3, с. 235]. Встречаются подобные описания и у В.П. Астафьева («Вся деревня, задохнувшаяся в дикоросте, с едва натопанной тропой, была в закрепленных окнах, с пошатнувшимися скворечниками, с разваленными оградами дворов и огородных плетней, с угасающими садовыми деревьями и вольно, дико разросшимися меж молчаливых изб тополями, черемухами, осинами, занесенными ветром из лесов» [4, с. 406]), и у других русских писателей, – прежде всего у писателей-«деревенщиков», для которых было характерно скептическое отношение к модернизационным процессам: наступление города на деревню они нередко описывали как наступление хаоса, убывание жизни и порядка, «лада».

Современная действительность также даёт почву для актуализации образа брошенной деревни в пространстве российской культуры. Так, вследствие перемен последних десятилетий многие сельские районы Севера и европейского Нечерноземья буквально обезлюдели (проиллюстрируем этот тезис на примере Магаданской обл.: в 1989-2021 гг. численность населения Ягоднинского р-на сократилась на 87,6%, население Тенькинского р-на – также на 87,6%, Сусуманского р-на – на 86,5%, Среднеканского – на 86,3%, и т.д. [см.: 5; 6]), появилось множество заброшенных деревень и посёлков. Появление

сёл-«призраков» отмечается и в других регионах РФ: известность, например, получил заброшенный аул Гамсутль (Гунибский р-н Дагестана). Многие наши соотечественники, даже будучи горожанами не в первом поколении, продолжают испытывать сильную ментальную связь с деревней, тягу к ней, – и для них весьма болезненны образы оставленных деревень, ситуации, когда «нагретые людьми» дома и иные артефакты оказываются заброшенными.

Специфическую (и весьма многочисленную) группу преданных забвению артефактов формируют заброшенные усадьбы. Усадебная культура в нашей стране получила в предыдущие столетия значительное развитие и глубоко укоренилась в историко-культурной памяти. Усадьбы, которые исторически являлись средоточиями дворянской культуры, формировали своеобразные «гнезда», микромиры, особые культурные среды со своеобразными ценностно-смысловыми установками и практиками. В дворянской среде XVIII – XIX вв., по мнению А. Шёнле, «с поместьем стали связывать воспоминания о свободе, определённый образ жизни и культурные интересы, и в результате усадьбы превратились в своего рода миф, благодаря которому их начали ассоциировать с подлинной «русскостью». Распространилась новая чувствительность: привязанность к определённому месту, окрашенная элегическим настроением» [7, с. 170-171]. Усадьбы оказали чрезвычайно большое влияние на развитие отечественной художественной культуры XVIII – начала XX вв., поспособствовав формированию многих ярких образов, запечатлённых в классических романах и пьесах и устойчиво транслируемых масс-медиа и системой российского образования вплоть до наших дней [см., например: 8].

Начиная с середины XIX в. российская усадебная культура вступила в полосу упадка, многие усадьбы ветшали и забрасывались. Это также привело к созданию череды значимых и растиражированных «текстов», связанных с угасанием усадебной культуры. Потрясения и негативные последствия социокультурных процессов XX в. нанесли связанным с усадебной культурой артефактам невосполнимый урон. Будучи глубоко интегрированным в историческую память, образ заброшенной усадьбы оказывает сильное влияние на многих носителей российской культуры, являясь одним из символов «домодерновой» эпохи. Указанные образы непосредственно связаны с ностальгическими переживаниями ушедшей реальности культуры, которую порой идеализируют: «Время «дедов» – пора усадебного строительства, приходящаяся на вторую половину XVIII – самое начало XIX века, – несколько романтизируется и воспринимается как эпоха сказочного богатства и изобилия. Жизнь поколения видится сквозь призму дворцовых интриг, любовных авантур, военных триумфов и невероятной роскоши» [9, с. 124].

Показательны рассуждения В.Г. Щукина, который выделяет свойства так называемого «усадебного текста». К этим свойствам он относит «соотнесённость содержания с мифом усадьбы как утрачиваемого (или утраченного) рая; усадебный хронотоп, то есть состояние счастливой безмятежности и покоя в замкнутом пространстве обустроенной природы». Также к специфическим особенностям усадебного текста В.Г. Щукин причисляет наличие душевных переживаний героев, которые разворачиваются на фоне усадебного пространства; наличие меланхолического, ностальгического

подтекста; «идиллично-элегической жанровой модальности, зачастую переходящей в мелодраматизм» [10, с. 163].

Отметим также высказывание И.А. Бунина про упадок усадебной культуры: «Сколько заброшенных поместий, запущенных садов в русской литературе и с какой любовью всегда описывались они! В силу чего русской душе так мило, так отрадно запустенье, глушь, распад? Я шёл к дому, проходил в сад, поднимавшийся за домом... Конюшни, людские избы, амбары и прочие службы, раскинутые вокруг пустынного двора, – все было огромно, серо, все разрушалось и дичало, как дичали, зарастали бурьяном, кустарником и огороды, гумна, простирившиеся за ними и сливавшиеся с полем. Деревянный дом, обшитый серым тёсом, конечно, гнил, ветшал, с каждым годом делаясь все пленительнее, и особенно любил я заглядывать в его окна с мелкорешетчатыми рамами... как передать те чувства, что испытываешь в такие минуты, когда как бы воровски, кощунственно заглядываешь в старый, пустой дом, в безмолвное и таинственное святилище его давней, исчезнувшей жизни!» [11, с. 74-75].

Запоминающиеся, трогающие сердца образы преданных забвению усадеб содержатся в творчестве П.И. Мельникова-Печерского: «По другую сторону Заборья высятся на горе палаты князей Заборовских. Величественный дворец, строенный в прошлом столетии по плану Растрелли, окруженный полуразвалившимися флигелями и службами, господствуя над Волгой и Заборьем, угрюмо смотрит на новую, развившуюся под его ногами деятельность. Запустелый, обветшалый, точно переглядывается он с древними зданиями монастырскими...». Далее автор, очеловечивая усадебные постройки, пишет: «Ведут меж собой каменные старцы беззвучную беседу о суете мирской, что внизу гулом тысячи голосов и звуков дает знать о себе, о приволье места и о довольстве народа. Ведут угрюмые старцы беседу, а сами будто сокрушаются, что минули старые годы, когда наверху былолюдно и шумно, а внизу говорить громко не смели...» [12, с. 4].

Назовём несколько выразительных и обладающих несомненными историко-культурными и художественными достоинствами российских усадеб, которые в настоящее время стоят заброшенными и частично руинированными: усадьба Гостилицы в Ломоносовском р-не Ленинградской обл. (некогда принадлежала К.Г. Разумовскому; внесена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО); усадьба Лютка в Лужском р-не Ленинградской обл. (в прошлом ею владел известный востоковед Ф.И. Щербатской; имеет статус объекта культурного наследия регионального значения); усадьба Альбрехта в д. Котлы Кингисеппского р-на Ленинградской обл. (объект культурного наследия федерального значения); усадьба Брискорнов в д. Пятая гора Волосовского р-на Ленинградской обл. (объект культурного наследия регионального значения); Семёновское-Отрада – историческая усадьба графов Орловых в Ступинском р-не Московской обл. (объект культурного наследия федерального значения); усадьба Петровское-Алабино в Наро-Фоминском р-не Московской обл. (по мнению ряда специалистов, построена по проекту М.Ф. Казакова [13]; имеет статус объекта культурного наследия федерального значения); усадьба Барышниковых в Дорогобужском р-не Смоленской обл. (объект культурного наследия

федерального значения); усадьба Ляличи в Суражском р-не Брянской обл. (создана по проекту Дж. Кваренги, принадлежала П.В. Заводовскому, фавориту Екатерины II; объект культурного наследия федерального значения).

«Сердце дома. Сердце радо. А чему?
Тени дома? Тени сада? Не пойму.

Сад старинный, всё осины – тощи, страх!
Дом – руины... Тины, тины что в прудах... <...>

Чье жилище? Пепелище?... Угол чей?
Мертвой нищей логовище без печей...» [14, с. 137].

Следующую группу артефактов, ярко иллюстрирующих феномен заброшенности, составляют *заброшенные города и отдельные городские локации и сооружения*. Образ заброшенного города проявляется во многих культурах, в том числе на уровне мифологических и художественных интерпретаций. Издревле запустение городов и всего *жилого, обжитого* воспринималось как страшная беда, а во многих случаях – как наказание высших сил (что нашло отражение и в священных текстах: «Ибо укрепленный город опустеет, жилища *будут* покинуты и брошены, как пустыня. Там будет пастись телёнок» [Ис.27:10]). Многие смысловые и знаковые аспекты, о которых шла речь при рассмотрении предыдущих групп памятников, актуальны также и для брошенных городов. Опустевший город выступает знаком, символом ушедшей реальности. Рыночный шум и гомон, толкотня на улицах, крики детей во дворах и другие неперемняемые составляющие городской жизни – всего этого в заброшенном городском пространстве нет. И тут открывается ещё одна грань изучаемой проблематики, связанная со знаковой природой пустоты, ставшей частью реальности памятника. ««Отсутствие» в таком ракурсе проявляет неожиданные эффекты – оно может не только олицетворять молчаливую пустоту, но и способно повествовать об утраченном, манифестировать о нём» [16, с. 78]; «отсутствие, напоминая об отсутствующем, становится основой для сохранения памяти о нём» [16, с. 68]. Указанный аспект, связанный со знаково-символической стороной отсутствия, обнаруживает себя не только в отношении рассматриваемой группы артефактов, но и применительно к другим группам преданных забвению объектов.

Покинутое место (город, дом, локация и др.), предназначенное для того, чтобы в нём кто-то жил, ухаживал за ним, уделял внимание, в случае опустошения может быть не только романтизировано, но и быстро «населено» мифами, легендами (порой злоецими), содержащими отблески прошлых состояний памятника, а также вымышленными образами и персонажами, порождаемыми «играми разума». Зачастую указанные игры оказывают большое влияние на формирование смысловой ауры, воображаемой реальности памятников [17].

Рассматриваемую группу брошенных артефактов можно выразительно проиллюстрировать примерами с постсоветского пространства и из бывших восточноевропейских соцстран. Распад социалистической системы, драматичные (нередко и трагические) пе-

ремены конца 1980-х – 1990-х гг. способствовали появлению чрезвычайно большого количества заброшенных объектов. Были брошены посёлки, микрорайоны, в отдельных случаях и целые города (так, полностью опустел восточногерманский Вюнсдорф, бывшая штаб-квартира Группы советских войск в Германии – на пике своего развития оживлённый город с 60-тысячным населением). Предавали забвению заводы, фабрики и иные промышленные объекты. Прекратилось движение на многих железнодорожных путях, в том числе и на территории Санкт-Петербурга (укажем на пути на территорию Котлотурбинного института на Кременчугской ул., Калашниковскую ветвь, пути к заводу им. Климова и т.д.). Удручающее впечатление производят фотографии брошенного аэропорта в г. Усть-Илимске Иркутской обл., а также неиспользуемого и разрушающегося железнодорожного вокзала в г. Кировске Мурманской обл. Впали в запустение многие дворцы и дома культуры, в том числе представляющие существенную художественную ценность – такие как ДК Прокопьевского завода шахтной автоматики в Кузбассе и величественный Дом культуры в пос. Шумихинский Пермского края; также можно указать на значимый с историко-культурной точки зрения ДК «Невский» в Санкт-Петербурге. Чувство сожаления вызывает то, что в самом центре полумиллионной Твери находится брошенный стадион. Стоят брошенными и некоторые объекты, значимые в общенациональном масштабе, например здание бывшей Академии ВВС им. Гагарина в подмосковном Монино.

Говоря о брошенных объектах, следует отдельно упомянуть памятники монументального искусства. Вследствие различных историко-культурных перипетий указанные объекты порой предаются забвению. Природа многих монументальных объектов такова, что их «аура» нередко аккумулирует значительное ценностно-смысловое содержание, – порой «перевешивающее» материальную составляющую объекта. Рассматриваемые памятники изначально «заряжены» духовными аспектами и создаются с прицелом на их трансляцию на массовую аудиторию, – и поэтому брошенность подобных объектов влечёт их «опустошение». Памятник, утративший аксиологическое содержание, не «считываемый» субъектами, «умирает». Причём можно «оживить» памятник, не только вновь наделив его первоначальными смыслами и возродив его содержание, но и наполнив его новыми значениями. В этом плане показательна судьба многих объектов древних культур. Мы не всегда осознаём, какие смыслы создатели артефактов изначально в них вкладывали, но в состоянии придать им новые значения, – например, мы можем благоговеть перед совершенством художественных форм древних объектов, «аура» которых значительно шире сугубо эстетических параметров. Показательны в данном случае рассуждения О. Шпенглера: «невозможно до конца вникнуть силами собственной души в исторический аспект мира чужих культур, в картину становления, сложившуюся из совершенно иначе предрасположенных душ. Здесь всегда остаётся какой-то недоступный остаток, тем более значительный, чем ничтожнее собственный исторический инстинкт, физиогномический такт, собственное знание людей» [18, с. 289].

Немало памятников монументального искусства были брошены на постсоветском пространстве. В частности, были преданы забвению многие художественные мозаики. Данный вид монументального искусства получил в СССР большое развитие, и

мозаики украшали городские пространства, дома и дворцы культуры, клубы и др., – транслируя важные аспекты аксиосферы советской культуры и являясь во многих случаях подлинными городскими достопримечательностями. Укажем, например, на панно «Радость труда» (площадь 530 кв. м.), установленное в г. Тольятти, которое содержит значительные образы советской культуры – включая ликвидацию неграмотности, солдат Великой Отечественной войны, Ю.А. Гагарина, строителей Волжского автозавода и др. В настоящее время мозаика в силу заброшенности городской локации, в которой она находится, пребывает в запустении и медленно разрушается, однако предпринимаются усилия для её сохранения. Находятся в состоянии не востребоваемости и заброшенности и некоторые образцы монументальной скульптуры социалистической эпохи (так, в Санкт-Петербурге на бывшей территории завода «Подъёмтрансмаш» стоит неухоженный, заросший деревьями памятник С.М. Кирову). Порой предаются забвению и мемориальные доски: например, симптомы заброшенности имеет размещённая на бывшем здании института «Ленгипроводхоз» мемориальная доска со стёршейся, с трудом читаемой надписью: «Коллектив института ЛЕНГИПРОВОДХОЗ награжден памятным Знаком ЦК КПСС СОВМИНА СССР ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ за высокую эффективность и качество работы в десятой пятилетке. Постановление №140 5 февраля 1981 года». К сожалению, история трудовых коллективов, трудовых свершений, которой в советский период уделялось значительное внимание, в постсоветское время нередко забывалась, а артефакты, связанные с ней, впадали в запустение.

Также в этом ряду необходимо упомянуть монументальные надписи, которые во времена СССР были размещены на многих зданиях, стелах и иных объектах. Надписи «СЛАВА ТРУДУ!», «СССР – ОПЛОТ МИРА», «НАША ЦЕЛЬ – КОММУНИЗМ», «МИР, ТРУД, МАЙ» и т.п. присутствовали во всех крупных городах и были неотъемлемой частью городской среды, визуальнo индоктринируя советского человека. Часть рассматриваемых артефактов впоследствии была демонтирована, а другие сохранились до наших дней, нередко пребывая в неудовлетворительном состоянии. Многие наши соотечественники воспринимают проржавевшие монументальные надписи, олицетворяющие для них целую эпоху, полустёртые надписи на мемориальных досках, руинированные мозаики с грустью и тоской по ушедшей реальности.

Проявления заброшенности в постсоветский период наблюдались не только в урбанизированных ландшафтах. Укажем, в частности, на то, что многие поля, которые в советское время интенсивно обрабатывались, в 1990-х впали в запустение. Весьма ярко это проявлялось в пространствах, окружающих крупные города Нечерноземья, в том числе в Ленинградской обл. Если бывшее капустное или кукурузное поле зарастает чахлой осинкой, то это производит на многих носителей российской культуры угнетающее впечатление (в данном случае уместно провести аналогию с процитированным в ч. I настоящей статьи стихотворением Н.А. Некрасова «Несжатая полоса»).

Будучи многогранным, ценностно-смысловой спектр заброшенности включает романтические, ностальгические, мистические и иные коннотации. Основой для романтизации и эстетизации могут стать, помимо прочего, материальные утраты и по-

калеченность памятников. Данная тенденция ярко проявлялась в отношении античного наследия в Италии XV – XVII вв., а также во многих европейских странах в XVIII – начале XIX вв.; впрочем, нельзя сказать, что деятелям европейской культуры более ранних эпох совершенно не был свойственен интерес к поврежденным артефактам. Изредка воспевали руины и античные авторы (Алфей, Антипатр Сидонский, Павсаний), и средневековые (Хильдеберт Турский) [См.: 19]. Некоторые руинированные объекты в XIX – XX вв. стали чрезвычайно популярны; к примеру, Помпеи превратились в один из символов античности и стали значимым «местом памяти» (а впоследствии и центром притяжения для путешественников и туристов).

Значительный интерес к данной проблематике сохраняется и в XX – XXI вв. Представляется, что все основные ценностно-смысловые аспекты восприятия заброшенных, руинированных объектов, которые проявлялись в прошлые времена, наблюдаются и в современном мире. В частности, устойчиво сохраняется романтическая тема; А. Шёнле пишет, что «колебание между приверженностью идее прогресса и ностальгией по ушедшему миру, между новым и древним, по определению не может завершиться» [7, с. 133]. Но при этом расширяется спектр артефактов, которые могут превратиться в заброшенные, и усложняются практики взаимодействия с ними. В качестве примера приведём промышленные объекты, многие из которых в конце XX – XXI вв. стали восприниматься сквозь призму заброшенности; порой индустриальные руины называют «современной готикой». Представляет интерес статья Н. Халитовой о достопримечательностях, которые традиционно посещают новобрачные в г. Магнитогорске и возле которых они фотографируются. Примечательно, что растёт количество фотографий новобрачных, которые сделаны на фоне осыпающихся фасадов, разрушающегося ограждения заброшенного парка, руинированных зданий. Согласно высказанному в статье мнению, это обстоятельство может быть связано с тем, что жители города-новодела хотят обозначить свою причастность к чему-то «древнему» – или по крайней мере к тому, что визуально походит на древнее («привычный город надоел, нужна более «древняя» история») [20].

Среди современных практик взаимодействия с заброшенными промышленными объектами исследователи выделяют индустриальный туризм, фототуризм, руинный туризм [см.: 21] и т.д. Рассматриваемые явления получили большое распространение: так, в интернете можно найти десятки миллионов фотографий заброшенных артефактов, а также многочисленные произведения фан-арта, изготовленные на их основе. Многие преданные забвению артефакты с помощью масс-медиа и художественной культуры обрели большую популярность; например, у любителей индустриального туризма сформировались устойчивые маршруты, которые включают, в частности, заброшенную базу ВМФ на дальневосточном острове Русский, заброшенную усадьбу Ольгово в Подмосковье, до недавних пор – г. Припять (Украина).

Дополнительным свидетельством развития и усложнения темы заброшенных артефактов является появление в XIX – XX вв. постапокалиптики – специфического поджанра научной фантастики, антиутопии и хоррора. В книгах, кинофильмах, сериалах, мультфильмах и компьютерных играх, относящихся к рассматриваемому поджанру, очень

часто фигурируют многочисленные заброшенные и руинированные объекты, которые не только являются частью антуража, но и нередко играют сюжетообразующую роль. В качестве примеров постапокалиптических произведений современной масс-культуры назовём книги Р. Желязны «Долина проклятий» и К. Маккарти «Дорога» (оба романа экранизированы), а также компьютерную игру «Fallout».

Анализируя изложенное, следует сказать о том, что сам по себе феномен забвения в истории культуры имеет неоднозначные коннотации. Его восприятие с сугубо негативных сторон сужает ценностно-смысловое поле данного явления. Как было указано в ч. 1 настоящей статьи, забвение является естественным свойством памяти, которая не может вмещать всё пережитое. Человечество сохраняет память не обо всём, очень многое отфильтровывается. Память особым образом структурируется, проходит пунктиром по наиболее значимым местам, гравитационные поля которых образуют единую «ткань» знаний о прошлом. Указанное свойство человеческой памяти способствует созданию особого знаково-смыслового поля, которое находит своё выражение в своеобразной эстетике заброшенности, увядания, распада. Река времени неизбежно уносит многие события, имена, образы, – и этот процесс может переживаться и в рамках отдельной человеческой жизни, и в масштабах целого социума. Время безжалостно стирает память:

«Уничтожает все кругом:

Цветы, зверей, высокий дом,

Сжует железо, сталь сожрёт

И скалы в порошок сотрет,

Мощь городов, власть королей

Его могущества слабей» [22, с. 57].

Тем не менее, человечество выработало действенные способы сохранения памяти, в частности её наиболее значимых «сгустков». В первую очередь следует сказать о тех «очагах» памяти и их материальных «средоточиях», которые наиболее тесно связаны с аксиосферой культуры. Данные аспекты памяти, будучи общественно признанными, культивируются и подкрепляются различными коммеморативными практиками, – в том числе инициированными государством. Также следует указать, что коммеморативные практики могут эффективно использоваться для выявления, «оживления» мест памяти и их популяризации. Среди значимых артефактов, которые в современной России были реанимированы и «усилены», назовём Калязинскую колокольню в Тверской обл. (1796-1800 гг. постройки), возведённую при Никольском соборе. В 1939-40 гг. при создании Угличского водохранилища церковь попала в зону затопления; собор был разобран, а колокольне отвели роль маяка. Впоследствии колокольня дала небольшой крен, который ликвидировали; при этом в конце 1980-х гг. фундамент колокольни был укреплён, а вокруг неё насыпали небольшой остров. Ныне колокольня «является конечной точкой Верхневолжского крестного хода. Таким образом, пройдя круг страданий, данный памятник обрёл вторую жизнь, усилившись пережитыми страстями и войдя в поле актуальных смыслов и религиозных практик человека. Примечательно, что колокольня на фоне пережитых страданий стала одним из

главных символов города Калязина, привлекающим множество туристов» [23, с. 181].

Практики преодоления забвения применяются не только к общекультурно-значимым объектам, но и к предметам самым обыденным. Указанные практики носят культурно-обусловленный характер и могут различаться достаточно сильно. К примеру, в современных культурах на фоне ускорения оборота вещей получили распространения многообразные практики *пристраивания* артефактов (укажем на феномен буккроссинга, магазины секонд-хенд, всевозможные блошинные рынки и «гаражные распродажи» и т.п.). Многие люди полагают, что игрушку надо отдать, чтобы ей играли. Музыкальный инструмент должен найти нового владельца и продолжать звучать.

Продолжая цепочку рассуждений, интересно рассмотреть специфику восприятия мусора в культуре, – поскольку граница между брошенным и мусором является весьма зыбкой. С одной стороны, мусор – это то, что полностью отторгнуто человеком. Но в то же время в рамках современных культур мусор становится объектом пристального внимания: для мусора устраиваются особым образом маркированные и обустроенные места, его стараются регулярно вывозить, его перерабатывают (и даже порой считают значительным источником сырья). Несанкционированные мусорные кучи начинают считаться чем-то вопиющим, недопустимым; о практиках обращения с мусором оживлённо дискутируют, – мусор не должен быть брошенным.

Ещё одним способом преодоления заброшенности вещи, выводимой или выведенной из «круга использования», является введение её в обиход в новом качестве, с новыми функциями, наделение её второй жизнью – что также ярко проявляется в современных культурах. В рамках современных дизайнерских практик нередко используют бывшие в употреблении вещи (в том числе и артефакты, связанные с ушедшими, «неактуальными» формами культуры). Помимо использования в новом качестве целокупных предметов и их фрагментов, возможно и использование их материала для создания новых вещей, – что тоже с известной долей условности может восприниматься как практика преодоления забвения. Например, новый свитер, *связанный* с использованием шерсти от распушенной старой кофты, может восприниматься как генетически *связанный* с былым артефактом, «наследующий» ему.

Любопытно также использование брошенных предметов в рамках современного искусства. Многие художники стремятся сделать «хлам и мусор» снова нужным и даже необходимым. Это, помимо прочего, способствует сохранению вещей. «Хлам, бесформенное, нерасчленённое становится сегодня истинным материалом искусства, точнее материей, которая «ничего не значит», «азначимой материей»» [24, с. 237].

Наконец, укажем на практики реновации, которые являются частным приёмом введения вещи в обиход в новом качестве. Данные практики, применяемые к бывшим промышленным объектам, административным зданиям и т.п., стали весьма распространёнными в Западной Европе, а в последние годы применяются и в России.

Подводя итоги написанному в двухчастной статье, отметим, что тема заброшенности и забвения артефактов весьма многогранна, находит проявление во многих культурах и обладает высокой степенью общественной значимости. Тема брошенных объ-

ектов является предметом рефлексии со стороны представителей научного сообщества, которые предлагают различные варианты работы с подобными объектами [см., например: 25, с. 42–44]. Данная проблематика привлекает философов, специалистов в области эстетики и аксиологии, психологов, антропологов, урбанистов, экономистов, музееологов, а также представителей других дисциплин. Особую эвристическую значимость имеет изучение данной проблематики в рамках культурологии, потенциал которой позволяет выйти на высокий уровень генерализации изучаемой проблематики.

Природа культуры такова, что человек находится в постоянном взаимодействии с различными артефактами, с «миром вещей», наделяя их разнообразными смыслами. Сложный диапазон взаимодействия с артефактами проявляется решительно на всех уровнях культуры – от сакрального (культовые сооружения, мемориалы и т.д.) до бытового, повседневного (предметы быта). Несмотря на то, что забвение является естественным свойством памяти, а износ материальных феноменов культуры неизбежен, человеку свойственно в той или иной мере поддерживать связи с меняющимся предметным миром и привязываться к артефактам. Психоэмоциональная связь человека с различными объектами может быть достаточно глубокой. В свою очередь определённые параметры артефакта (прежде всего внешние) могут сообщить о том, как к нему относятся, является он востребованным или нет, актуальна ли его смысловая нагрузка.

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа...*

Список литературы

1. Леонов И.В., Кириллов И.В. «Призрачные деревни» в культурной памяти России // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4 (42). С. 90–108.
2. Распутин В.Г. Прощание с Матёрой // Астафьев В.П., Белов В.И., Распутин В.Г., Шукшин В.М. Русская проза XX века. Москва: Астрель; АСТ, 2003. С. 419–617.
3. Распутин В.Г. Вниз и вверх по течению // Распутин В.Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. С. 213–285.
4. Астафьев В.П. Людочка // Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. С. 390–428.
5. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу // Демоскоп Weekly. Институт демографии имени А.Г. Вишневского Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 26.04.2023).
6. Всероссийская перепись населения 2020 года // Росстат. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 26.04.2023).
7. Шёнле А. Архитектура забвения: руины и историческое сознание в России нового времени / Пер. А.Д. Степанова. Москва: Новое литературное обозрение,

- 2018.
8. Лётин В.А., Лётин Н.Н. Рецепция феномена русской усадьбы современной отечественной массовой культурой // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Т. I (Гуманитарные науки). С. 242–248.
  9. Лётин В.А. Усадебное пространство в пореформенной России // Родина. 2014. № 6. С. 123–127.
  10. Щукин В.Г. Миф дворянского гнезда: геокультурологическое исследование по классической русской культуре. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1997.
  11. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность // Бунин И.А. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933); Божье древо. Рассказы (1927–1931). Москва: Воскресенье, 2006. С. 5–249.
  12. Мельников П.И. Старые годы // Мельников П.И. Старые годы: Рассказы и очерки. Москва: Московский рабочий, 1986.
  13. Самохина Т.Н. К истории строительства усадьбы Петровское-Князищево // Матвей Фёдорович Казаков и архитектура классицизма / Рос. акад. архитектуры и строит. наук, НИИ теории архитектуры и градостроительства; редкол.: Н.Ф. Гуляницкий и др. Москва: НИИТАГ, 1996. С. 48–49.
  14. Анненский И.Ф. Старая усадьба // Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А.В. Фёдорова. Ленинград: Советский писатель, 1959. С. 137.
  15. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета / Юбилейное издание, посвящённое тысячелетию Крещения Руси. Москва: Издание Московской Патриархии, 1988.
  16. Смирнова А.А., Леонов И.В., Кириллов И.В. Отсутствие как памятник. Статья 1 // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1 (47). С. 65–82.
  17. Суворов Н.Н. Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. № 4 (33). С. 76–80.
  18. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Москва: Мысль, 1998.
  19. Томан И.Б. Из истории культа руин в Европе и России // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XV Кирилло-Мефодиевские чтения». 19 мая 2015 года. Москва-Ярославль: Редмер, 2015. С. 192–206.
  20. Халитова Н.Р. Город в альбомах свадебных фото // Магнитогорский металл. URL: <https://magmetall.ru/news/fotovzglyad/gorod-v-albomah-svadebnyh-foto/> (дата обращения: 26.04.2023).
  21. Бугрова Е.Д. Индустриальные руины: эстетика modern decay и туризм // Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 3. С. 16–23.

22. Толкин Дж.Р.Р. Хоббит, или Туда и Обратно / Пер. Н. Рахмановой // Толкин Дж.Р.Р. Хоббит, или Туда и Обратно. Властелин Колец / Пер. с англ. Н.Л. Рахмановой, Н.В. Григорьевой, В.И. Грушецкого. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2002. С. 5–186.
23. Леонов И.В., Кириллов И.В. «Страдающий» артефакт: основные формы воплощений и особенности восприятия // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6 (111). С. 176–183.
24. Подорога В.А. Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии. Москва: Грюндриссе, 2016.
25. Возняк Е.Р. Проблема заброшенных строений и объектов // Современные проблемы истории и теории архитектуры. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. М.В. Золотарёва. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. архитектурно-строит. ун-т, 2018. С. 40–45.

Сведения об авторах

Смирнова Алла Александровна – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной и воспитательной работе, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, г. Санкт-Петербург.

E-mail: allasmir@mail.ru

Леонов Иван Владимирович – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, г. Санкт-Петербург.

E-mail: ivaleon@mail.ru

Кириллов Игорь Викторович – магистрант кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, г. Санкт-Петербург.

E-mail: os84@yandex.ru

Smirnova A. A., Leonov I. V., Kirillov I. V.

OBLIVION AS A FORM OF ARTIFACT SUFFERING. ARTICLE II

Abstract: *The text is a continuation of the article published in the previous issue of the journal. In the first part, the problem of abandoned and forgotten objects was posed, its individual facets were revealed (in particular, culturally conditioned features of the perception of abandonment and the psychomental foundations of the «experience» of this phenomenon), and groups of artifacts whose oblivion is most acute were identified. Objects of religious worship and human burials were examined through the prism of the problems of abandonment. This article provides an overview of such groups of artifacts as deserted manors; abandoned cities and individual urban locations and structures; monuments consigned to oblivion (including*

monumental works of art). Various theoretical aspects of the studied sphere are touched upon, which finds expression in many cultures and has great social significance: attention is paid to the relationship of a person with the «world of things»; the sacred and everyday levels of perception of the phenomenon of abandonment, as well as various parameters and markers of oblivion are considered; the deep connections of the phenomenon under consideration with the problems of historical and cultural memory are noted. It is indicated that culturology has a special heuristic significance in the study of the problem of abandonment of artifacts, the potential of which allows us to reach a high level of generalization of the topic under study.

Keywords: *artifact, oblivion, abandonment, «place of memory», historical-cultural heritage, abandoned urban spaces, abandoned villages, estates, monuments.*

References

1. Leonov I.V., Kirillov I.V. «Prizrachnye derevni» v kul'turnoj pamyati Rossii [«Ghost villages» in the cultural memory of Russia] // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie [Human. Culture. Education]. 2021. № 4 (42). P. 90–108.
2. Rasputin V.G. Proshchanie s Matyoroj [Farewell to Matyora] // Astaf'ev V.P., Belov V.I., Rasputin V.G., Shukshin V.M. Russkaya proza XX veka [Russian prose of the XX century]. Moskva: Astrel'; AST, 2003. S. 419–617.
3. Rasputin V.G. Vniz i vverh po techeniyu [Downstream and upstream] // Rasputin V.G. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 2 [Collected works: in 4 vols. Vol. 2]. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2007. P. 213–285.
4. Astaf'ev V.P. Lyudochka [Lyudochka] // Astaf'ev V.P. Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 9 [Collected works: in 15 vols. Vol. 9]. Krasnoyarsk: PIK «Ofset», 1997. P. 390–428.
5. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. CHislennost' naseleniya SSSR, RSFSR i ee territorial'nyh edinic po polu [All-Union Population Census of 1989. The population of the USSR, the RSFSR and its territorial units by gender] // Demoskop Weekly. Institut demografii imeni A.G. Vishnevskogo Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaya shkola ekonomiki» [Demoscope Weekly. Vishnevsky Institute of Demography of the National Research University «Higher School of Economics»]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (data obrashcheniya: 26.04.2023).
6. Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020 goda [All - Russian Population Census 2020] // Rosstat. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Rosstat. Federal State Statistics Service]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (data obrashcheniya: 26.04.2023).
7. Shyonle A. Arhitektura zabveniya: ruiny i istoricheskoe soznanie v Rossii novogo vremeni [Architecture of Oblivion: Ruins and Historical Consciousness in Modern Russia] / Per. A.D. Stepanova. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018.
8. Lyotin V.A., Lyotina N.N. Recepciya fenomena russkoj usad'by sovremennoj otechestvennoj massovoj kul'turoj [Reception of the phenomenon of the Russian

- estate by modern Russian mass culture] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2013. № 3. Т. I (Gumanitarnye nauki). P. 242–248.
9. Lyotin V.A. Usadebnoe prostranstvo v poreformennoj Rossii [Manor space in post-reform Russia] // Rodina. 2014. № 6. P. 123–127.
  10. Shchukin V.G. Mif dvoryanskogo gnezda: geokul'turologicheskoe issledovanie po klassicheskoj russkoj kul'ture [The Myth of the Noble Nest: a Geoculturological study of Classical Russian Culture]. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1997.
  11. Bunin I.A. Zhizn' Arsen'eva. Yunost' [Arsenyev's life. Youth] // Bunin I.A. Polnoe sobranie sochinenij v 13 t. Т. 5. Zhizn' Arsen'eva. Roman (1927–1929; 1933); Bozh'e drevo. Rasskazy (1927–1931) [The complete works in 13 vols. Vol. 5. The Life of Arsenyev. Novel (1927–1929; 1933); God's Tree. Stories (1927–1931)]. Moskva: Voskresen'e, 2006. P. 5–249.
  12. Mel'nikov P.I. Starye gody [Old years] // Mel'nikov P.I. Starye gody: Rasskazy i ocherki [Old years: Short stories and essays]. Moskva: Moskovskij rabochij, 1986.
  13. Samohina T.N. K istorii stroitel'stva usad'by Petrovskoe-Knyazishchevo [On the history of the construction of the Petrovskoye-Knyazhishevo estate] // Matvej Fyodorovich Kazakov i arhitektura klassicizma [Matvey Fedorovich Kazakov and the architecture of Classicism] / Ros. akad. arhitektury i stroit. nauk, NII teorii arhitektury i gradostroitel'stva; redkol.: N.F. Gulyanickij i dr. Moskva: NIITAG, 1996. P. 48–49.
  14. Annenskij I.F. Staraya usad'ba [Old manor] // Annenskij I.F. Stihotvoreniya i tragedii [Poems and tragedies] / Vstup. stat'ya, podgotovka teksta i primech. A.V. Fyodorova. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1959. P. 137.
  15. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo zaveta [The Bible. The Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments] / Yubilejnoe izdanie, posvyashchyonnoe tysyacheletiyu Kreshcheniya Rusi. Moskva: Izdanie Moskovskoj Patriarhii, 1988.
  16. Smirnova A.A., Leonov I.V., Kirillov I.V. Otsutstvie kak pamyatnik. Stat'ya 1 [Absence as a monument. Article 1] // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie [Human. Culture. Education]. 2023. № 1 (47). P. 65–82.
  17. Suvorov N.N. Pamyatnik kul'tury kak voobrazhaemaya real'nost' [Cultural monument as an imaginary reality] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture]. 2017. № 4 (33). S. 76–80.
  18. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. Т. 1 [The decline of the West. Essays on the morphology of world history. Vol. 1]. Moskva: Mysl', 1998.
  19. Toman I.B. Iz istorii kul'ta ruin v Evrope i Rossii [From the history of the cult of ruins in Europe and Russia] // Aktual'nye voprosy izucheniya duhovnoj kul'tury v kontekste dialoga civilizacij: Rossiya – Zapad – Vostok [Topical issues of the study of spiritual culture in the context of the dialogue of civilizations: Russia – West – East]. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Slavyanskaya

- kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie. XV Kirillo-Mefodievskie chteniya». 19 maya 2015 goda. Moskva-Yaroslavl': Redmer, 2015. P. 192–206.
20. Halitova N.R. Gorod v al'bomah svadebnyh foto [The city in wedding photo albums] // Magnitogorskij metall [Magnitogorsk Metal]. URL: <https://magmetall.ru/news/fotovzglyad/gorod-v-albomah-svadebnyh-foto/> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
  21. Bugrova E.D. Industrial'nye ruiny: estetika modern decay i turizm [Industrial Ruins: modern decay aesthetics and tourism] // Labyrinth: teorii i praktiki kul'tury [Labyrinth: theories and practices of culture]. 2022. № 3. P. 16–23.
  22. Tolkin Dzh.R.R. Hobbit, ili Tuda i Obratno [The Hobbit, or There and Back again] / Per. N. Rahmanovoj // Tolkin Dzh.R.R. Hobbit, ili Tuda i Obratno. Vlastelin Kolec [The Hobbit, or There and Back again. The Lord of the Rings] / Per. s angl. N.L. Rahmanovoj, N.V. Grigor'evoj, V.I. Grusheckogo. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2002. P. 5–186.
  23. Leonov I.V., Kirillov I.V. «Stradayushchij» artefakt: osnovnye formy voploshchenij i osobennosti vospriyatiya [The «suffering» artifact: the main forms of incarnations and features of perception] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2019. № 6 (111). P. 176–183.
  24. Podoroga V.A. Vopros o veshchi. Opyty po analiticheskoj antropologii [A question about a thing. Experiments in analytical anthropology]. Moskva: Gryundrisse, 2016.
  25. Voznyak E.R. Problema zabroshennyh stroenij i ob'ektov [The problem of abandoned buildings and objects] // Sovremennye problemy istorii i teorii arhitektury [Modern problems of the history and theory of architecture]. Materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Otv. red. M.V. Zolotaryova. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gos. arhitekturno-stroitel. un-t, 2018. P. 40–45.

Smirnova Alla Aleksandrovna – doctor of Historical Sciences, professor, vice-rector for educational and educative work, head of the Department of Theory and History of Culture of the St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg.

E-mail: allasmir@mail.ru

Leonov Ivan Vladimirovich – doctor of Culturology, docent, professor of the Department of theory and history of culture of St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg.

E-mail: ivaleon@mail.ru

Kirillov Igor Viktorovich – master's student of the Department of theory and history of culture of St. Petersburg State Institute of Culture (direction «cultural studies»), St. Petersburg.

E-mail: os84@yandex.ru

УДК 7.011

DOI: 10.37279/2413-1695-2024-10-1-74-83

ЭСТЕТИКА ЖЕНСКОГО ДЕЛОВОГО КОСТЮМА В МОДЕ XX – НАЧАЛА XXI вв.

Музалевская Ю. Е.

Аннотация: Статья посвящена одному из аспектов моды – концепции власти, нашедшей яркое выражение в женском деловом костюме 1980-х годов. Все большая востребованность женщин в деловой сфере, их стремление достичь в ней успеха, равного мужскому, привела к созданию в 1970-х годах так называемого костюма для успеха (*dress for success*), а с появлением модели женщины-руководителя к рождению стиля, создающего имидж авторитарной личности. В философской среде этих десятилетий вызревает концепция символической власти как системы отношений (М. Фуко, Ж. Лакан, П. Бурдьё), сменившая модель дисциплинарного доминирования. Посредством ее может исследоваться мода как построенная на установлении символических ценностей. Достигая квинтэссенции стиля деловой женщины, костюм для успеха получает в начале 1980-х годов название *power-dressing* – властная манера одежды. Условно, с этого времени развивается направление так называемой моды «властного стиля», подобно дисциплинарной власти формирующей поведенческие навыки, подчиняющей себе тело. Так, женщины стараются не демонстрировать свою женственность, по их справедливому убеждению ассоциирующуюся в обществе с отсутствием у них деловых качеств; они вынуждены исключать из состава делового костюма брюки, и снова облачиться в юбки. Костюм, несмотря на входящую в его состав юбку, не должен был демонстрировать женственность своей обладательницы. То есть наблюдается продолжение действия власти патриархата, прибегающего к иным формам подчинения. Женщины-политики высокого ранга пытались найти выход между феминной и маскулинной манерами одеваться. Вдохновляющим образцом костюма деловой женщины являлся костюм премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер, выдержанный в эстетических канонах классики и национальных традиций. К началу XXI века отпала необходимость утверждения себя посредством знаков и символов маскулинности в женском деловом костюме, это позволило деловому костюму стать мягче, свободнее, удобнее, эстетически разнообразнее. Но, изменявая во всех отношениях, мода лишь в одном остается неизменной – всегда функционирует как элемент властного регламента, определяя стиль поведения, меняя одни элементы диктата на другие.

Ключевые слова: деловой костюм, мода, концепция, женственность, символическая, успех.

«Мода, постепенно становясь тираном, определяла “тональность” восприятия человеком окружающего мира, а вместе с этим и стиль поведения, таким образом отношение человека к его социальной сфере» [1, с. 144]. И стиль поведения, и отношение к социальной действительности наглядно демонстрирует костюм деловой женщины, в один из периодов XX века преобразовавшийся в костюм «властного» стиля. Мода как идентификатор общественных процессов, отразила действие еще одного принципа – механизма функционирования власти. Цель данного исследования – проанализировать эстетические изменения женского делового костюма внутри моды «властного стиля» на протяжении второй половины XX – начала XXI веков.

К теме власти в период 1960-1970-х годах были обращены интересы исследовательской среды, приведшие к фундаментальным изменениям представлений о ее природе. Теория власти получила развитие в работах Мишеля Фуко, в модели ризомы Жюльена Делеза и Феликса Гваттари, в системе социального поля Пьера Бурдьё. В ее основе – концепция символической власти, формулирующая представление о власти как системе отношений, сменившей прежнюю модель дисциплинарного доминирования. Жак Лакан определял «символическое как главный маркер различия» [2], то есть символическое является системой связей, в которой «различия позиционируются, воспринимаются и осознаются через символы» [3, с. 170]. Мода может исследоваться посредством концепции символической власти на том основании, что она построена на установлении символических ценностей.

Наиболее показателен в отношении костюм деловой женщины. Формировавшийся в начале XX века как функциональный и практичный, взявший за основу мужской костюм, он еще долгое время не использовался в комплекте брюками, символизирующими мужественность. Развиваясь в различных вариациях, к 1960-м годам он останавливается на стиле модельера Габриэль Шанель, сочетающем женственность и деловитость. Далее его развитие идет другим путем.

Массовое вовлечение женщин Европы и Северной Америки в 1970-е года в профессиональную деятельность обусловило потребность в ином костюме, не столь чопорном и строгом, как в момент первых попыток его создания. Происходит активное формирование классического костюма как необходимого атрибута деловой женщины, своеобразной рабочей униформы. Кроме функциональной необходимости, костюм становится для женщин одним из факторов карьерного роста. И здесь наблюдается проявление одного из главных положений теории Мишеля Фуко [4] – то, как «дисциплинарная власть подчиняет себе тело, направляя его движения и формируя поведенческие навыки» [5, с. 216], «концепция власти – социализированная и телесно воплощенная» в повседневности [5, с. 218]. Например, к этому времени брюки прочно заняли место в женском гардеробе. «Но, как только они (женщины. – Ю.М.) проникали на верхние уровни социальной иерархии, от них требовали соблюдать в одежде строгие правила. Если они хотели играть в мужской лиге, то должны были снять брюки и снова облачиться в юбки. Женщина, добившаяся успеха в жизни, носила костюм с юбкой, шелковую блузу с бантом вместо рубашки, чулки телесного цвета, обувь на низком каблуке и не-

броские золотые украшения» [6, с. 416]. Выбор в пользу юбки, а не брюк, обусловлен предпочтением, которое отдавалось мужчине на вершине профессиональной карьеры. В связи с этим обстоятельством женский брючный костюм в деловой сфере представлял собой вызов обществу, по-прежнему разделяющему стереотипный взгляд на место женщины. Известный теоретик моды Элизабет Уилсон, поддерживающая мнения о том, что «самопрезентация имеет отношение к потенциалу власти», замечает, что «женская мода часто создается по образу и подобию мужского прототипа именно вследствие этого» [7, с. 170]. Предприимчивые молодые женщины, стремившиеся сделать карьеру в деловом мире, обращались к костюму, символизирующему успешность карьеры. Справедливо полагая, что женственность ассоциируется с отсутствием у них деловых качеств, свойственных мужчинам, они стараются не выглядеть слишком женственными на рабочем месте.

Деловой костюм как костюм для успеха (*dress for success*) появляется с середины 1970-х годов, времени очередного экономического кризиса, свое название он получил как ассоциирующийся с предприимчивостью, стремлением к карьерному росту, чертами, ранее не свойственными женщинам. Прежде деловой костюм для женщин не имел иерархических градаций, но с рождением образа женщины-руководителя – *executive women*, необходимым для нее становится особенный стиль, создающий впечатление авторитарной личности. Таким требованиям отвечал костюм эстетически традиционный: строгий, классический, стилистически приближенный к мужскому по коннотации власти. Условно, с этого времени получает распространение направление так называемой моды «властного стиля». С одной стороны, женщины, добившиеся равноправия, вольны проявлять свою индивидуальность, но, являясь частью социума, они становятся субъектами определенного типа, внешний облик которых регламентируется. Здесь дело не в определенном дресс-коде, принятом в деловых кругах, а в продолжении действия власти патриархата, прибегающего к иным формам подчинения. Парадоксальность костюма состоит в том, что он не должен демонстрировать женственность своей обладательницы, несмотря на входящую в его состав юбку. Костюм не имеет альтернативы для женщин, занимающих посты в государственных учреждениях, работающих в экономической и других важных сферах. «Вершиной завоевания для женщины общечеловеческой позиции становятся не валькирии «прав женщин» <...>, а женщины, вытесняющие мужчин в политике и государственной деятельности (леди Тэтчер в политике)» [8, с. 98]. Маргарет Тэтчер – лидер консервативной партии и первая женщина премьер-министр европейской страны, возглавила правительство Великобритании в 1979 году. Эстетическое оформление внешности премьер-министра как важной части имиджа было тщательно продумано, весь облик отвечал сложившемуся у британцев мнению о лице, представляющем власть: традиционная для англичанки прическа, строгий английский костюм синего или голубого цвета, обязательная броская деталь в виде броши, бус или изящно повязанного шейного платка. Заметный аксессуар предусматривался имиджмейкерами как средство привлечения взгляда публики, но казался украшением совершенно аутентичным для его обладательницы, говорящем о ее безупречном вкусе. М. Тэтчер ввела

принципиально новые правила создания образа женщины-политика международного уровня. Достаточно вспомнить ее сдержанные темные костюмы с белым воротничком или с контрастной окантовкой по краю лацкана в качестве отделки, скромно дополненные небольшой брошью, больше похожей на орден (рис.1).

«Одежда для успеха – это волшебные слова Нэнси Рейган и Маргарет Тэтчер вдохновляют своим примером» [6, с. 488]. Некоторые женщины политики не столь высокого ранга в 1970-е годы позволяли себе носить на работу брюки. Все они сталкивались с требованиями заменить брюки на юбку.

*Рисунок 1. Образец английского делового стиля.
Премьер-министр М. Тетчер (1979-1990)*

Сложность положения женщин-политиков того времени состояла в их стремлении найти выход между феминной и маскулинной манерами одеваться. В общественном мнении политическая деятельность представлялась занятием исключительно мужским, требующим серьезного образа, «говорящего» о принадлежности к властным структурам. Такой предмет костюма как юбка, отсылает к феминности, поэтому ее отвергали обладательницы высоких политических постов: им легче интегрироваться в мужскую среду, облачаясь в традиционный, более приемлемый для этого костюм. Вынужденная вестиментарная маскулинизация костюма давала возможность утвердиться в ранее не доступных для них властных структурах.

Сегодня речь идет не о выборе: женщины-политики вольны носить и то и другое. Примером служит первая женщина канцлер Германии Ангела Меркель, которая неизменно избирала брючный костюм для своей профессиональной деятельности, оставляя женские наряды для вечерних мероприятий. Тип телосложения Ангелы Меркель лучше всего сочетается именно с брючными костюмами, в них она смотрится выигрышно, а женственность подчеркивается в ее образах светлыми цветами жакетов и небольшими украшениями (рис.2).

К 1980-м годам женский деловой костюм окончательно формируется как необходимое условие самопрезентации. Это происходит в связи с тем, что моду десятилетия определяло молодое поколение предприимчивых людей, крайне озабоченных достиже-

нием высокого материального состояния. Отход от романтизма прошлых десятилетий, смену ценностей демонстрирует поколение молодых профессионалов, так называемых яппи (слово происходит от англ. «Young Urban Professional – молодой городской профессионал») [6, с. 488]. Основные направления вестиментарной моды 1980-х годов сформировала именно эта часть молодых людей, демонстрирующих свой финансовый успех своеобразными «бизнес-костюмами» престижных марок Армани, «Ральф Лорен», «Хьюго Босс» и т.п. Стилистически такой костюм максимально приближается к мужскому стандарту одежды, утрированно широкие плечи придавали ему мужественность агрессивного характера, символизирующую успешность, в то время, когда дизайнеры стремились к смягчению образа, обращаясь к мягким, струящимся тканям, цветной обuvi, узким кожаным галстукам.

Рисунок 2. Первая женщина канцлер Германии Ангела Меркель

Женщина-яппи – столь же распространенный в западном обществе типаж, как и среди представителей сильного пола. Заявляя о своем состоявшемся равноправии, они носили «костюм для успеха», выражающий уверенность в продвижении по карьерной лестнице. Костюм, демонстрирующий агрессивность бизнесвумен, сближался с мужским, расширенным, увеличенным в области плечевого пояса жакетом. Однако юбка – узкая и короткая, так называемая юбка-карандаш, сексуального характера, и приталенный жакет не умаляли присутствия женственности (рис. 3, а). Под жакетом – дорогая шелковая блузка, как вариант – функциональное боди. Расширенная линия плеч требовала равновесия, достигаемого пышной прической, той же цели служили массивные клипсы или серьги. Обилие драгоценностей или дешевой пластиковой бижутерии, как и крупные пуговицы, разнообразные декоративные детали яркого цвета, свидетельствовали о торжестве китчевого вкуса. Десятилетие 1980-х годов позднее войдет в историю моды как время процветания дурного вкуса.

Став квинтэссенцией стиля деловой женщины, он получил в начале 1980-х годов название «*power-dressing* [властная манера одежды]» [9, с. 45]. Таким термином или же его вариативной формой «властный костюм» оперируют западные исследователи, обозначая содержащуюся в нем коннотацию власти. «Человек любит знаки и любит,

чтобы они были ясными» [10, с. 390] Изменчивая во всех отношениях, мода лишь в одном остается неизменной: «всегда функционирует как элемент властного регламента. Близкая феномену нормы, она, тем не менее, устанавливает не только и не столько систему стандартов, сколько властный феномен» [10, с. 193]. Проявление власти моды обнаруживается в любых случаях ее функционирования: утверждении нового стиля, эстетических норм, идеологического влияния и т.д. Рассматривая костюм в эстетико-семиотическом аспекте, важно отметить, что «одновременно референтом Символического (и это принципиально важно для моды, которая также рассматривается как часть символической системы) является властная форма. Власть – не столько референт, сколько цель символического, ориентир, ради достижения которого создается и формируется символ» [11, с. 6].

Растущая экономическая независимость женщин, ставших равноправными партнерами мужчин в бизнесе, позволила им отстаивать свое право находиться в политической элите, что к середине 1990-х годов создало условия для изменения и женского делового костюма. Отныне он существует в нескольких вариациях, отвечающих запросам разных деловых кругов: в стиле «минимализм», унисекс, в стиле «леди-денди» [12, с. 39]. Брюки в таком костюме становятся одной из главных его составляющих. Для женщин, придерживающихся изысканности в одежде, выработан стиль «леди-денди» или «леди Лайк», отличающийся идеальным кроем; не обойден вниманием и унисекс. Среди российских женщин, занимающихся политикой в десятилетие 1990-х, можно отметить интересные строгие образы Ирины Хакамады, умеющей выразить индивидуальность несмотря на строгость костюма (рис.3, б). Ее брючные костюмы с жакетами, напоминающими мужские пиджаки по своему крою, очки в строгой оправе, помогли создавать индивидуальный, отличительный стиль.

а

б

Рисунок 3. Женский деловой костюм в 1980-90-х годах:
а) модель женского делового костюма (Франция, 1980-е годы),
б) Ирина Хакамада, российский политик 1990-х годов

В XX веке вследствие эмансипации, изменения взглядов на традиционные социальные и В

XX веке вследствие эмансипации, изменения взглядов на традиционные социальные и гендерные каноны, образ женщины эволюционирует, утрачивая стереотипные черты феминности, основанные на принципах классической эстетики. Новейший этап экономического и общественного положения женщины сформировал и иной способ конструирования феминной идентичности. Новая историческая модель женской индивидуальности, ее самоопределения, продолжающая развиваться в настоящее время, справедливо обозначена Жилем Липовецким как «третья женщина» [13, с. 512]. Изменяющаяся и постоянно возобновляющаяся, она является квинтэссенцией всех культурных явлений постмодернизма. Эволюция образа феминности, начавшаяся с первых женских попыток заявления о себе как равноправной участнице общественных процессов в условиях организации государства и общества преимущественно мужчинами, до интеграции во все виды социально-экономических отношений, реализации в профессиональной деятельности, – свидетельствует о становлении совершенно неизвестной ранее модели деловой женщины.

К началу XXI века знаки и символы маскулинности в женском деловом костюме становятся не столь актуальными; женщинами уже освоена большая часть мужского гардероба. Сегодня предметы одежды, ранее считавшимися исключительно мужскими, перестали ассоциироваться только с сильным полом. Женщине, наконец, позволено быть самой собой, использовать любые средства для создания своего образа. Сложившийся деловой костюм, тяготеющий к маскулинности, уступает место элегантному, безупречному, отвечающему высоким эстетическим требованиям. В этой связи можно отметить образ председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Валентины Ивановны Матвиенко, которая всегда подчеркивает свою женственность, не стремясь затмить коллег мужчин демонстрацией мужских черт в своем образе (рис. 4).

Рисунок 4. Председатель Совета Федерации Федерального собрания РФ В. И. Матвиенко

В результате анализа развития эстетики женского делового костюма второй половины XX – начала XXI веков можно сделать вывод о том, что этот предмет гардероба прошел длинный эволюционный путь. Начав со стремления повторить мужской идеал, он достиг нового эстетического прочтения, включив черты женственности в свой арсенал. Возможно, демонстрация маскулинности была необходима в конце XX века,

когда женщины начинали завоевывать позиции в мире политики. Сегодня, напротив, женственность вновь актуальна. Светлые пастельные цвета и даже яркие оттенки, милые детали в виде аккуратных контрастных воротничков, шарфиков, платочков и симпатичных брошей приветствуются в деловой сфере, что дает возможность проявлять фантазию их дизайнерам и хозяйкам. И это стало в своем роде политическим достижением, поскольку женщина уже не должна быть внешне похожей на мужчину для того, чтобы добиваться высот в деловой сфере. Она получила право на демонстрацию своей индивидуальности. Это еще раз доказывает то, что в третье тысячелетие женщина вступает как равноправный член общества. Необходимость утверждения себя в мужском социуме имитацией типично мужского стиля одежды отпала, что позволило эстетике делового костюма, предназначенного для деятельности на самых высоких постах, стать мягче, свободнее, удобнее, эстетически разнообразнее.

Список литературы

1. Кузнецова Т.В. Эстетика универсального и эстетика своеобразия: монография. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017.
2. Мазин В. Введение в Лакана. М: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2004.
3. Васильева Е. Теория моды: Миф, потребление и система ценностей. Изд. 2-е, испр. М.; СПб.: «Издательские технологии», «Пальмира», 2023.
4. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ад Маргенем, 2015.
5. Осмысление моды. Обзор ключевых теорий. Под ред. А. Рокаморы и А. Смелик; пер. с англ. Е. Демидовой. М.: НЛЮ, 2023.
6. Зелинг Ш. Мода Век модельеров 1900-1999. KOÓNEMANN, 2000.
7. Стил В. Фетиш: мода, секс и власть. Пер. с англ. Е. Демидовой. М.: НЛЮ, 2014.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура взрыва. 2-е изд. СПб: Искусство, 2010.
9. Граната Ф. Экспериментальная мода. Искусство перформанса, карнавал и гротескное тело. Пер. с англ. Е. Демидовой. М.: НЛЮ, 2021.
10. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд. Сабашниковых, 2003.
11. Зенкин С. Жан Бодрийяр: время симулякров. Вст. ст. Жан Бодрийяр. Символический обмен и смерть. 3-е изд. М.: Добросвет «Изд.-во КДУ», 2009.
12. Найденская Н., Трубецкова И. Библия стиля. Гардероб успешной женщины. М.: Эксмо, 2010.
13. Липовецкий Ж. Третья женщина: Незыблемость и потрясение основ женственности. СПб: Алетейя, 2003.

Сведения об авторе

Музалевская Юлия Евгеньевна – кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры технологии и художественного проектирования трикотажа, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна.

E-mail: muz-yuliya@yandex.ru

Muzalevskaya Yu. E.

AESTHETICS OF WOMEN'S BUSINESS SUITS IN THE FASHION OF THE XX – EARLY XXI CENTURIES

Abstract: *The article is devoted to one of the aspects of fashion – the concept of power, which found vivid expression in the women's business suit of the 1980s. The increasing demand for women in the business sphere, their desire to achieve success in it equal to men's, led to the creation in the 1970s of the so-called dress for success, and with the advent of a female executive model, to the birth of a style that creates the image of an authoritarian personality. In the philosophical environment of these decades, the concept of symbolic power as a system of relations is maturing (M. Foucault, J. Lacan, P. Bourdieu), who replaced the model of disciplinary dominance. Through it, fashion can be studied as built on the establishment of symbolic values. Achieving the quintessence of a business woman's style, a suit for success received in the early 1980s the name power-dressing – an imperious manner of clothing. Conditionally, from this time on, the direction of the so-called «domineering style» fashion develops, similar to the disciplinary power that forms behavioral skills, subordinating the body to itself. So, women try not to demonstrate their femininity, which they rightly believe is associated in society with their lack of business qualities; they are forced to exclude trousers from the composition of a business suit, and again put on skirts. The costume, despite the skirt included in it, was not supposed to demonstrate the femininity of its owner. That is, there is a continuation of the power of the patriarchy, resorting to other forms of subordination. High-ranking female politicians tried to find a way out between feminine and masculine ways of dressing. An inspiring example of a business woman's costume was the costume of British Prime Minister Margaret Thatcher, designed in the aesthetic canons of classics and national traditions. By the beginning of the XXI century, there was no need to assert oneself through signs and symbols of masculinity in a women's business suit, this allowed the business suit to become softer, freer, more comfortable, aesthetically diverse. But changeable in all respects, fashion remains unchanged in only one way – it always functions as an element of the power regulations, determining the style of behavior, changing some elements of the dictate to others.*

Keywords: *business suit, fashion, concept, femininity, symbolism, success.*

References

1. Kuznetsova T.V. Estetica universalnogo I estetica svoeobraziya: monografiya [Aesthetics of the Universal and Aesthetics of Originality]. Moscow.: IPO "U Nikitskih vorot", 2017.
2. Mazin V. Vvedenie v Lakana. [Introduction to Lacan]. Moscow.:Fond nauchnih issledovaniy "Pragmatica culture", 2004.
3. Vasileva E. A. Teoriya modi: Mif, potreblenie I Sistema tsennostey. [Fashion Theory: Myth, Consumption and Value System.] Izd.2 -e ispr. Moscow, Sant-Petersburg, T8, Izdatelskie tehnologii, Palmira, 2023
4. Fuco M. Nadzirat I nakazivat. [Supervise and punish]. Per s fr. V. Naumova, red. I.Borisovoiy. Moscow.:Ad Marginem, 2015.
5. Osmislenie mody. Obzor kucevih teorii. [Understanding Fashion. Overview of Key Theories].red. Anes Rokamori i AnntkeSmelic, per s eng. E.Demidovoy. Moscow: NLO, 2003,
6. Zelling Sh. Moda. Vek modelerov 1900-1999. [Fashion. Is the Age of Fashion Designers]. KOÓNEMANN, 2000.
7. Stil V. Fetish: moda, seks i vlast. [Fetish: Fashion, Sex and Power]. Per s engl. E.Demidovoy. Moscow.: NLO,2014.
8. Lotman Yu. M. Semiosfera. Cultura vzriva. [The Semiosphere. Explosion Culture]. 2 izd. Sant-Petersburg: Iscusstvo, 2010.
9. Granata F. Ecsperimentalnaya moda. Iscusstvo performansa, karnavala i grotesknoye telo. [Experimental Fashion. Performance Art, Carnival and the Grotesque Body]. Per s engl. E. Demidovoy. Moscow.: NLO, 2021.
10. Bart R. Sistema Mody. Stati po semiotike kultury. Dendizm I moda. [System of Fashion. Articles on the Semiotics of Culture. Dandyism and Fashion] Moscow, izd. im. Sabashnikovih, 2003.
11. Zenkin S. Gan Bodriyar: vremya simulyakrov. Vst. St. Gan Bodriyar. Simvolicheskiy obmen I smert. [Jean Baudrillard: the Time of Simulacra. Vst. art. Jean Baudrillard. Symbolic Exchange and Death].3 izd. Moscow.:Dobrosvet "Izd. KDU", 2009.
12. Naydenovskaya N., Trubetskaya I. Bibliya stilya. Garderob uspehnoy genchini. [The Bible of Style. Wardrobe of a Successful Woman]. Moscow.: Eksmo, 2010.
13. Lipovetskiy G. Tretya genchina: Neziblemost I potryasenie osnov genstvennosti. [The Third Woman: The Inviolability and Shock of the Foundations of Femininity]. Sant-Petersburg.: Aleteya, 2003.

Muzalevskaya Yulia Evgenievna – candidate of Art History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Technology and Artistic Design of Knitwear, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

E-mail: muz-yuliya@yandex.ru

УДК 908

DOI: 10.37279/2413-1695-2024-10-1-84-99

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОСТРОВА ЗЕЛЕНЬ В ТЕКСТАХ ИНТЕРНЕТЛОРА

Сенченко А. Г.

Аннотация: В статье исследуется одно из проявлений мифологемы острова в современной русской культуре. Автор рассматривает репрезентацию острова Зеленый, который расположен на реке Дон в черте города Ростова-на-Дону. Материалом для исследования служат сформировавшиеся вокруг образа острова тексты интернетлора, которые можно встретить на различных веб-ресурсах (интернет-СМИ, тематические сайты, форумы, блоги, сообщества в соцсетях и т.д.). В большинстве случаев остров Зеленый представлен в интернетлоре в качестве «аномальной зоны». В статье выделяются и подвергаются анализу основные образы и мотивы, с помощью которых происходит репрезентация острова Зеленого как «аномальной зоны», обнаруживается их связь с образами и мотивами из мифологических представлений и фольклора русского народа. На примере острова Зеленый сравнивается репрезентация острова в современной русской культуре (тексты интернетлора) с традиционной русской культурой (мифологические представления и фольклор). В ходе исследования также рассматривается то, как формируемый в медиасреде образ острова Зеленый влияет на мифологизацию пространства города.

Ключевые слова: остров, Зеленый, образ, мифологизация, фольклор.

В этой статье мы рассмотрим один из случаев проявления мифологемы острова в современной русской культуре. Наше внимание будет направлено на образ острова Зеленый. Это реально существующий остров, который расположен на реке Дон в черте города Ростова-на-Дону. На разных веб-ресурсах остров Зеленый представлен как «аномальная зона» с помощью схожих между собой текстов. Сами же тексты имеют ряд характерных особенностей, благодаря которым их можно отнести к интернетлору.

В этой работе мы хотим рассмотреть репрезентацию образа острова Зеленый в текстах интернетлора. Выделить и проанализировать основные мотивы, сюжеты и образы, которые используются для репрезентации этого образа в рассматриваемых текстах, выделить их связь с традиционной русской культурой (мифологическими представлениями и фольклором). Сравнить репрезентацию образа острова Зеленый в интернетлоре с репрезентацией острова в мифологических представлениях и фольклоре. Затронуть вопрос мифологизации городского пространства с помощью интернетлора про остров Зеленый.

Остров – один из главных образов в мифологических представлениях и фольклоре русского народа, поэтому он постоянно привлекает внимание ученых. А.Н. Афанасьев

был одним из первых, кто в своих исследованиях обратил внимание на этот образ в традиционной русской культуре. В дальнейшем разные ученые периодически обращались к фольклорным и мифологическим островам в своих трудах, среди них Н.А. Криничная, Л.И. Горницкая, И.М. Денисова, Е.В. Михайлова, Е.Н. Дмитриева.

Смысл и символика острова также изучались на примере русской литературы. Мы считаем, что одна из наиболее важных работ в этой области — монография «Место, которого нет... Острова в русской литературе», написанная Л.И. Горницкой и М.Ч. Ларионовой [1]. В этой работе они систематизируют данные множества исследований, связанных с образом острова в культуре, исследуют его происхождение в русском фольклоре и подробно изучают этот образ в русской литературе как продолжении фольклорной традиции. В исследовании определяется поэтическая и смысловая нагрузка этого образа и его значение для русской культуры.

Монография Л.И. Горницкой и М.Ч. Ларионовой частично послужила теоретической базой и для нашей работы. Используя результаты исследований острова в фольклоре и литературе, мы хотим изучить современную репрезентацию этого образа в русской культуре. Поэтому остров мы рассмотрим сквозь призму его репрезентации в текстах интернетлора, который, как и литература, является продолжением фольклора, вбирает в себя ряд мифологических особенностей и пока что не был затронут в работах других исследователей, посвященных островам в русской культуре.

В частности, наше внимание будет сконцентрировано на репрезентации острова Зеленый, который расположен на реке Дон в пределах города Ростова-на-Дону. Из всех реально существующих на территории России островов Зеленый активнее остальных представлен как «аномальная зона» на веб-ресурсах (интернет-СМИ, интернет-порталы, блог-платформы, форумы, тематические сайты, социальные сети). «Аномальность» острова демонстрируется с помощью текстов, которые часто анонимны и нередко копируют друг друга либо полностью, либо частично. Они не научны, а их основная задача скорее развлекательная. В ряде случаев в таких текстах представлены рассказы очевидцев разных фантастических событий, которые схожи с такими фольклорными произведениями как былички и бывальщины — рассказы о якобы реально произошедших фантастических событиях, часто связанных со встречей с inferнальными существами (демонами, ведьмами, духами и т.д.) [2].

Но подобные тексты уже нельзя отнести к фольклору в его традиционном понимании. Они скорее представляют собой постфольклор, а именно одну из его разновидностей — интернетлор. То есть тексты, распространяемые через веб-ресурсы, «обладающие многими фольклорными качествами: воспроизведение в изменяемых копиях, использование определенного набора клише, во многих случаях анонимность» [3, с. 9].

Но прежде чем мы перейдем к рассмотрению образа острова Зеленый в интернетлоре, стоит уделить внимание тому, что из себя в целом представляет образ острова в русской культуре.

Рассматривая остров в качестве образа или символа, в рамках нашего исследования уместнее всего будет назвать его мифологемой. А.Н. Круталевич пишет, что термин

«мифологема» является «конкретной интерпретацией универсальной модели коллективного бессознательного (архетипа) в любой форме человеческой деятельности с широким набором функций. Для этой интерпретации характерны отсутствие фабульности, ретроспективность и региональные особенности» [4, с. 17].

Т.В. Цивьян описывает остров как отличное от окружающего мира обособленное место и выделяет следующие характеристики этой мифологемы:

- метафоричность, неотделимую от значения места;
- «странность» острова как особой зоны;
- одновременную изолированность и открытость [5].

В русской культуре «характерно функционирование мифологемы острова в рамках ментальной сюжетной парадигмы, сформировавшейся в устных фольклорных текстах» [6, с. 151].

В русском фольклоре это один из наиболее важных образов, заключающих в себе представления об «ином», «чужом» мире [7, с. 30]. В современной русской культуре образ острова перенимает эту фольклорную особенность и также символизирует «иной» мир.

Л.И. Горницкая, исследуя мифологему острова в русской культуре, заключает, что «остров в русской культуре – это метафизический хронотоп, имеющий условные географические дефиниции, с которым неразрывно связана инфернальная и сакральная семантика, обладающий не противоречащими друг другу в рамках единого семантического поля характеристиками ада (загробного мира) и рая» [6, с. 151]. Также остров является местом инициации, которое существует вне времени. «С островом связан сюжет смерти-воскрешения, в котором физическую гибель может замещать измененное состояние сознания — сон, транс, обморок» [6, с. 151].

Теперь, когда мы разобрались с тем, как мы понимаем остров в рамках нашего исследования, можно перейти непосредственно к острову Зеленый. На веб-ресурсах можно встретить несколько вариантов репрезентации образа острова Зеленый. С одной стороны, остров рассматривается исключительно с историко-географической позиции как часть города Ростова-на-Дону и его истории. С другой стороны, он известен как «аномальная зона».

Кратко рассмотрим первый вариант репрезентации. В ряде источников Зеленый описан как небольшой и обильно покрытый растительностью остров, расположенный в черте города Ростова-на-Дону посреди реки Дон. С городом остров соединяют два моста: понтонный и железнодорожный, но на зиму понтонный мост убирается. Некогда на острове был небольшой поселок, но сейчас постоянное население отсутствует. Долгое время остров пытались благоустроить, чтобы организовать там место отдыха. Еще в СССР на острове строились базы отдыха, совершались попытки организовать там несколько пионерских лагерей. Но эти попытки не увенчались успехом. На данный момент остров Зеленый частично благоустроен, но большая его часть все ещё остается заброшенной.

Самые значимые события в истории острова произошли в годы Великой Отечественной войны, в период первой оккупации Ростова-на-Дону. В ноябре 1942 года на

острове проходили ожесточенные бои. Остров оборонялся силами 230-го полка войск НКВД, являясь важным стратегическим объектом для сил противника. В наше время в память об этих событиях на территории острова установлен памятный знак [8].

Таков образ острова Зеленый, если опираться на объективную реальность. Но, исходя из информации с веб-ресурсов, остров в большей степени известен как «аномальная зона». Здесь мы сталкиваемся с процессом мифологизации городского пространства.

Мифологизация города – это процесс, при котором для конструирования образа города используются приемы мифологического мышления. Особенность такого мышления заключается в ценностно-смысловом формировании действительности, ассоциативности, поляризованности (восприятие мира как пространства взаимодействия полярных начал), инцендентном типе объяснения, когда фрагменты существующего порядка вещей формируются из локальных событий, случившихся в прошлом [9, с. 216].

Исследователи считают, что «в сознании представителей городской общности существует некое общее знание, общий набор стереотипов сознания, мифологем, которые актуализируются и воспроизводятся в различного рода коммуникациях» [10, с. 45].

В случае с Зеленым островом мы имеем дело с мифологемой знакового городского места, сформированной на основе городских мифов о «нехорошем месте», которая опирается на более глобальную мифологему острова.

Остров Зеленый, находясь в черте города, представляет собой изолированное место без постоянного населения. Наличие частично заброшенных баз отдыха и полуразрушенных архитектурных объектов, местами заболоченная и покрытая густой растительностью местность, общая атмосфера «неухоженности» и заброшенности долгое время создавали из острова хороший объект для формирования различного рода баек и городских легенд.

Эти мифы об острове транслируются и в дальнейшем трансформируются благодаря веб-ресурсам.

Чаще всего на веб-ресурсах остров Зеленый в качестве «аномальной зоны» представлен через текст статьи «Остров Зеленый и чуточку Бермудский» и различные его вариации. В некоторых случаях есть ссылка на эту статью, из которой можно понять, что она была напечатана в 1991 году в уже несуществующей ростовской газете «Совершенно несекретно» и в дальнейшем попала на просторы интернета, став основой интернет-лора про Зеленый остров. По нашему мнению, текст этой статьи послужил отправной точкой для активной мифологизации пространства острова и сформировал основные байки про это место. Статью либо отдельные ее фрагменты можно встретить на самых разных веб-ресурсах либо в оригинальном, либо в измененном виде. Впоследствии начали появляться тексты, которые по-новому раскрывали «аномальность» острова, но при этом в них постоянно прослеживаются определенные клише, указывающие на связь с «оригинальной» статьей.

В этих текстах остров наделяется всеми возможными признаками «аномального» пространства, остров одновременно является местом обитания различных inferнальных существ, местом крушения НЛО, местом проведения различных ритуалов, у острова об-

наруживается древняя история, связанная с массовыми жертвоприношениями и т.д.

Так, мы можем отметить реализацию в интернетлоре про остров Зеленый, одной из важных черт мифологемы острова, а именно – «странность острова как особой зоны». В дальнейшем эта черта еще не раз проявит себя в ходе исследования.

Информацию в текстах интернетлора о Зеленом острове как о некой мистической территории можно условно разделить на три категории: домыслы и предположения авторов и «экспертов», рассказы очевидцев и отдельно стоящая категория историй, объединяющая в себе две предыдущие и связывающая пространство острова с НЛЮ.

Начнем с первой категории. Она представлена в вышеупомянутой статье «Остров Зеленый и чуточку Бермудский». В самом начале статьи и далее по тексту мы видим описание Зеленого острова как места обитания различной «нечистой силы», существ inferнальных по своей природе: привидений, утопленников, живых мертвецов и т.д. В русском фольклоре острова также часто населяются различными inferнальными обитателями: ведьмами, колдунами, чертями и т.д. [11, с. 189].

В статье приводится информация о разных удивительных явлениях на острове, «от «ведьминых огоньков», бегущих по лесным прогалинам наподобие праздничных гирлянд, до светящихся полотнищ, шаров, человекоподобных силуэтов, бродящих между деревьями» [12]. Упоминание о блуждающих огнях встречается в мифологии и фольклоре восточных славян. В большинстве случаев такие огни отождествляют с душами умерших людей. Это могут быть как души праведников, так и души некрещеных младенцев, грешников, самоубийц. В некоторых случаях такие огни воспринимаются как души, охраняющие спрятанные клады [13, с. 181].

В той же статье есть ничем не подтвержденная информация о древней истории острова. В статье сообщается, что на острове располагалось языческое капище, на котором совершались человеческие жертвоприношения. А по другой версии, здесь произошло крупное сражение между степными народами [12].

В большинстве рассмотренных материалов информация приводится в форме рассказов якобы очевидцев странных событий. По своей структуре эти рассказы схожи с такими фольклорными произведениями как былички и бывальщины, но учитывая интернетлорный характер рассматриваемых текстов, отсутствует возможность уверенно заявлять, получены ли они от информантов. Эти истории во многом перекликаются, поэтому их можно разделить на несколько групп.

Первую группу историй объединяет мотив блуждания.

Первая история преподносится от лица рыбака, приплывшего на остров. «Очевидец» рассказывает, что попав на остров, он отправился в лес собирать дрова для костра и шел в сторону, противоположную от своей лодки. Но по итогу вышел к своей же лодке. И так несколько раз [12].

В фольклорных и мифологических представлениях восточных славян также часто встречается мотив блужданий героя.

Н.А. Криничная, исследуя севернорусские мифологические рассказы, рассматривает блуждание как перемещение в «иной» мир и дальнейшее нахождение в нем [14].

В фольклоре и мифологии восточных славян этот мотив часто связывается с проделками нечистой силы: лешего, черта, лесного или болотного человека, русалки, полуночницы, полудницы. Также могли заманить на бездорожье упомянутые ранее блуждающие огни, души умерших [15, с. 197]. Но в рассматриваемых нами рассказах нет четкого указания на связь блужданий героев с inferнальными существами.

В интернет-газете «Комсомольская правда» опубликована статья, в которой также рассказывается история рыбака, заблудившегося на острове. В этой истории мужчина постоянно выходил к одной и той же поляне. Отличие от предыдущей истории в том, что герой решает поспать на острове и его будит красивая девушка, дальше ситуация описана следующим образом: «...От нее исходила какая-то аура спокойствия, и я пошел с ней. Она улыбалась и молчала. Мне хотелось узнать, кто она такая и что здесь делает, но где-то внутри я понимал, что это не просто обычная девушка» [16]. Девушка привела его на поляну похожую на ту, где он потерялся, но «на этой росли цветы, очень много красивых цветов – никогда их не забуду. Невероятный запах наполнял мои легкие. Наверное, если рай существует, то там чувствуешь что-то подобное» [16].

Девушка предложила рыбаку остаться, но мужчина, осознавая нереальность происходящего, сказал, что должен вернуться к семье. После слов мужчины девушка ушла в лес, а рыбак попытался ее догнать, но происходящее оказалось сном, и он проснулся.

Когда мужчина проснулся, то смог выйти к машине. Позвонив родственникам, он узнал, что его не было несколько часов, хотя мужчине казалось, что он пробыл на острове чуть больше суток.

Здесь в репрезентации острова Зеленый, помимо упомянутого ранее мотива «блуждания» героя, обнаруживается еще одна черта, характерная для репрезентации мифологии острова в русской культуре, – остров показан как место, которое находится вне привычного нам хода времени.

В этой истории мы также видим дуальность репрезентации острова в русской культуре. Он представлен как inferнальное пространство через блуждания рыбака и как райское место через сон главного героя рассказа. В случае с образом острова в мировой культуре в целом и в русской культуре в частности такая дуальность – абсолютно нормальное явление.

В русском фольклоре сакральный образ острова также часто связан с образом девушки. Е.Н. Дмитриева, исследуя образ девушки в русских заговорах, утверждает, что он связан с древними языческими культами поклонения богиням-матерям: «Зорям, Макоши, рожаницам и пряхе-Судьбы, суть которых – воплощение рождающей силы природы» [17, с. 27].

Исходя из истории про рыбака, сложно понять, связан ли образ девушки с образом богини-матери. Можно только предположить, что описанные в этой истории цветы символизируют обновление природы, а, следовательно, и девушка может быть причастна к этому обновлению. Но это только предположение.

О чем можно говорить наверняка, так это о том, что девушка, описанная в истории про рыбака, представляет собой сакральный образ положительного существа из «ино-

го» мира. Это позволяет воспринимать остров как сакральное место.

Следующая группа историй объединена мотивом группы людей, прибывших отдохнуть на острове.

Начнем с истории из часто упоминаемой здесь статьи «Остров Зеленый и чуточку Бермудский» о компании молодых людей, которые, прибыв на остров, стали чувствовать странную «вибрацию» вследствие чего у них ухудшилось самочувствие. Их состояние улучшилось только когда компания перебралась на другое место [12].

В этой же статье обнаруживаем историю, которая повествует о семье, отдыхающей на острове. Мать, отец и шестилетняя дочь расположились на берегу острова и установили палатку. Пока родители занимались различными делами, девочка пропала. Поиски длились несколько часов, а потом девочку внезапно обнаружили спящей в палатке [12].

Примечательны в этой истории объяснения девочки, согласно которым «она убежала в лес, заигралась и вышла на какую-то поляну с черным камнем посередине, и тут ее так сильно стало клонить в сон, что она прислонилась к камню и заснула» [12].

На новостном портале «Дон 24» можно найти еще один вариант этой истории. В ней семья отдыхает на базе отдыха, а девочка ночью сбегает в лес, где и находит упоминаемый ранее «черный камень», рядом с которым также впадает в сон. В этой истории также указывается и то, что после описанного выше девочку «...кто-то куда-то нес. Говорят, этот камень уносит человека в иное измерение...» [18].

Следующая история, размещенная на сайте «Мистика в жизни», объединяет сюжеты двух предыдущих. Она снова повествует о компании молодых людей, которые, отдыхая на острове, отправились собирать дрова и увидели упомянутый ранее «черный камень», который парил в воздухе в нескольких сантиметрах от земли. Камень издавал неприятное жужжание, а земля рядом с ним вибрировала. Рядом с камнем у людей ухудшилось самочувствие, начались приступы паники и головная боль [19]. Молодые люди покинули это место, а когда пытались снова найти камень, то терпели неудачи.

В этих историях можно отметить связь с русским фольклором, в котором образ острова часто связан с образом камня, в частности — волшебного камня Алатырь, который является сакральным предметом. Но в фольклоре, как и в случае с рассматриваемыми историями, существует камень-двойник Алатыря [11, с. 190]. Он обладает inferнальной семантикой и притягивает болезни: «Еще я, раб имярек, выду и выступлю далече в чистое поле к поганому морю, к поганому острову. На том острове есть красной кровавой камень, на том камени сидит лютая тяжелая болезнь красная грыжа» [20, с. 360]. Тут же прослеживается и еще одна особенность, характерная для репрезентации острова в фольклоре и в рассматриваемых нами историях, — остров выступает как место, связанное с недугом. А в ряде рассмотренных нами материалов пребывание на острове было связано с ухудшением самочувствия.

Отдельно от всех историй про отдыхающих на Зеленом острове людей стоит рассказ, который приводится в статье «Тайны Зеленого острова». С молодыми людьми, которые отдыхали на острове, в этот раз не произошло ничего плохого, но они видели видения. В этих видениях они в подробностях наблюдали жизнь друг друга от рождения до смерти [21].

В большинстве уже приведенных историй происходящее на острове можно воспринимать как процесс инициации. Герои историй попадают в пространство острова, которое, благодаря странности происходящего на нем, символизирует «иной мир». События, происходящие с героями повествований, воспринимаются как испытания. Происходящее на острове накладывает на героев определенный эмоционально-психологический отпечаток, и они покидают «иной мир» с новоприобретенным опытом и знаниями. В рассказах про пропавшую девочку она меняется ментально: «Аня, кстати, потом лечилась в психиатрической больнице» [18]. Также она меняется внешне: «...у девочки потемнели глаза, из серых став почти карими, перестали виться волосы и изменилось расположение родинок на теле». «Раньше она никогда не разговаривала во сне, а теперь бывает. И ни я, ни отец, не можем понять, на каком языке она говорит», – рассказывает мама девочки [12]. Также в нескольких историях пребывание на острове связано с измененным состоянием сознания. Например, в историях про девочку и про заблудившегося рыбака главные герои впадали в состояние сна на острове, что так же, как и перемещение на остров, является символической смертью героев и характерной особенностью обряда инициации.

Продолжая тему того, что репрезентация Зеленого острова в статье схожа с репрезентацией острова в русском фольклоре, рассмотрим третью группу историй, в которой остров представлен как место проведения ритуалов.

Следует выделить фрагмент статьи «Остров Зеленый и чуточку Бермудский», в котором один из участков острова описан как место с разной ритуальной атрибутикой: собачьи черепа, подобие алтаря [12]. Автор статьи пишет, что это место проведения «шабаша людей-оборотней». В начале данной работы мы отмечали, что остров как символ «иногo» мира часто населен различными inferнальными существами.

Представления об оборотнях или волколаках в русской мифологии очень древние. Например, в «Слове о полку Игореве» описан князь-оборотень Всеслав. [22, с. 408].

Также в вышеописанном фрагменте статьи присутствует упоминание того, что рядом с местом проведения шабаша должны быть ножи. Согласно народным представлениям, превратиться в волка можно, сделав кувырок через ножи, воткнутые остриями вверх [22, с. 409].

Как место проведения ритуала остров также описан и в упомянутой ранее статье «Комсомольской правды». Здесь, помимо истории о заблудившемся рыбаке, приводятся воспоминания мужчины, который, будучи ребенком, вместе со своим другом стал свидетелем проводившегося на острове ритуала. Группа людей в карнавальных костюмах танцевала внутри огненного круга. «Их было точно больше десяти: все они выглядели жутко, и движения их не были похожи на обычные танцы. Они шептали что-то на другом языке и неестественно выплясывали. Мне запомнилась высокая женщина с длинными черными волосами: она находилась в центре круга и отдавала приказы» [16]. В этой истории наблюдается целый ряд особенностей, характерных для образа острова в русском фольклоре. Остров здесь изображен как inferнальное пространство. Л.И. Горницкая утверждает, что пространство острова может быть соотнесено с картиной, со-

ответствующей в мифологическом сознании адской: «...в частности, остров полон огня и дыма, среди которого, вместо мистических бесовских сил, обитают инфернализированные злодеи» [11, с. 189]. Схожую картину мы видим и в рассматриваемой истории в лице сектантов, танцующих в огненном круге, а образ женщины, которая руководит ритуалом, схож с образом ведьмы.

Остров как инфернальный «иной» мир в русском фольклоре также часто связан с образом ведьмы. Как пишет в своей работе Л.И. Горницкая, в русском фольклоре остров – это характерное место для проведения ведьминских ритуалов [7, с. 31].

Самым проработанным и стоящим отдельно от всех остальных способом мифологизации пространства острова являются рассказы о том, что на острове упал НЛО. В этих историях наиболее активно задействована реальная история острова и факты о нем. Эти истории, как и большинство баек о Зеленом острове, берут свое начало в уже упомянутой ранее статье «Остров Зеленый и чуточку Бермудский». Для мифологизации пространства острова здесь используются реальные факты из истории острова, а именно оборона острова силами НКВД в 1942 году.

В статье «Остров Зеленый и чуточку Бермудский» со ссылкой на очевидца событий описано якобы случившееся накануне войны крушение «летающей тарелки» на территории острова. Место падения было «оцеплено энкеведешниками, поскольку НЛО приняли за секретный фашистский самолет. Пока шло его исследование, грянула война» [12]. Обломки НЛО не были вовремя эвакуированы и, исходя из текста статьи, именно их, а также группу ученых и секретную лабораторию, оборонял полк НКВД в 1941 году.

Расположенные на острове полуразрушенные архитектурные объекты в статье выдаются за остатки лаборатории. Неудачи в плане благоустройства острова также связывают с падением НЛО, так как, по мнению автора статьи, в связи с падением «летающей тарелки» в почве острова присутствуют элементы, опасные для жизни человека, а в некоторых местах сильно завышен радиационный фон. Так, мы наглядно видим, как для мифологизации пространства острова использовались реальные факты из его истории.

На сайте, посвященном культуре и истории Ростовской области, опубликована статья «Тайны Зеленого острова», в которой можно найти несколько мистических и уникальных по своему содержанию историй о Зеленом острове. Одна из них, якобы случившаяся на острове ранней весной в начале 30-х годов прошлого века, является своего рода предысторией к предыдущему рассказу про упавшее НЛО. Она повествует о рыбаках, приставших на баркасах к берегу Зеленого острова. Ночью рыбаки прятались в глубине острова от дождя. Внезапно вокруг рыбаков начали падать деревья, поднимая в воздух «фантастические искры, на глазах превращавшиеся в крупу», эта крупа билась о плащи рыбаков. Утром, когда баркасы вернулись в станицу, все рыбаки отмечали у себя плохое самочувствие [21].

В статье приводится информация, что после этого случая на острове появились войска НКВД и раскопали там большую яму, но вскоре засыпали ее. Через несколько дней очевидец обнаружил на месте ямы остатки странного материала похожего на свинец, который не тонул в воде [21].

На сайте, посвященном краеведению нижнего Дона и Приазовья, присутствует статья, опубликованная в 2020 году и якобы доказывающая падение НЛЮ на Зеленом острове. В ней автор ссылается на старую карту Области Войска Донского 1797 года. Помимо схематических изображений, на карте изображены виды с левого берега Дона, на которых виден край Зеленого острова. Автор предполагает, что камень, который изображен на острове, это осколок метеорита либо обломок летающей тарелки, который в XVIII веке приняли за странный камень [23]. Данная статья представляет собой хороший пример мифологизации пространства острова. Мы видим, как благодаря репрезентации острова Зеленого в качестве «нехорошего места» формируются новые мифы на основе старых.

Рассматривая истории про НЛЮ, следует отметить, что их появление в фольклоре характерно для быличек и связано с новыми реалиями жизни конца XX века, процессами глобализации, массовой культурой, научно-техническим прогрессом [24, с. 7]. Эти же реалии способствуют и появлению новых путей для мифологизации городского пространства. То, что репрезентация острова реализуется через связь с НЛЮ, не противоречит привычным особенностям репрезентации мифологемы и подчеркивает связь острова с «иным миром», который существует за пределами рамок привычного мира, функционируя как особая непознаваемая и «странная» зона.

В социальной сети «ВКонтакте» есть сообщество «Остров Зеленый (Ростов-на-Дону) об аномальных местах РОСТОВА!» [25]. Этот факт говорит о том, что байки о Зеленом острове закрепились в сознании жителей города. В сообществе люди делятся якобы правдивыми историями, которые случились с ними на острове. Среди них можно обнаружить истории, схожие с ранее описанными. Нами были отмечены комментарии про ухудшение самочувствия на острове следующего содержания: «...вышли на болотистую местность, у всех нас постепенно начало колоть сердце, двоим стало плохо, за понтонкой некоторые стали плевать кровью...» [26]. Присутствуют сообщения, связанные с мотивом блуждания: «...решил на свою голову путь сократить срезать от кашалота если кто знает где это до моста жд пошел старой тропинкой которой уже не раз пользовался там идти минут пять может десять в итоге блуждал часа три если не больше...» [27]. Несколько человек пишут о странных существах на острове, одно из них описывается так: «...черная бестелесная сущность...» [28]. Про другое пишут следующее: «...полночи вокруг нас ходило Нечто невидимое, исчезая в одном месте и появляясь в другом...» [29].

Усиливают мифологизацию пространства пропажи людей и несчастные случаи, которые периодически происходят на острове. Для наглядности приведем несколько примеров таких статей. В ходе исследования удалось найти три новости о пропавших людях на острове. Две новостные статьи сообщают о пропаже мужчин на острове в 2006 [30] и 2017 [31] годах, а другая – о пропаже матери с двумя детьми в 2013 году [32]. В статье о пропаже мужчины в 2006 году делается акцент на таинственности острова. В 2021 году во время отдыха на острове утонул ребенок [33], а в 2022-м рядом с островом чуть не утонул мужчина, рыбачивший там на лодке [34].

Можно сделать вывод, что репрезентация образа острова Зеленого в интернетлоре

в целом соответствует репрезентации острова в традиционной русской культуре, представленной мифологическими представлениями и фольклором. Образ острова Зеленый представляет собой «иной мир» и пространство инициации и в большей степени inferнален по своей природе, чем сакрален. Прослеживается ряд мотивов и образов, характерных для традиционной русской культуры: связь с образом девушки; связь с образом камня; место, связанное с недугами. Также в рассматриваемых материалах обнаруживаются мотивы, сюжеты и образы, характерные для русского фольклора, и мифологических представлений, но напрямую не связанные с образом острова: мотив блужданий, волколак, блуждающие огни. Отдельно стоит отметить материалы, связывающие остров Зеленый с НЛО, которые демонстрируют влияние процессов глобализации и модернизации на формирование различного рода городских легенд. Все вышеописанное активно способствует мифологизации городского пространства ввиду того, что остров Зеленый является реально существующим островом и частью города Ростова-на-Дону. Помимо развивающегося вокруг образа острова интернетлора, его мифологизацию в сознании жителей города могут усиливать статьи о реально пропавших на территории острова людях и произошедших несчастных случаях.

Список литературы

1. Горницкая, Л.И., Ларионова, М.Ч. Место, которого нет... Острова в русской литературе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. 2013. 226 с.
2. Словарь литературоведческих терминов под. ред. С. П. Белокуровой. М., 2005. Доступ: <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0> (проверено: 11.10.2023).
3. Граматчикова Н.Б., Хоруженко Т.И. Постфольклор и интернетлор: учеб.-метод. пособие. Изд-во Урал. ун-та, 2017. 62 с.
4. Круталевич А. Н. «Мифологема» в понятийном аппарате культурологии // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 10-21.
5. Цивьян Т. В. Язык: тема и вариации: Избранное: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 2008.
6. Горницкая Л. И. Мифологема острова в русской культурной традиции // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010 г. № 4 С. 150 – 156.
7. Горницкая Л.И. Остров как «Иной» мир в русском фольклоре // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. №1. С. 30-34.
8. Таинственный остров. Доступ: https://kg-rostov.ru/history/name_street/tainstvennyu-ostrov/ (проверено 07.02.2023).
9. Мартишина Н. И. Мифологизация как способ освоения городской среды // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: материалы XVII Междунар. науч. практ. конф. Екатеринбург, 2014. С. 215 – 218.
10. Головнева, Е. В. Мифологизация как способ конструирования городской идентичности (Екатеринбург на интернет-форумах) // Уральский исторический вестник. 2016. № 3. С. 43-51.
11. Горницкая Л.И. Муругова Е.В. Образ острова-загробного мира в русском фолькло-

- ре. // Гуманитарные и социальные науки. Ростов-на-Дону. 2016. №6. С. 188-191.
12. Остров Зеленый и чуточку Бермудский. Доступ: <https://www.panram.ru/news/underground/ostrov-zelenyy-i-chutochku-bermudskiy/> (проверено 08.02.2023).
  13. Виноградова Л.Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016. 84 с.
  14. Криничная Н. А. «В тех болотах зыбучиих...»: мифологема блуждания в свете переходных обрядов (по материалам северно-русских мифологических рассказов) // «Уведи меня, дорога»: сб. ст. памяти Т. А. Бернштам / под ред. Н. Е. Мазаловой, И. Ю. Винокуровой, В. А. Лапина, О. М. Фишман. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 172–180.
  15. Славянские древности: Этнолингвистический словарь т. 1. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Ин-т славяноведения РАН М. Международные отношения. 1995. 575 с.
  16. Кислова В. Заблудиться в трех соснах или попасть на жуткий ритуал: Страшилки Зеленого острова рассказывают ростовчане. Доступ: <https://www.rostov.kp.ru/daily/28307/4447860/> (проверено 08.02.2023).
  17. Дмитриева Е.Н. Природное предназначение женщины и ее образы в русских заговорах (в записях XIX в.) // Женщина в российском обществе. 2002. №1. С. 25-32.
  18. Стоны на Театральной, или почему умерла идея создать на Зеленом острове пионерскую республику. Доступ: <https://don24.ru/rubric/obschestvo/stony-na-teatralnoy-ili-pochemu-umerla-ideya-o-sozdat-na-zelenom-ostrove-pionerskuyu-respubliku.html> (проверено 10.02.2023).
  19. Зеленый остров, Ростов-на-Дону – аномальная зона. Доступ: <https://mistika.temaretik.com/994736334656506871/zelenyj-ostrov-rostov-na-donu---anomalnaya-zona/> (проверено 08.02.2023).
  20. Топорков А. Л. Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки. М.: Ладомир, 1995.
  21. Тайны Зелёного острова. Доступ: <http://rostov-region.ru/legends/item/f00/s00/e0000000/index.shtml> (проверено 08.02.2023).
  22. Левкиевская Е. Мифы русского народа. М.: ООО «Издательство Астрель»; 00 0 «Издательство АСТ». 2000. 528 с.
  23. Найдены доказательства падения НЛО на Зеленом острове. Доступ: <https://meotyda.ru/node/1975> (проверено 09.02.2023).
  24. Пухова Т.Ф. Былички и бывальщины Воронежского края. Воронеж. ВГУ. 2008.
  25. Остров Зелёный (Ростов-на-Дону) о аномальных местах РОСТОВА! [Сообщество в соц. сети «ВКонтакте»]. Доступ: <https://vk.com/club26609256> (проверено 09.02.2023).
  26. Кунченко А. [запись в сообществе Остров Зелёный (Ростов-на-Дону) о аномальных местах РОСТОВА!] // Вконтакте. 2014. 18 янв. Доступ: https://vk.com/topic-26609256_25726179 (проверено 09.02.2023).
  27. Варшавский Д. [запись в сообществе Остров Зелёный (Ростов-на-Дону) о аномальных местах РОСТОВА!] // Вконтакте. 2015. 15 апр. Доступ: <https://vk.com/>

- topic-26609256_25726179 (проверено 09.02.2023).
28. Голдрейн Т. [запись в сообществе Остров Зелёный (Ростов-на-дону) о аномальных местах РОСТОВА!] // Вконтакте. 2013. 10 мая Доступ: https://vk.com/topic-26609256_25726179 (проверено 09.02.2023).
29. Yulia Drake. [запись в сообществе Остров Зелёный (Ростов-на-дону) о аномальных местах РОСТОВА!] // Вконтакте. 2011. 10 мая Доступ: https://vk.com/topic-26609256_25726179 (проверено 10.02.2023).
30. Кузнецов М. Возобновлены поиски загадочно исчезнувшего 10 лет назад на Зеленом острове ростовчанина. Доступ: <https://www.panram.ru/news/underground/vozobnovleny-poiski-ischeznuvshego-10-let-nazad-na-zelenom-ostrove-gostovchanina/> (проверено 10.02.2023).
31. Мужчина в камуфляжной форме бесследно пропал во время отдыха на Зеленом острове Ростова. Доступ: <https://bloknot-rostov.ru/news/muzhchina-v-kamuflyazhnoy-forme-bessledno-propal-v-877675> (проверено 10.02.2023).
32. Сахарков С. В Ростовской области на Зеленом острове бесследно пропала женщина с двумя детьми. Доступ: <https://u-f.ru/News/u250/2013/04/19/653831> (проверено 10.02.2023).
33. Абрамова Н. В Ростове на базе отдыха Зеленого острова утонула школьница. Доступ: <https://battime.ru/v-rostove-na-baze-otdyha-zelenogo-ostrova-utonula-shkolnica.html> (проверено 10.02.2023).
34. Кузьмина А. В Ростове 58-летний рыбак чуть не погиб у понтонного моста на Зеленом острове. Доступ: <https://rostov.mk.ru/incident/2022/05/23/v-rostove-58letniy-rybak-chut-ne-pogib-u-pontonno-go-mosta-na-zelenom-ostrove.html> (проверено 10.02.2023).

Сведения об авторе

Сенченко Алексей Геннадиевич – аспирант кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

E-mail: aleksey.senchenko@gmail.com

Senchenko A. G.

THE IMAGE OF ZELENY ISLAND IN THE MEDIA (CONNECTION WITH FOLKLORE, MYTHOLOGIZATION OF THE CITY)

***Abstract:** The article explores one of the expressions of the mythologeme of the island in modern Russian culture. The author reviews the representation of Zeleny Island, which is located on the Don River in the city limits of Rostov-on-Don. The material for the study is the texts of the Internet lore formed around the image of the island, which can be found on various web resources (Internet media, thematic sites, forums, blogs, communities in social networks,*

etc.). In most cases, Zelenyi Island is presented in the internet lore as an «anomalous zone». The article identifies and analyzes the main images and motifs that are used to represent the island of Zeleny as an «abnormal zone», reveals their connection with images and motifs from mythological representations and folklore of the Russian folk. Using the example of Zeleny Island, the study compares the representation of the island in contemporary Russian culture (Internet lore texts) with traditional Russian culture (mythological concepts and folklore). The study also considers how the image of Zeleny Island formed in the media environment impacts on the mythologization of the city space

Keywords: island, Zelenyi, image, mythologization, folklore.

References

1. Gornickaya, L.I., Larionova, M.Ch. Mesto, ktorogo net... Ostrova v russoj literature [A place that does not exist... Islands in Russian literature] Rostov n/D: Izd-vo YuNC RAN. 2013. 226 s.
2. Slovar' literaturovedčeskikh terminov [Dictionary of Literary Terms] pod. red. S. P. Belokurovoj. M., 2005. Access: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0> (verified: 11.10.2023).
3. Gramatchikova N.B., Horuzhenko T.I. Postfol'klor i internetlor: ucheb.-metod. posobie [Post-folklore and Internet-lore: a textbook]. Izd-vo Ural. un-ta, 2017. 62 s.
4. Krutalevič A. N. «Mifologema» v ponâtiynom apparate kul'turologii [«Mythologem» in the conceptual apparatus of culturology] // Kul'tura i civilizaciâ. 2016. № 1. S. 10-21.
5. Civ'ân T. V. Âzyk: tema i variacii: Izbrannoe: v 2 kn. Kn. 2. [Language: Theme and Variations: Selected: in 2 vols. 2] M.: Nauka, 2008.
6. Gornickaâ L. I. Mifologema ostrova v russoj kul'turnoj tradicii [Mythologem of the island in the Russian cultural tradition] // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2010 g. № 4 S. 150 – 156
7. Gornickaya L.I. Ostrov kak «Inoj» mir v russkom fol'klore [Island as «inoi» world in Russian folklore] // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2011. №1. S. 30-34.
8. Tainstvennyj ostrov. [Mysterious island] Access: https://kg-rostov.ru/history/name_street/tainstvennyy-ostrov/ (verified 07.02.2023).
9. Martišina N. I. Mifologizaciâ kak sposob osvoeniâ gorodskoj sredy [Mythologization as a way of mastering the urban environment] // Sovremennyj gorod: social'nost', kul'tury, žizn' lûdej: materialy XVII Meždunar. nauč. prakt. konf. Ekaterinburg, 2014. S. 215 – 218.
10. Golovneva, E. V. Mifologizaciâ kak sposob konstruirovaniâ gorodskoj identičnosti (Ekaterinburg na internet-forumah) [Mythologization as a way to construct urban identity (Yekaterinburg on Internet forums)] // Ural'skij istoričeskij vestnik. 2016. № 3. S. 43-51.
11. Gornickaya L.I. Murugova E.V. Obraz ostrova-zagrobnogo mira v russkom fol'klore [Image of the island-tomb world in Russian folklore] // Gumanitarnye i social'nye nauki. Rostov-na-Donu. 2016. №6. S. 188-191.

12. Ostrov Zelenyj i čutočku Bermudskij. [Green Island and a bit of Bermuda] Access: <https://www.panram.ru/news/underground/ostrov-zelenyy-i-chutochku-bermudskiy/> (verified 08.02.2023).
13. Vinogradova L.N. Mifologičeskij aspekt slavânskoj fol'klornoj tradicii [Mythological aspect of Slavic folklore tradition]. M.: Indrik, 2016. 84 s.
14. Krinichnaya N. A. «V tekh bolotah zybuchiïh...»: mifologema bluzhdaniya v svete perekhodnyh obryadov (po materialam severno-russkikh mifologičeskikh rasskazov) [«In those quicksand swamps...»: the mythologeme of wandering in the light of transitional rites (based on Northern Russian mythological stories)] // «Uvedi menya, doroga»: sb. st. pamyati T. A. Bernshtam / pod red. N. E. Mazalovoj, I. Yu. Vinokurovoj, V. A. Lapina, O. M. Fishman. SPb.: MAE RAN, 2010. С. 172–180.
15. Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar' t. 1 [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary vol. 1] Pod obščh. red. N. I. Tolstogo. In-t slavyanovedeniya RAN M. Mezhdunarodnye otnosheniya. 1995. 575 s.
16. Kislova V. Zabludit'sâ v treh sosnah ili popast' na žutkij ritual: Strašilki Zelenogo ostrova rasskazyvaût rostovčane [To get lost in three pines or to get on a spooky ritual: Fearfulness of the Zelenyi Island tells Rostov citizens]. Access: <https://www.rostov.kp.ru/daily/28307/4447860/> (verified 08.02.2023).
17. Dmitrieva E.N. Prirodnoe prednaznachenie zhenshchiny i ee obrazy v russkikh zagovorah (v zapisyah XIX v.) [The natural purpose of woman and her images in Russian zagovorah (in the records of the XIX century)] // Zhenshchina v rossijskom obščestve. 2002. №1. S. 25-32.
18. Stony na Teatral'noj, ili počemu umerla ideâ sozdat' na Zelenom ostrove pionerskuû respubliku [Moans on the Theater, or Why the Idea to Create a Pioneer Republic on Zelenyi island Died]. Access: <https://don24.ru/rubric/obschestvo/stony-na-teatralnoj-ili-pochemu-umerla-ideya-o-sozdat-na-zelenom-ostrove-pionerskuyu-respubliku.html> (verified 10.02.2023).
19. Zelenyj ostrov, Rostov-na-Donu – anomal'naâ zona [Zelenyi Ostrov, Rostov-on-Don - Anomalous Zone]. Access: <https://mistika.temaretik.com/994736334656506871/zelenyj-ostrov-rostov-na-donu---anomalnaya-zona/> (verified 08.02.2023).
20. Toporkov A. L. Russkij èrotičeskij fol'klor. Pesni. Obrâdy i obrâdovyj fol'klor. Narodnyj teatr. Zagovory. Zagadki. Častuški [Russian erotic folklore. Songs. Rites and ceremonial folklore. Folk theater. Conspiracies. Riddles. Chastushki]. M.: Ladomir, 1995.
21. Tajny Zelënego ostrova [Secrets of the Zelenyi Island]. Access: <http://rostov-region.ru/legends/item/f00/s00/e0000000/index.shtml> (verified 08.02.2023).
22. Levkievskâ E. Mify russkogo naroda [Myths of the Russian nation]. M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»; 00 0 «Izdatel'stvo ACT». 2000. 528 s.
23. Najdeny dokazatel'stva padeniâ NLO na Zelenom ostrove [Proof found of a UFO crash on Zelenyi Island]. Access: <https://meotyda.ru/node/1975> (verified 09.02.2023).
24. Puhova T.F. Bylički i byval'siny Voronežskogo kraâ. Voronež. VGU. 2008.
25. Ostrov Zelënyj (Rostov-na-donu) o anomal'nyh mestah ROSTOVA! [The island

- Zelenyi (Rostov-on-Don) about anomalous places of Rostov!. Community in social network «VKontakte»] Access: <https://vk.com/club26609256> (verified 09.02.2023).
26. Kunčenko A. [Record in the community Ostrov Zelenyi (Rostov-on-Don) about abnormal places of Rostov!] // Vkontakte. 2014. 18 jan. Access: https://vk.com/topic-26609256_25726179 (verified 09.02.2023).
  27. Varšavskij D. [Record in the community Ostrov Zelenyi (Rostov-on-Don) about abnormal places of Rostov!] // Vkontakte. 2015. 15 apr. Access: https://vk.com/topic-26609256_25726179 (verified 09.02.2023).
  28. Goldrejn T. [Record in the community Ostrov Zelenyi (Rostov-on-Don) about abnormal places of Rostov!] // Vkontakte. 2013. 10 may Access: https://vk.com/topic-26609256_25726179 (verified 09.02.2023).
  29. Yulia Drake. [Record in the community Ostrov Zelenyi (Rostov-on-Don) about abnormal places of Rostov!] // Vkontakte. 2011. 10 may Access: https://vk.com/topic-26609256_25726179 (verified 10.02.2023).
  30. Kuznecov M. Vozobnovleny poiski zagadočno isčeznuvšego 10 let nazad na Zelenom ostrove rostovčanina [Search resumed for a Rostov citizen who mysteriously disappeared 10 years ago on Zelenyi Ostrov]. Access: <https://www.panram.ru/news/underground/vozobnovleny-poiski-ischeznuvshego-10-let-nazad-na-zelenom-ostrove-rostovchanina/> (verified 10.02.2023).
  31. Mužčina v kamuflážnoj forme bessledno propal vo vremâ ottyha na Zelenom ostrove Rostova [A man in camouflage uniforms disappeared without a trace during a vacation on Rostov's Zelenyi Island]. Access: <https://bloknot-rostov.ru/news/muzhchina-v-kamuflyazhnoj-forme-bessledno-propal-v-877675> (verified 10.02.2023).
  32. Saharkov S. V Rostovskoj oblasti na Zelenom ostrove bessledno propala ženšina s dvumâ det'mi [A woman with two children disappeared without a trace in the Rostov region on Zelenyi Ostrov]. Access: <https://u-f.ru/News/u250/2013/04/19/653831> (verified 10.02.2023).
  33. Abramova N. V Rostove na baze ottyha Zelenogo ostrova utonula škol'nica [In Rostov, a schoolgirl drowned at the rest center of Zelenyi Island]. Access: <https://battime.ru/v-rostove-na-baze-ottyha-zelenogo-ostrova-utonula-shkolnica.html> (verified 10.02.2023).
  34. Kuz'mina A. V Rostove 58-letnij rybak čut' ne pogib u pontonnogo mosta na Zelenom ostrove. [A 58-year-old fisherman almost died near the pontoon bridge on Zelenyi island in Rostov] Access: <https://rostov.mk.ru/incident/2022/05/23/v-rostove-58letnij-rybak-chut-ne-pogib-u-pontonnogo-mosta-na-zelenom-ostrove.html> (verified 10.02.2023).

Senchenko Alexei Gennadievich – Ph.D. student of the Department of the theory of culture, ethics and aesthetics of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences of the Southern Federal University, Rostov-on-Don.

E-mail: aleksey.senchenko@gmail.com

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327

DOI: 10.37279/2413-1695-2024-10-1-100-109

«ЗЕРКАЛЬНЫЙ» ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ О РОССИИ: РОЛЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЗИЦИИ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА В ОТНОШЕНИИ НЕИЗБЕЖНОСТИ ВОЙНЫ С РОССИЕЙ

Москаленко О. А., Ирхин А. А.

***Аннотация:** Статья посвящена проблемам конструирования образа России на Западе в условиях формирования новой системы международных отношений. На материале аналитических докладов ведущего экспертно-аналитического центра Великобритании авторы выявляют политические технологии Запада, применяемые для быстрого и эффективного конструирования негативных смыслов о России, российском обществе и российской власти, служащих для обеспечения консенсуса внутри стран Запада при принятии политических решений. Выделены три категории российской действительности, которые подвергаются корректировке в публичном общественно-политическом дискурсе: тип власти (включая пропаганду разобщенности народа и власти в России), история (манипулирование исторической правдой, искажение фактов), информационная политика России. Авторы статьи показывают, что, переписывая «мифы» о России и русских, Запад прежде всего создает новые мифы о собственном обществе, которые используются для поддержания консенсуса при принятии непопулярных внешнеполитических решений, сказывающихся на благосостоянии граждан. Глубокая вовлеченность «фабрик мысли» в определение стратегий национальной безопасности объясняет транслирование фигурирующих в аналитике тезисов не только в публичном политическом дискурсе, но и в доктринальном.*

***Ключевые слова:** зеркальный миф, конструирование образа, Россия, Великобритания, русофобия.*

Конфронтация России и коллективного Запада достигла открытой фазы возможного прямого военного столкновения на полях специальной военной операции на территории Украины и в Черноморском бассейне. В этих условиях Запад стал использовать более широкий спектр терминов для характеристики и описания происходящих процессов: приходится признать, что такие понятия, как «русофобия», «искажение исторической правды», «отмена России», «конструирование российской действительности» и др. вышли из области публицистических штампов и приобрели вполне конкретное

технологическое политическое измерение. Проблема восприятия образа России в мире остается одним из важных направлений научных исследований, которое, однако, в последние несколько лет претерпела значительной трансформации. Актуальным представляется выявление и анализ политических технологий, которые используются Западом для быстрого и эффективного конструирования негативных смыслов о России, российском обществе и российской власти, – впоследствии они формируют основу для обеспечения консенсуса внутри стран Запада при принятии политических решений и изменении внутри- и внешнеполитического курса.

Авторы статьи ставят перед собой цель выявить и проанализировать тенденции конструирования современного политического образа России в Великобритании в качестве одной из составляющих гибридной мировой войны. В статье решаются следующие задачи: выявлены основные компоненты западного образа России, которые потребовалось «переписать» и «перепрограммировать» в сознании западного политического и экспертно-аналитического сообщества; определена методология создания – конструирования – нового политического мифа о России и целеполагания его авторов. На фоне того, что тенденция на активное сотрудничество научно-экспертных центров и политических элит сохраняет актуальность, а научный дискурс первичен и институционален по отношению к дискурсу политиков, во многом формируя и трансформируя политическую идентичность [1, с. 72–73], рассмотрение процесса конструирования нового мифа о России в динамике в режиме реального времени, а не только изучение его в ретроспективном аспекте, может стать эффективным компонентом инструментов анализа и прогнозирования в области современных международных отношений и основой для разработки контрмер со стороны РФ.

В мае 2021 г. «Chatham House» (Королевский институт международных отношений)¹ – ведущий экспертно-аналитический центр Великобритании, неизменно входящий в десятку лидирующих «фабрик мысли» мира [2], – опубликовал монографию, посвященную развенчанию основных политических мифов о России под названием «Мифы и ложные представления в спорах о России: их влияние на политику Запада и способы преодоления» («Myths and Misconceptions in the Debate on Russia. How they Affect Western Policy, and what Can Be Done» [3]).

В докладе заявлено, что деконструкция 16 наиболее устойчивых мифов о России должна стать основой для формирования и реализации выверенной внешней политики Запада, вернее, как прямо заявляют авторы, дать эффективный инструмент для «сдерживания российской агрессии»: «Исследование должно подтолкнуть западные правительства и институты к пересмотру взгляда на Россию, что позволит им предложить эффективные ответы на все более серьезные российские вызовы. Под эффективностью в данном случае следует понимать не что иное, как сдерживание российской агрессии» [3, р. 3]. Таким образом, под обозначением «мифы» кроются ключевые концепции, оперирование которыми направлено на лишение РФ возможности реализовывать самостоятельную внешнюю политику. Авторский коллектив монографии – 17 ведущих экспертов

1 В 2022 г. деятельность организации признана Генеральной прокуратурой РФ нежелательной в РФ.

«Chatham House», занятых в программе российско-евразийских исследований Института («Russia and Eurasia Programme»): пятеро из них (Keir Giles, Roderic Lyne, James Nixey, James Sherr, Andrew Wood) – авторы нашумевшего доклада 2015 г. под названием «Российский вызов» («The Russian Challenge»), который анализирует внешнюю политику России в 2000 – 2015 гг. и в открытой форме продвигает необходимость разработки мер по противодействию России в области реализации собственных национальных интересов, в том числе на постсоветском пространстве; причем противодействие должно реализовываться как за счет ряда внешних мер (включая изменение подхода Запада к своему военному потенциалу), так и за счет влияния на внутрироссийские процессы, то есть за счет вмешательства во внутреннюю политику РФ; одна из ключевых идей доклада состоит в том, что военное столкновение Европы и России из-за Украины неизбежно [4]. В определенном смысле «Российский вызов» стал официальной экспертно-аналитической основой западной стратегии так называемой «холодной войны 2.0».

Доклад «Мифы и ложные представления в спорах о России: их влияние на политику Запада и способы преодоления» был опубликован в открытом доступе в 2021 г., за год до начала СВО, в начале активной фазы антироссийской информационной кампании Запада и нагнетания общественного мнения о неминуемой российской военной агрессии. Документ Королевского института международных отношений носит явно мобилизационный характер, задает тренд, в рамках которого у западного политика **не остается шансов на положительное восприятие России**. Основная задача – побуждение западного политика к переоценке действий российской политической элиты в открыто русофобском ключе, ведь «он слишком долго неверно конструировал самую суть отношений с Россией» [3, р. 4]. То есть Великобритания не только сама сбросила маску стремления выстроить конструктивные отношения с Россией, но и призвала к этому страны западной коалиции, опубликовав, выражаясь новоязом, «методичку», в которой выведены недопустимые для ориентированного на «универсальные ценности» западного политика представления о России, российской истории и российской власти. С точки зрения технологий новые «верные» представления должны заместить в политическом дискурсе устаревшие ложные «мифы», сформированные в период сближения России и Запада (в том числе, и в лице Великобритании) после распада СССР.

Истоки этих мифов разделены авторским коллективом, усиленным несколькими российскими экспертами, на несколько групп. Первая группа – это мифы, которые объясняются тем, что западные политики привыкли иметь дело с демократическими политическими системами и таким же образом воспринимают Россию (например, пытаются решить вопросы недопонимания диалогом, тогда как «российское руководство ориентировано на поддержание конфронтации с Западом» [3, р. 3]. Причиной появления второй группы стал недостаточный уровень знаний Запада об устройстве России (например, сюда относится миф о сосредоточении власти в руках Путина); в отдельную категорию вынесен миф о дружбе с Китаем. Однако самая объемная группа подразумевает, что большинство мифов возникли на основе намеренной дезинформационной и пропагандистской политики России, направленной на легитимацию внешнеполитических реше-

ний (например, «претензии на исключительно российскую сферу интересов», единство украинского, белорусского и русского народов), которые скрытым образом могут привести к возникновению сильного Евразийского экономического союза – экономическо-интеграционного проекта, эквивалентного Европейскому Союзу [3, р. 3–4]. То есть британской «фабрикой мысли» определены три фактора, которые следует подвергать влиянию и корректировке: тип власти, история и информационная политика.

Подробно и в резюмированной форме в виде готовых аргументов, которые могут войти в дискурс любого политика и журналиста (и уже вошли), книга представляет 16 мифов и их опровержения. Рассмотрим их в парадигме «миф» vs новый западный конструкт.

Миф 1. «Россия и Запад друг друга стоят» vs Расширение НАТО и ЕС основано на запросе, тогда как Россия руководствуется логикой «сферы первоочередных интересов»; случаи военного вмешательства Запада нельзя сравнивать с двуличием и отсутствием дипломатии со стороны России при вторжении в Грузию и Украину.

Миф 2. «Россия и Запад преследуют одинаковые цели» vs Ценности и интересы России и Запада не имеют точек соприкосновения.

Миф 3. «Россия гарантировала нерасширение НАТО» vs Ни Горбачев в 1990 г., ни последующие российские лидеры никогда не просили и не получали от Запада гарантий нерасширения НАТО, тогда как Основополагающий акт НАТО-Россия от 1997 г. предусматривает неотъемлемое право стран на выбор средств обеспечения собственной безопасности.

Миф 4. «Россия не находится в состоянии конфликта с Западом» vs Конфронтация с Западом – нормальное состояние Москвы, сейчас реализуется за счет нетрадиционных средств ведения войны (*на 2021 г. – авторы*).

Миф 5. «Необходима новая панъевропейская система безопасности, включающая Россию» vs Так как Россия стремится к статусу сверхдержавы, не разделяет демократические ценности, не признает ценность прав человека и верховенства закона, то даже гипотетически новая система панъевропейской безопасности с участием России окажется нерабочей.

Миф 6. «Необходимо улучшать взаимоотношения с Россией, даже если она не идет на уступки, так как это очень важно» vs Антилиберальная политика России ставит крест на всех вариантах сотрудничества, а сама Россия не проявляет инициативы по сближению с Западом, продолжая вести себя как «крепость Россия».

Миф 7. «У России есть право на неприкосновенный периметр – привилегированную сферу интересов, включающую территории других государств» vs Сама идея о наличии у России эксклюзивной сферы интересов в Восточной Европе и Центральной Азии противоречит евроатлантическим ценностям, размывает геополитический порядок и международную безопасность; даже в случае стремления отдельных постсоветских стран к сближению с Россией, не может идти речи об их стремлении утратить суверенитет.

Миф 8. «Следует вбить клин между Россией и Китаем, чтобы помешать им совместно действовать против Запада» и Миф 9. «Западу следует нормализовать отно-

шения с Россией, чтобы помешать подъему Китая» vs Россия и Китай не имеют общих стратегических целей, а Запад не может себе позволить закрыть глаза на агрессивное поведение России, сосредоточив внимание исключительно на Китае.

Миф 10. «Евразийский экономический союз – значимый аналог ЕС» vs ЕАЭС является политическим, а не экономическим проектом.

Миф 11. «Украинцы, белорусы и русские – один народ» vs Кремль пренебрегает исторической правдой ради включения Белоруссии и Украины в так называемую «естественную сферу влияния», тогда как Украина, Белоруссия и Россия никогда не образовывали национальное единство, «триединый русский народ»: такая идея мешает интеграции Белоруссии и Украины в европейское сообщество.

Миф 12. «Крым всегда был русским» vs Миф о добровольном «воссоединении» Крыма с Россией в 2014 г. направлен на дальнейший подрыв территориальной целостности Украины. Крым принадлежал России всего 168 лет, то есть 6% от времени своей истории.

Миф 13. «Рыночные реформы 1990-х гг. не пошли России на пользу» vs Рыночные реформы в России не состоялись, поэтому не могли вызвать экономический спад.

Миф 14. «Санкции себя не оправдывают» vs Для санкционного эффекта требуется время, а само наличие санкций – проявление единой позиции Запада.

Миф 15. «Все завязано на Путине: в России централизованная автократия и ручное управление» vs Роль Президента как личности в управлении Россией сильно преувеличена: ряд акторов действуют вне его воли.

Миф 16. «После Путина станет лучше» vs Шансы на демократический строй в России после Путина сейчас еще ниже, чем в 1990-е гг. из-за отсутствия кадровой элиты и политической культуры пост-путинская Россия не сможет построить конструктивные отношения с Западом [3, p. 5–10].

Дискурс о русском политическом мифе выстроен экспертами в структуре «зеркала» по логике «от обратного», когда элементы деконструкции направлены не на то, чтобы показать, какова Россия, а на доказательство иной природы Запада в принципе. Эти пункты, с одной стороны, наметили «болевы точки» в отношениях с Россией, с другой, представили ряд двойных стандартов, приемлемых для западных политиков. В предлагаемых британскими экспертами рекомендациях – не столько для Великобритании, сколько для коллективного Запада – сформулирован тренд восприятия современной России и ее лидера: несовместимость стратегических интересов России и Запада, нацеленность российской элиты на конфронтацию с Западом для укрепления власти внутри страны, восприятие плохих отношений России и Запада как нормы, наличие перечня неприемлемых действий российской власти, выявление пределов личного влияния российского лидера и восприятие любого последующего лидера как продукта системы, чуждой западным ценностям [3, p. 10–11]. Особое место в рекомендациях отводится историческим нарративам, продвигаемым Россией, с которыми Западу не следует соглашаться. Подход «Следует признать, что история имеет значение» («Recognize that history matters» [3, p. 10–11]) становится доминирующим и обуславливает тщательную

работу всех проявлений западного информационного поля с российской историей: как на самом поверхностном медийном уровне, так и на уровне многоступенчатого создания новых и обновления существующих нарративов о российской истории, власти, внешней политике – отправной точкой для популяризации часто становится документально-публицистическая [5] и художественная литература [6], из которой обновленные представления об исторических событиях и их причинах переходят в различные массовые формы (кино, комиксы, медийную повестку) [7].

Монография Королевского института международных отношений подводит научную основу под официально одобренную русофобию, хотя сами авторы отрицают этот факт, разделяя государство и народ, лидера и государство: «Российское государство не синоним народа России, а режим Путина не совсем то же самое, что российское государство» [3, р. 15] – эта мысль войдет в доктринальные документы Великобритании (в частности, в обновленной в 2023 г. Стратегии национальной безопасности Великобритании «Integrated Review Refresh 2023. Responding to a more contested and volatile world») и будет звучать в речах западных политиков, уже открыто призывающих к смене власти в России. Тем не менее, с точки зрения понимания русофобии как неприятия внешнеполитической стратегии России, дискурс так называемых шестнадцати мифов в 2021 г. проявил откровенно русофобский характер. А уже в 2022 г. возникла массовая «культура отмены России» иначе называемая «культурная изоляция»: измерение экономико-политических санкций расширилось до отмены русской культуры и построения уже Западом нового «железного занавеса». Имагологическую зеркальность процесса подчеркнул в выступлении на Петербургском международном экономическом форуме-2022 Питер Лавелль, американский журналист, политический обозреватель «Russia Today»: «Попытки отменить Россию – это своего рода попытки отменить западную цивилизацию в целом <...> западный мир на сегодняшний день пришел к понимаю, какие вещи говорить не стоит – обидные, оскорбительные, однако сегодня мы наблюдаем новый феномен, который диктует, что нужно говорить» [8]. Таким образом призыв отказаться от России, которая не выстраивает внутреннюю и внешнюю политику в соответствии с универсальными ценностями, привел к выходу самого Запада из риторики универсальных ценностей.

Авторами монографии недвусмысленно определена ее цель, которая полностью обнажает манипулятивный потенциал современного мифа: «Нужно скорректировать те мифы, существование которых ведет к ложной политике» [3, р. 101]. То есть отрицается понимание мифа как естественным путем складывающегося и устоявшегося представления о тех или иных явлениях в пользу его понимания как искусственного конструкта, на смену которому необходимо предложить иной искусственный конструкт, соответствующий внешнеполитической стратегии Запада в отношении России.

Рассмотренный доклад «Chatham House» – прекрасный образец публичного экспертно-аналитического документа, являющегося частью последовательно реализуемой стратегии гибридной войны. Конструирование новой мифологии о России, которая, впрочем, во-многом актуализирует привычные стереотипы российско-британских от-

ношений, выполняет сразу несколько функций, работая как комплексная политическая технология в рамках противостояния Россия – Запад.

Во-первых, на дискурсивном уровне конструируемая мифология выступает основой нового политического нарратива, который обеспечивает консенсус западного социума со своими политическими элитами, так как в ее ядре лежит противопоставление «неправильной» России и реализующего верную политику Запада. Как показали события после начала СВО России на Украине, европейские правительства активно использовали эмоциональные формулы о «высокой миссии Запада» и указание на «борьбу с абсолютным злом», когда требовалась легитимация антироссийских санкций, негативно сказывавшихся на уровне жизни простых европейцев. Таким образом реализовывался провозглашенный принцип связанности интересов и ценностей, транслируемый как вовне, так и внутрь государств ЕС и Великобритании.

Во-вторых, экспертно-аналитические центры Великобритании традиционно имеют значительное влияние на внешнеполитический курс страны за счет непосредственного участия в разработке вопросов национальной безопасности и внешнеполитической стратегии. Институционализированность научного дискурса Великобритании по вопросам национальной безопасности объясняет высокую частотность присутствия в доктринальных документах, не только предварительно подвергнутых экспертизе в открытых аналитических материалах стратегий, но практически дословное воспроизведение отдельных тезисов из подобной аналитики. В качестве одного из ярких примеров можно назвать линию по публичной делигитимации власти в России в лице В. Путина и стратегии разделения народа и власти, которая находит отражение как в экспертно-аналитических материалах, так и в доктринальных документах.

Список литературы

1. Алешин А.А. Роль научного дискурса в трансформации стратегии национальной безопасности Великобритании // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 4. С. 72-84. DOI: 10.20542/afj-2021-4-72-84
2. McGann J. 2020 Global Go To Think Tank Index Report // TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. 2021. 18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bruegel.org/sites/default/files/wp-content/uploads/2021/03/2020-Global-Go-To-Think-Tank-Index-Report-Bruegel.pdf>
3. Giles, K. et al., Myths and misconceptions around Russian military intent. London: Chatham House, 2022. 113 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://policycommons.net/artifacts/2610392/myths-and-misconceptions-around-russian-military-intent/3632931/> on 10 Mar 2024. CID: 20.500.12592/m44tg1.
4. Giles, K. et al., The Russian Challenge. London: Chatham House, 2015. 72 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/field/field_document/20150605RussianChallengeGilesHansonLyneNixeySherrWoodUpdate.pdf

5. Ильичев А.В. Русофобский нарратив в исследованиях ведущих британских авторов по Второй мировой войне как фактор формирования мировоззрения современного британского общества // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. 2023. Т. 9, № 3. С. 85-107
6. Москаленко О. А., Ирхин А.А. Социально-экономическая модель хронотопа в имагологии: Россия в восприятии британцев // Диалог со временем. 2022. № 81. С. 18-34.
7. Москаленко, О. А. Визуальная мифологизация власти в англоязычном медиадискурсе как средство конструирования российской действительности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2020. Т. 6 (72), № 4. С. 33-52.
8. «Культуру отмены» в отношении России обсудили на ПМЭФ // Портал RG.RU. 18.06.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/06/18/kulturu-otmeny-v-otnoshenii-rossii-obsudili-na-pmef.html>

Сведения об авторах

Москаленко Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета

E-mail: kerulen@bk.ru

Ирхин Александр Анатольевич – доктор политических наук, заведующий кафедрой «Политические науки» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета

E-mail: alex.irhin@mail.ru

Moskalenko O. A., Irkhin A. A.

A MIRROR POLITICAL MYTH ABOUT RUSSIA: THE ROLE OF GREAT BRITAIN IN FORMING THE POSITION OF THE COLLECTIVE WEST ON THE INEVITABILITY OF WAR WITH RUSSIA

Abstract: *The article is devoted to the problems of constructing the image of Russia in the West in the context of formation of a new system of international relations. Based on analytical reports by a leading UK think tank, the authors identify Western political technologies used to quickly and effectively construct negative views on Russia, Russian society and Russian authorities, which serve to ensure consensus within Western countries when making political decisions. Three categories of Russian reality are identified, which are subject to adjustment in public socio-political discourse: type of power (including propaganda of disunity between the people and power in Russia), history (manipulation of historical truth, distortion of facts),*

information policy of Russia. The authors of the article show that by rewriting “myths” about Russia and Russians, the West first of all creates new myths about its own society, which are used to maintain consensus when making unpopular foreign policy decisions that affect the well-being of its citizens. The deep involvement of “thought factories” in determining national security strategies explains the translation of theses appearing in analytics not only in public political discourse, but also in doctrinal discourse.

Keywords: *mirror myth, image construction, Russia, Great Britain, Russophobia.*

References

1. Aleshin A.A. Rol' nauchnogo diskursa v transformacii strategii nacional'noj bezopasnosti Velikobritanii [Scientific Discourse in The UK National Security Strategy Transformation] // Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN. 2021. № 4. С. 72-84. DOI: 10.20542/afj-2021-4-72-84
2. McGann J. 2020 Global Go To Think Tank Index Report // TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. 2021. 18. [Electronic resource]. URL: <https://www.bruegel.org/sites/default/files/wp-content/uploads/2021/03/2020-Global-Go-To-Think-Tank-Index-Report-Bruegel.pdf>
3. Giles, K. et al., Myths and misconceptions around Russian military intent. London: Chatham House, 2022. 113 p. [Electronic resource]. URL: <https://policycommons.net/artifacts/2610392/myths-and-misconceptions-around-russian-military-intent/3632931/> on 10 Mar 2024. CID: 20.500.12592/m44tg1.
4. Giles, K. et al., The Russian Challenge. London: Chatham House, 2015. 72 p. [Electronic resource]. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/field/field_document/20150605RussianChallengeGilesHansonLyneNixeySherrWoodUpdate.pdf
5. Ilyichev A.V. Rusofobskij narrativ v issledovaniyah vedushchih britanskih avtorov po Vtoroj mirovoj vojne kak faktor formirovaniya mirovozzreniya sovremennogo britanskogo obshchestva [The Russophobic Narrative in the Studies of Leading British Authors on the Second World War as a Factor in the Formation of the Modern Worldview of British Society] // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. 2023. V. 9, № 3. P. 85-107
6. Moskalenko O. A., Irkhin A.A. Social'no-ekonomicheskaya model' hronotopa v imagologii: Rossiya v vospriyatii britancev [A Socio-Economic Model of Chronotope: Russia in British Perception] // Dialog so vremenem. 2022. № 81. P. 18-34.
7. Moskalenko O. A. Vizual'naya mifologizaciya vlasti v angloyazychnom mediadiskurse kak sredstvo konstruirovaniya rossijskoj dejstvitel'nosti [Visual Mythologization of Power In English-Language Media as A Means of Construction of Russian Reality]// Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. 2020. T. 6 (72), № 4. P. 33-52.

8. «Kul'turu otmeny» v otnoshenii Rossii obsudili na PMEF [“Cancel culture” in relation to Russia was discussed at SPIEF] // Portal RG.RU. 18.06.2022. [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2022/06/18/kulturu-otmeny-v-otnoshenii-rossii-obsudili-na-pmef.html>

Moskalenko Olga Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Theory and Practice of Translation Department of Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University.

E-mail: kerulen@bk.ru

Irkhin Aleksandr Anatolievich – Doctor of Political Science, Head of the Department of Political Science of Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University.

E-mail: alex.irhin@mail.ru

УДК 327.8

DOI: 10.37279/2413-1695-2024-10-1-110-120

СИМВОЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ВЕНЧАНИЯ ГЕОРГИЯ РОМАНОВА

Парубин К. О.

***Аннотация:** Предметом настоящей статьи является сущность политического символизма в современном политическом процессе России на примере события венчания Георгия Романова, как символа монархической идеи в России. Проведён анализ реакции различных политических сил на этот символический акт политического процесса. На примере венчания Георгия Романова рассмотрена политическая реакция церковных, светских, административных, а также зарубежных кругов на данное явление политического процесса.*

***Ключевые слова:** политический символ, российский политический процесс, монархическая идея, венчание Георгия Романова, Россия.*

Политический процесс определяется как последовательная и продолжительная по времени смена состояний политической системы и ее подсистем либо изменение в них отдельных элементов, которые совершаются под влиянием внутренних и внешних условий жизни общества [1, с. 391]. При этом необходимо понимать, что сфера политики не может быть хаотичной, а направляется её основными двигателями – субъектами политической деятельности. Сам субъект не способен привести в движение какой-либо процесс без наличествующих ресурсов и инструментария. К тому же действия политического субъекта должны иметь определённую цель, выраженную в символах. Таким образом, политический процесс характеризуется следующими параметрами: субъектом действия, ресурсной базой, инструментами и символами.

Само слово «символ» буквально с древнегреческого (σύμβολον) означает условный знак, сигнал. В. Гегель определял символ как «непосредственно наличное или данное для созерцания внешнее существование, которое не берется таким, каким оно непосредственно существует ради самого себя, а должно пониматься в более широком и общем смысле» [2, с. 14]. Он же различал две стороны символа: смысл и выражение этого смысла. Советский философ А.Ф. Лосев полагал, что символ – это не просто знак тех или иных предметов, он заключает в себе обобщённый принцип дальнейшего развертывания, свернутого в нем смыслового содержания [3]. А немецкий философ Э. Кассирер даже определял человека как «животное символическое» [4]. Таким образом, символ играет существенную роль в нашей жизни, а в политике – одну из ведущих.

Как и в других сферах деятельности человека, в политическом процессе существует свой мир символов. При этом нужно заметить, что если символ в некоторых сферах

человеческой деятельности может существовать сам по себе (мёртвые языки, неразгаданные знаки и т.д.), то одной из основных особенностей символа в политической сфере является то, что символикой возможно владеть только коллективно.

Мир политических символов имеет свой язык, своё развитие, а также свою динамику и актуальность. В зависимости от политической обстановки в государстве и мире, происходит снижение и повышение актуальности политических символов. При активизации политических процессов, актуальность символов повышается и, наоборот, при снижении политического взаимодействия можно наблюдать падение интереса к политическим символам.

Так как символ – это знак, а любая коммуникация – система знаков, посредством которых люди оказывают влияние друг на друга, то политический символ обладает информационно-коммуникативной функцией. При этом символ несет в себе гораздо больше информации, чем любая другая информационная единица.

Более точно политическую символику можно описать через её функции.

Во-первых, это функция политической идентификации, при которой различным политическим символам даётся определённая интерпретация. Её принятие и последующая идентификация себя на этой основе выводит разрозненных индивидов в определённую общность, по которой они могут узнавать (идентифицировать) друг друга.

Во-вторых, это мобилизационная функция, при которой символ объединяет людей в единый социально-политический организм, придавая им в момент использования символа внутренние силы и веру в успех собственной политической деятельности.

В-третьих, манипулятивная функция, которая заключается в том, чтобы выстроить и подать политические сигналы таким образом, чтобы заставить определённые политические силы реагировать на предъявляемые символы в нужном для источника сигнала направлении.

В-четвёртых, функция исторической преемственности заключается в том, что через символы передаются традиции, подчеркивается связь с историческим прошлым транслятора политических символов, обеспечивается создание образа исторической преемственности и непрерывности политического процесса.

Необходимо уточнить, что любого исследователя будет интересовать тот «политический коллектив», который не просто претендует на какие-либо достижения, но и способен реализовывать свои политические амбиции. То есть такой политический коллектив, который обладает субъектностью. Обладающий субъектностью политический коллектив, для краткости, будем называть элитными группами.

Стоит заметить, что поскольку символика служит языком политики, то символы, создаваемые политическими субъектами, при верной интерпретации, позволят более точно понять вектор политического процесса в стране. Так, например, быстрое чередование символов на политическом горизонте говорит о нарастающей борьбе элитных групп.

Говоря об участии элитных групп в политических процессах, хотелось бы размежевать политические коллективы на те, которые лишь заявляют свои политические претензии и те, которые способны реализовать свои амбиции – «импотентные» и облада-

ющие субъектностью, соответственно. Обозначив это, необходимо указать на тот факт, что в политической жизни часто происходит процесс использования политических сил, не имеющих собственного потенциала, для реализации своих амбиций одними элитными группами в отношении других элитных групп. В связи с этим в политической жизни можно встретить такое явление: незначительный («импотентный») политический коллектив навязывает свою символику (со всеми перечисленными функциями) политическим субъектам несоизмерно более сильным, чем он сам. Так выглядит процесс, когда за выдвинутой символикой слабых политических коллективов стоят значительные по своему влиянию политические субъекты.

В качестве наиболее ярких примеров описанного явления – навязывания политических символов импотентными политическими коллективами – можно привести:

- «цветные революции» в арабском мире в 2011–2012 годах, где малая группа навязала свои либерально-демократические символы традиционной власти, опирающейся на большинство исламского населения, которому не свойственны ни демократические, ни либеральные ценности;

- в «цветных революциях», проходивших в странах СНГ, малыми группами была дана интерпретация демократических ценностей, несовпадающих с реальностью, и навязаны определённые символы политическим субъектам, обладающим полнотой власти как силовой, так и административной;

- в ходе государственного переворота 2014 года на Украине действующей власти и большинству населения страны, стремящемуся к демократизации, малыми группами были навязаны неприемлемые нацистские символы.

Разбирая сферу политических символов, необходимо обратить внимание на их свойство, при котором не всегда, но часто персонажи и их действия носят редуцированный характер. В связи с этим не рекомендуется ни самих персонажей, ни их действия рассматривать буквально. Важно отметить, что среди всего многообразия персонажей и их действий нельзя потерять сам символический акт, который способен превратить персонаж в феномен, а его действия – в элемент политической игры.

Контекстно необходимо указать, что в современной России идёт борьба за выбор политического пути дальнейшего развития. Проблематика преемственности власти, а также закрепления положения элит, сформированных в постсоветскую эпоху, выделила в этой борьбе сторонников монархической формы правления в качестве одной из противоборствующих групп. Эта группа ориентирована на расширение возможностей влияния на всех участников политического процесса.

Как справедливо указано в диссертации Н.Н. Виноградовой «Коронации в России второй половины XIX века как общественно-политическое явление», современные исследователи предлагают рассматривать монархию как некое автономное пространство, отдельный политический субъект или определённую систему символов. При таком анализе невозможно избежать обращения к изучению атрибутов империи и их своеобразия в России. К примеру, основными атрибутами православной империи являются ее церемонии (и в частности, обряд коронации). Исследование церемоний, традиций,

правил и норм поведения, существующих при дворе, позволяет лучше понять российскую монархию. Неразрывно с этими вопросами связаны проблемы презентации власти и восприятия транслируемого образа власти [5, с 102].

Важной вехой в этом контексте, с точки зрения игры символических актов, является событие венчания представителя рода Романовых – Георгия Романова, заявляющего себя в качестве наследника Дома Романовых и Его Императорского Высочества, с гражданкой Италии – Ребеккой Беттарини.

Сам акт их бракосочетания состоялся в одном из московских ЗАГСов 24 сентября 2021 года. Он проходил скромно и практически незаметно для широкой публики. А венчание прошло 1 октября торжественно, с приглашением многих гостей и широким освещением в отечественных и иностранных СМИ: «Россия 24», телеканал «Звезда», НТВ, «РИА Новости», Газета.ru, РБК, «Московский комсомолец», ВВС и другие. Из этого следует, что важен был не факт бракосочетания, как формальная необходимость для венчания, а сам акт венчания, который *de jure* не играет никакой роли. Известно, что обстоятельство, при котором широко освещаемое событие не имеет юридического значения, является признаком символа. Соответственно, сам факт венчания необходимо рассматривать как символ. А то, что этот процесс был преподнесён организаторами и многими СМИ не как рядовое венчание молодожёнов, а как венчание потомка монархической династии, правившей в России более 300 лет, делает этот символ политическим с определённым окрасом.

Стоит обратить внимание на сопутствующие обстоятельства, которые не имеют прямого отношения к указанному акту венчания, но, тем не менее, определяют его как политический символ.

В традицию дома Романовых, как и других монархических домов, вошел обычай, впоследствии трактованный как претензия на престол, – вступление в брак. Так поступил Петр I в период политической борьбы с ветвью Милославских. Также Николай II, являясь наследником, женился через месяц после неожиданной кончины Александра III. И если бы женитьба Георгия Романова не была организована как символ, а некоторые СМИ и сами организаторы не именовали жениха как «Государя Наследника, Цесаревича и Великого Князя» [6], то не стоило бы обращать внимание на эту деталь. Однако соответствующее освещение в СМИ и присутствие многих представителей монархических домов не дают пройти мимо акта венчания именно как политического символа.

Знаменательно в данном случае и то, что его мать Мария Владимировна Романовна при замужестве в 1976 году не именовала себя цесаревной. Вообще, после отречения Николая II в 1917 году цесаревичами российского престола потомки из рода Романовых объявлялись лишь дважды: в 1924 году Кирилл Владимирович (предполагая неустойчивость советской власти) и в 1992 году – его правнук Георгий Михайлович.

Через месяц после венчания 31 октября 2021 года в интервью журналу «Goaga vetisyan» Георгий Романов заявил следующее: «Уверен, что государственная власть современной России не против статуса Императорского Дома принципиально, но размышляет над тем, в какой момент такой акт будет наиболее уместен. Всему своё время.

Иногда хочется, чтобы какие-то процессы развивались быстрее. Но любой плод должен созреть. Мы никуда не спешим» [7].

В венчании Георгия Романова символично внимание различных групп, которое они уделили самому акту.

Реакция церковных кругов проявилась в том, что венчание было произведено митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Варсонофием, что не свойственно для рядового случая. На венчании присутствовал митрополит Дубинский Иоанн, управляющий приходами русской традиции в Западной Европе, митрополит Костромской и Нерехтский Ферапонт (как символ выхода Романовых из Костромы). В числе почётных гостей на венчании присутствовал «любимый патриархом священник» – епископ Златоустовский и Саткинский Викентий [8]. На время мероприятия музей «Исаакиевский собор» временно закрывали для посетителей. Также на православном обряде присутствовали католический епископ и священники.

Представители светских кругов тоже приняли участие в церемонии. Присутствовали члены монархических семей из 20 государств, в том числе последний царь (1943–1946) и экс-премьер-министр Болгарии Симеон II из династии Саксен-Кобург-Готской (правящая в Бельгии и Великобритании), последний король Египта и Судана Ахмед Фуад II, присутствовали принц Лихтенштейна Рудольф и его супруга принцесса Тилсим.

Событие освещали центральные телеканалы и издания (российские: НТВ, «Звезда» и др.) и зарубежные (BBC), в том числе анонсировалось событие на канале «Россия 1» и информировали о нем наиболее популярные интернет-издания и каналы YouTube с многотысячными и миллионными аудиториями (Константин Сёмин, Dmitriy Puchkov, Бесогон TV и другие).

Предполагается, что большому количеству иностранных гостей, в условиях ковид-карантин, для того чтобы в короткий срок получить разрешение на въезд, пересечь границу и вернуться обратно было необходимо разрешение Министерства иностранных дел. Проведение торжества с большим количеством гостей (присутствовало только в одном соборе более 1,5 тысяч человек) в условиях запрета на массовые мероприятия предполагает поддержку нерядовыми сотрудниками МИД.

В проведении церемонии, как части мероприятия, было задействовано подразделение Министерства обороны Российской Федерации. Командование Западного военного округа обеспечило сопровождение мероприятия ротой почётного караула. Однако, обращают на себя внимание противоречивые интерпретации данного события. 6 октября РБК подаёт этот акт таким образом, что действия почетного караула рассматриваются не как официальные: «Во время церемонии в храме находились действующие военнослужащие в парадной форме, стоя по стойке «смирно». По окончании венчания они поприветствовали молодоженов, отсалютовав им саблями на крыльце храма» [9]. А секретарь Дома Романовых Закатов в интервью «Интерфаксу» описал ситуацию иначе: «В отношении участия почетного караула было дано соответствующее указание командующим войсками Западного военного округа. Присутствие почетного караула не нарушило никаких законов, норм, уставов и традиций. Только больные люди могут жаловаться на совершенно обычные и законные вещи. Это или

от злости, или от психического расстройства» [10]. Но в тот же день «ТАСС» сообщает о наказании за участие почётного караула в негосударственном мероприятии: «Должностные лица Западного военного округа, принявшие решение о привлечении почётного караула на церемонию венчания потомка дома Романовых Георгия Романова с гражданкой Италии Ребеккой Беттарини, привлечены к дисциплинарной ответственности по поручению министра обороны РФ генерала армии Сергея Шойгу. Об этом сообщил ТАСС источник в военном ведомстве» [11]. А после, агентство «Фонтанка.ру» сообщило об отсутствии привлечённых к дисциплинарной ответственности: «Попытки «Фонтанки» узнать имена наказанных Шойгу С.К. не привели к успеху. В департаменте массовых коммуникаций Минобороны сказали, что не владеют подобной информацией, пресс-служба Западного военного округа призналась, что поставлена в аналогичную позицию. В Главном военно-политическом управлении сообщили, что именно они были инициаторами проверки, но её итоги им неизвестны, имена «привлечённых к дисциплинарной ответственности» – тоже.

Офицеры штаба на Дворцовой и функционеры усадьбы на столичной Знаменке говорят, что не видели приказа о взыскании и что само его существование под большим вопросом» [12].

Рассматривая позицию президентской власти к мероприятию, стоит упомянуть высказывания пресс-секретаря президента. «У Кремля нет мнения по поводу венчания потомка династии Романовых Георгия Михайловича с Ребеккой Беттарини», – прокомментировал венчание пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков [13]. Однако дочь самого Дмитрия Пескова, Елизавета, на церемонии присутствовала. Также присутствовала член Совета Федерации Л. Нарусова.

Подобная концентрация внимания и разрозненность реакций различных представителей власти и общества на федеральном уровне указывают на прошедшее событие венчания Георгия Романова как на неординарное политическое мероприятие в России. Важно отметить, что не имеет значения, какого рода была реакция тех или иных лидеров общественного мнения и представителей элитных групп, в данном случае важно то, что сам акт венчания не оставил в стороне никого из них.

Если рассматривать венчание с точки зрения стремления представителей высших политических институтов поддержать любое начинание Георгия Романова, а также, учитывая их желание вписаться в элитные группы западноевропейских стран, нельзя не упомянуть о номинальном положении Георгия Романова. Он является прямым потомком двоюродного брата последнего российского императора Николая II, а также единственным сыном принца Прусского Франца-Вильгельма Гогенцоллерна, правнука кайзера Вильгельма II. А по линии своей прабабушки, принцессы Виктории Мелиты, также является потомком английской королевы Викторией и 140-м в порядке наследования британского престола [14].

Говоря о символической, а тем более политической, нельзя обойти стороной вопрос истории подающихся символов. Без рассмотрения исторической аллюзии символа нельзя будет в полной мере осветить вопрос венчания представителя российской царской династии в XXI веке как политического символа. Среди многих аллюзий внимания заслуживают, как минимум, три.

Первой исторической отсылкой рассматриваемого действия можно назвать сам факт события, как намёк на претензию на занятие престола. Не только в российской, но и в мировой истории сложилась традиция, заключающаяся в том, что, за единичными исключениями, на престол не может взойти неженатый или бездетный человек. Таким образом венчание монарха часто предшествовало вступлению на престол или объявлению претензии на него.

Обращает на себя внимание и происхождение невесты, а также присутствие священников католической церкви в православном обряде. Ни представителей англиканской, ни протестантской, ни исламской или какой-либо иной конфессии на церемонии замечено не было. В связи с этим возникает отсылка к тому периоду времени, когда Ватикан уже присылал «в царицы» невесту – Зою (Софью) Палеолог, вышедшую замуж за Великого князя Московского Ивана III Васильевича.

Третьей аллюзией является выбор места венчания. За всю историю России венчание в Исаакиевском соборе царской четы проходило лишь однажды: в 1712 году – венчание Петра I и Марты Скавронской (Екатерины I). Петру I тогда тоже было 40 лет.

Привлекает также внимание и ещё один акт венчания, другого потомка императорской династии Романовых, вице-президента Объединения членов рода Романовых Ростислава Ростиславовича Романова с Фотеини Марисей Кристиной Георгантой в православном соборе Александра Невского в Париже 12 сентября 2021 года. Примечательно, что их свадьба состоялась ещё в 2019 году в Великобритании, а венчание – за две недели до венчания Георгия Романова.

В данном случае обращает на себя внимание тот факт, что таких высоких гостей, как на венчании Георгия Романова, не было, а из представителей российской власти на ужине перед венчанием присутствовал лишь российский посол во Франции Алексей Мешков. К тому же, как заявляет журнал «Tatler», обвенчаться Ростислав Романов изначально хотел в Санкт-Петербурге еще летом 2020-го, но в планы вмешались все известные обстоятельства. Достойной альтернативой стал Париж» [15].

Настолько частое чередование венчаний Романовых на языке политических символов является сигналом обострения противоречий между разными ветвями российской монархической династии. Чем оно вызвано, какова природа такого «совпадения», вопрос требует отдельного рассмотрения.

Подводя итог, следует обозначить ряд значимых моментов.

Во-первых, необходимо отметить, что в настоящее время на политическом поле России происходит демонстрация различных политических символов: от установления памятника Ф. Дзержинскому и строительства Соборной мечети в Крыму до венчания потомка династии Романовых и установления памятника А. Солженицыну. Подобное чередование разнонаправленных символов на политическом поле России говорит об обострении борьбы между элитными группами.

Во-вторых, в соответствии с обозначенными выше функциями, событие венчания Георгия Романова рассматривается как политический символ:

- мероприятие определялось как венчание наследника российской монархической

династии с соответствующими атрибутами, что позволяет идентифицировать его участников как приверженцев монархической идеи, независимо от занимаемой политической позиции в настоящий момент;

- рассматриваемое событие широко освещалось и не оставило в стороне и противников монархической идеи, что заставило мобилизоваться сторонников монархии. К тому же, организация такого масштабного мероприятия вынудила мобилизовать имеющиеся ресурсы представителей династии;

- акт венчания Георгия Романова явился своего рода сигналом, который вызвал реакцию различных политических групп: от сочувствующих до противников. Освещение мероприятия, как в отрицательном, так и в положительном ключе, оживило монархическую тематику в России, что в конечном итоге сыграло в пользу сторонников монархии;

- венчание потомка рода Романовых проходило впервые с начала прошлого века, к тому же – в Исаакиевском соборе, в котором венчался российский царь Петр I, что явно адресует к исторической преемственности Дому Романовых, подчеркивая связь с историческим прошлым.

В-третьих, придавать политическую значимость главным участникам мероприятия, как субъектам политической игры, будет ошибочно. Однако, как было указано, за некоторыми «импотентными» политическими группами могут стоять значительные политические субъекты. Анализ материалов, выложенных в публичный доступ, позволяет очертить контур такого политического субъекта.

В постсоветский период некоторыми элитными группами при реализации политики игнорируется ближайший по времени – советский – опыт государственного строительства: происходит аргументация единоначалия с точки зрения монархии с игнорированием принципов советского государства. Ряд политиков заимствуют из монархии модель социального строительства по принципу общины как наиболее эффективную, по сравнению с принципами советского строительства; на законодательном уровне были попытки возвращения понятия «поместья» [16].

С учётом развившихся методов как политической теории, так и технических средств реализации государственной власти, более логичным было бы опереться на опыт советского прошлого, чем адресовать к опыту царской России.

Освоение монархической тематики представителями элитных групп открывает обширный спектр организаций: от подразделений боевого порядка до исследовательских организаций за рубежом; от антиправительственных организаций до проправительственных партий.

После развала Советского Союза основным стремлением российской элиты было вхождение в западную цивилизацию. Основой вхождения стало экономическое сотрудничество на самых разных уровнях, но по всей видимости, некоторые элитные группы считают более важным в этом процессе связи со старой аристократией Европы. Широкие возможности в этом плане предоставляются организаторам мероприятия, на котором присутствовали многие представители европейских династий.

Список литературы

1. Мельвиль А. Ю. Политология: учеб. / Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России. – М.: ТК Велби, «Издательство Проспект», 2008. – С. 407
2. Гегель Г.В. Эстетика. Т. 2. – М.: «Искусство», 1969. – 326 с.
3. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд. испр. – М.: «Искусство», 1995. – 320 с.
4. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры (Перевод Муравьев А.Н.). // Проблема человека в западной философии. / Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. Москва : Издательство «Прогресс», 1988. – С.3–30.
5. Виноградова Н.Н. Коронации в России второй половины XIX века как общественно-политическое явление: дис. канд. историч. наук: 07.00.02 / Виноградова Наталья Николаевна. – Волгоград, 2004. – 241 с.
6. Великий князь Георгий Романов обвенчался в Петербурге. URL: <https://rg.ru/2021/10/01/reg-szfo/velikij-kniaz-georgij-romanov-obvenchalsia-s-nevestojv-peterburge.html> (Дата обращения 02.05.2022)
7. Цесаревич Георгий Михайлович Романов в контакте. Великий князь Георгий Романов: Могу жениться и на Золушке! URL: <https://goaravetisyan.ru/cesarevich-georgii-mihailovich-romanov-v-kontakte-velikii-knyaz-georgii/> (Дата обращения 02.05.2022)
8. Любимого патриархом челябинского священника повысят в Екатеринбурге URL: <https://ura.news/articles/1036275375> (Дата обращения 02.05.2022)
9. Шойгу наказал военных из-за почетного караула на венчании Романовых. URL: <https://www.rbc.ru/society/06/10/2021/615da2a49a7947e3c2ce422c> (Дата обращения 02.05.2022)
10. Дом Романовых заявил, что участие военных в церемонии венчания было согласовано. URL: <https://www.interfax.ru/russia/795723> (Дата обращения 02.05.2022)
11. Шойгу привлек к ответственности выделивших караул на венчание Романова URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/12594375?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru (Дата обращения 02.05.2022)
12. «Он, конечно, виноват, но он – не виноват!» Как Шойгу наказал ЗВО за роту почетного караула URL: <https://www.fontanka.ru/2021/10/07/70179233/> (Дата обращения 02.05.2022)
13. Почётный караул на венчании в Петербурге был согласован – «Дом Романовых» URL: <https://regnum.ru/news/society/3391495.html> (Дата обращения 02.05.2022)
14. Историк намекнул, кто мог организовать помпезное венчание потомка Романовых в Исаакиевском соборе URL: <https://dailystorm.ru/hayp/istorik-nameknul-kto-mog-organizovat-pompezhnoe-venchanie-potomka-romanovyh-v-isaakievskom->

- sobore?ysclid=l2pulcw9fn (Дата обращения 02.05.2022)
15. Как прошла парижская свадьба потомка императорской династии Ростислава Романова URL: <https://www.tatler.ru/heroes/kak-proshla-parizhskaya-svadba-potomka-imperatorskoj-dinastii-rostislava-romanova?ysclid=l2pvprfpy7>(Дата обращения 02.05.2022)
  16. Внесение законопроекта в Государственную Думу. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/87131-8> (Дата обращения 27.10.2023)

Сведения об авторе

Парубин Константин Олегович – аспирант кафедры политических наук и международных отношений института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

E-mail: odinokov_80@mail.ru

Parubin K. O.

THE WEDDING OF GEORGY ROMANOV AS A SYMBOLIC ACT OF THE RUSSIAN POLITICAL PROCESS

***Abstract:** The subject of this article is the political reaction in Russia to the wedding ceremony of the head of the Romanov Imperial House as a symbol of the formation of the monarchical idea in Russia. The analysis of the reaction of various political forces to the perfect symbolic act of the political process is carried out. On the example of the wedding of Georgy Romanov, the political reaction of church, secular, administrative, as well as foreign circles as an important phenomenon of the political process is considered.*

***Keywords:** wedding of Georgy Romanov, Russian political process, monarchical idea.*

References

1. Mel'vil' A. YU. Politologiya: ucheb. / Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij (U) MID Rossii. – М.: ТК Велби, «Izdatel'stvo Prospekt», 2008. – С. 407
2. Gegel' G.V. Estetika. T. 2. – М.: «Iskusstvo», 1969. – 326 s.
3. Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. – 2-e izd. ispr. – М.: «Iskusstvo», 1995. – 320 s.
4. Kassirer E. Opyt o cheloveke: Vvedenie v filosofiyu chelovecheskoj kul'tury (Perevod Murav'ev A.N.). // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii. / Perevody / Sost. i poslesl. P.S. Gurevicha; Obshch. red. YU.N. Popova. Moskva : Izdatel'stvo «Progress», 1988. – С.3–30.
5. Vinogradova N.N. Koronacii v Rossii vtoroj poloviny XIX veka kak obshchestvenno-politicheskoe yavlenie: dis. kand. istorich. nauk: 07.00.02 / Vinogradova Natal'ya

- Nikolaevna. – Volgograd, 2004. – 241 s.
6. Velikij knyaz' Georgij Romanov obvenchalsya v Peterburge. URL: <https://rg.ru/2021/10/01/reg-szfo/velikij-kniaz-georgij-romanov-obvenchalsia-s-nevestoj-v-peterburge.html> (Data obrashcheniya 02.05.2022)
  7. Cesarevich Georgij Mihajlovich Romanov v kontakte. Velikij knyaz' Georgij Romanov: Mogu zhenit'sya i na Zolushke! URL: <https://goaravetisyan.ru/cesarevich-georgii-mihailovich-romanov-v-kontakte-velikii-knyaz-georgii/> (Data obrashcheniya 02.05.2022)
  8. Lyubimogo patriarhom chelyabinskogo svyashchennika povysyat v Ekaterinburge URL: <https://ura.news/articles/1036275375> (Data obrashcheniya 02.05.2022)
  9. SHojgu nakazal voennyh iz-za pochetnogo karaula na venchanii Romanovyh. URL: <https://www.rbc.ru/society/06/10/2021/615da2a49a7947e3c2ce422c> (Data obrashcheniya 02.05.2022)
  10. Dom Romanovyh zayavil, chto uchastie voennyh v ceremonii venchaniya bylo soglasovano. URL: <https://www.interfax.ru/russia/795723> (Data obrashcheniya 02.05.2022)
  11. SHojgu privlek k otvetstvennosti vydavivshih karaul na venchanie Romanova URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/12594375?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru (Data obrashcheniya 02.05.2022)
  12. «On, konechno, vinovat, no on – ne vinovat!» Kak SHojgu nakazal ZVO za rotu pochetnogo karaula URL: <https://www.fontanka.ru/2021/10/07/70179233/> (Data obrashcheniya 02.05.2022)
  13. Pochyotnyj karaul na venchanii v Peterburge byl soglasovan – «Dom Romanovyh» URL: <https://regnum.ru/news/society/3391495.html> (Data obrashcheniya 02.05.2022)
  14. Istorik nameknul, kto mog organizovat' pompezhnoe venchanie potomka Romanovyh v Isaakievskom sobore URL: <https://dailystorm.ru/hayp/istorik-nameknul-kto-mog-organizovat-pompezhnoe-venchanie-potomka-romanovyh-v-isaakievskom-sobore?ysclid=l2pulcw9fn> (Data obrashcheniya 02.05.2022)
  15. Kak proshla parizhskaya svad'ba potomka imperatorskoj dinastii Rostislava Romanova URL: <https://www.tatler.ru/heroes/kak-proshla-parizhskaya-svadba-potomka-imperatorskoj-dinastii-rostislava-romanova?ysclid=l2pvprfpy7> (Data obrashcheniya 02.05.2022)
  16. Vnesenie zakonoproekta v Gosudarstvennyu Dumu. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/87131-8> (Data obrashcheniya 27.10.2023)

Parubin Konstantin Olegovich – post-graduate student of the Department of Political Science and International Relations of the Institute «Tauride Academy», V.I. Vernadskiy Crimean Federal University.

E-mail: odinokov_80@mail.ru

УДК 329.78(47)

DOI: 10.37279/2413-1695-2024-10-1-121-130

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ ЕДИНОЙ РОССИИ» С МОЛОДЕЖЬЮ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ганжа Н. С.

Аннотация: Статья посвящена исследованию форм и направлений взаимодействия «Молодой Гвардии Единой России» с молодежью как на федеральном уровне, так и на уровне Иркутской области. Объектной областью исследования является широкая палитра взаимодействия структур гражданского общества с политическими партиями и их молодежными объединениями, которые в определенной мере выполняют роль посредника между социумом и государством в широком смысле. К предмету исследования отнесены формы и направления взаимодействия молодежи и «Молодой Гвардии Единой России» (далее МГЕР) на федеральном уровне и в Иркутской области, выявление их региональных особенностей, проблем, а также оценка эффективности их взаимодействия с избирателями. Хронологические рамки, на которые распространяется исследование – период с 2012 по 2022 гг. В качестве эмпирического материала использованы также данные опроса молодежи, проживающей на территории Иркутской области. На основе полученных данных сформулированы выводы об эффективности работы исследуемой общественно-политической организации, выявлены направления развития взаимодействия молодежи и МГЕР, уровень ее интеграции с молодежью, а также открытости организации для граждан. В целом можно констатировать, что деятельность МГЕР успешно реализуется в таких направлениях, как формирование гражданской и патриотической активности среди молодежи, развитие лидерских качеств, а также оказание помощи населению в решении разнообразных социальных проблем. Социологический срез анализа предмета исследования свидетельствует, что работа МГЕР нуждается в корректировке. Молодежь в своем большинстве не сформировала строго положительного отношения к данной организации, что создает значительное поле для активной общественно-политической работы в будущем.

Ключевые слова: партия, молодежь, социальный институт, политическая власть, партийная система.

В Российской Федерации, начиная с 2000-х гг. партийная система претерпела серьезную эволюцию. В 2012 г. резко выросло количество политических партий: с 8 до 47. Рост количества политических партий продолжался и в дальнейшем. В 2013 г. было зарегистрировано еще 24 партии, в 2014 г. – 8, в 2015 г. – 4 партии, в 2016 г. – 3. После небольшого трехлетнего перерыва (с 2017 по 2019 гг.) в 2020 г. были зарегистрированы

еще 4 партии. При этом стоит отметить, что с 2019 г. на основании введения нормы о ликвидации партии, если она в течение семи лет не принимает участие в выборах, началось сокращение их количества. По состоянию на 31 декабря 2022 г. в России зарегистрировано 32 политические партии. 30 из них могут принимать участие в выборах. Пик роста партий пришелся на 2012–2014 гг. [14].

Одновременно с этим шел поиск законодательных решений по регулированию деятельности политических партий, вносились поправки в федеральные законы. Несмотря на определенные усилия, создать модель, при которой партии действительно являлись бы проводниками укрупненных интересов в политическую сферу, реализовать в полной мере не удалось. Политические и общественно-политические объединения были и остаются в большей мере борцами за политическую власть и в меньшей степени являются проводниками интересов различных социальных групп. Следовательно, налаживание гармоничного сотрудничества государства и населения через политические партии остается нереализованной задачей. Как следствие большая часть современной молодежи самоустранилась от политической жизни страны, не высоким остается и уровень ее политической компетентности.

Политическая грамотность является важным элементом сознания современного молодого поколения. Ее формирование напрямую связано не столько с социальными институтами, сколько с политическими партиями. Существует тесная взаимосвязь между развитием взаимодействия общества с властью и повышением политической информированности населения через эффективное вовлечение граждан в деятельности партий. В то же время можно констатировать сохранение политической дистанции между интересами молодежи и их отражением в деятельности российских политических партий.

Исследование форм взаимодействия общества и партий несомненно представляет научный интерес, однако изучение вопроса затрудняется невысокой прозрачностью деятельности партий, а также бюрократическими барьерами. Общие теоретико-методологические аспекты о политической власти и партийной системе изложены в работах отечественных ученых Т.А. Алексеевой [1], Ю.М. Батурина [2], А.В. Дмитриева [3], В.В. Крамника [4], В.Г. Ледяева [5]. В них рассматриваются и отдельные вопросы способов и форм взаимодействия политических партий и общественных групп в целях решения современных социальных проблем.

В советский период исследование партийной системы в основном осуществлялось в рамках требований марксистско-ленинской идеологии. Отступление от ее установок рассматривалось как несовместимое с государственными интересами. Независимо от этого можно назвать значительный круг исследователей, которые внесли определенный вклад в теоретическую разработку проблем партийности: Р.П. Алексюк [8], Н.М. Кейзеров [9], И.М. Степанов [10], Ю.А. Тихомиров [11]. В основном в перечисленных работах рассматривается связь властных отношений с обществом через коммунистическую партию, а также роль в этих отношениях идеологии.

В работах Д.Ю. Знаменского [12] и М.Ю. Милованова [13] излагается теоретическое обоснование деятельности общественных движений и, что очень важно, приводятся прак-

тические примеры партнерства политических партий и общества, обосновывается ресурс их взаимодействия в процессах модернизации властных и общественных институтов.

В целом историография партийной системы объемна и многопланова, однако партийная система постоянно эволюционирует, подвержена влиянию социальных, экономических, политических и культурных факторов, в различной степени затрагивает и отражает интересы тех или иных групп населения, в том числе и молодежи, поэтому данная тема всегда остается открытой для исследователей.

В Иркутской области открыты региональные отделения 29 партий. К наиболее многочисленным из них следует отнести: КПРФ, ЛДПР, Единая Россия, Справедливая Россия, Казачья партия и т.д. Деятельность политических партий, помимо участия в выборах, весьма разнообразна. Это отчетливо заметно, исходя из анализа мероприятий, в которых участвуют или которые проводят партии. Например, только «Единая Россия» реализует в Иркутской области целый комплекс мероприятий в молодежной среде. Наиболее значимыми из них являются проект для школьников «Мир возможностей» и проекты в области популяризации спорта «За самбо», «Детский спорт», «Здоровое будущее». Ряд проектов направлен на формирование у населения финансовой грамотности и азов бизнеса («Школа грамотного потребителя», «Школа предпринимательства»). Партией реализуются также такие проекты как «Защита животного мира», «Зелёная экономика», «Чистая страна», «Цифровая Россия» [15].

В реализации этих форм деятельности и направлений взаимодействия с населением значительная роль отводится молодежному крылу партии «Молодая гвардия», из числа которых и посредством деятельности которых привлекаются множество волонтеров и активистов из числа молодёжи.

«Молодая Гвардия Единой России» официально существует с ноября 2005 г. (де-факто с апреля 2000 г. в качестве организации «Молодежное единство»), представлена региональными отделениями и местными отделениями во всех 89 российских регионах. В среднем на каждое региональное отделение у МГЕР приходится по 2 тыс. активистов. Юридически «Молодая Гвардия Единой России» является самостоятельной организацией, независимой от какой-либо другой структуры, в том числе и от «Единой России». Но само название «Молодая Гвардия Единой России» исключает ее политическую независимость и фиксирует ее как молодежное звено именно определенной политической партии.

Целью создания данной общественно-политической организации заявлено воспитание у молодежи чувства патриотизма и гордости за свою страну; создание условий для межнационального и межконфессионального общения молодежи с целью укрепления российской государственности, а также содействие формированию молодежной культуры, правовой культуры у молодежи, повышению ее образовательного, интеллектуального и профессионального уровня [16].

В сфере деятельности МГЕР представлен широкий круг интересов – от реализации молодежных инициатив до политической активности и общественной работы. Молодая Гвардия активно поддерживает партию «Единая Россия» на выборах, в избирательных компаниях и различных политических мероприятиях. Одним из важнейших направле-

ной деятельности МГЕР является реализация волонтерских акций с целью оказания помощи нуждающимся, а также улучшению инфраструктуры и городской среды.

В конце 2010 г. прошел съезд «Молодой Гвардии Единой России», в результате которого был изменен устав и полностью поменялось руководство. Во главе МГЕР встала совершенно новая команда, руководимая бывшим пресс-секретарем Бориса Грызлова (в 2003–2011 гг. – спикер Госдумы РФ) Тимуром Прокопенко. За это время была налажена работа организации, восстановлено ее присутствие в СМИ, увеличилось количество участников. В настоящее время численность членов МГЕР составляет более 150 тыс. чел., в т.ч. в Иркутской области – более 2 тыс. человек.

В 2022 г. около полутора тысяч членов МГЕР осуществляли волонтерскую миссию на новых российских территориях. Добровольцы из МГЕР оказывали помощь вынужденным переселенцам из Донбасса, Запорожской и Херсонской областей. Только за шесть дней работы в Анапе, Джанкое и Красноперекопске волонтеры «Молодой Гвардии Единой России» и «Волонтерской Роты» оказали помощь 5 тысячам жителей Херсонской области. Иркутское отделение партии также активно участвовало в этих акциях.

240 иркутских волонтеров – членов МГЕР – круглосуточно помогали раненым в больнице интенсивного лечения в Мариуполе, организовали спортивные мероприятия для детей (турнир по самбо в Мариуполе, мастер-классы и турниры по боксу в Мариуполе и Шахтерске). Активисты из «Молодой Гвардии Единой России» оказали необходимую помощь более 7 тыс. семей мобилизованных граждан по всей России. В оказании этой помощи участвовали более 760 человек из региональной организации МГЕР по Иркутской области.

Анализ деятельности МГЕР за 2022 г. свидетельствует о том, что, с одной стороны, уменьшилась медийная активность организации, сократилось число политических акций и информационных кампаний. С другой стороны, МГЕР организовали несколько новых проектов, посвященных проблемам российского студенчества, которые и стали, пожалуй, основным направлением деятельности «молодогвардейцев». Таким образом, на современном этапе развития у «Молодой Гвардии Единой России» акцент делается на усилении социальной работы среди молодежи и населения, иногда в ущерб политической активности. Молодая гвардия принимает участие в решении важных социальных вопросов, в том числе оказывает помощь в подготовке детей к школе для нуждающихся семей, проводит акции в поддержку российских военных, контролирует ход капитальных ремонтов на важных объектах инфраструктуры, участвует в обсуждении государственных программ Приангарья по молодежной политике.

Для изучения форм взаимодействия Молодой Гвардии с молодежью в Иркутской области был проведен социологический опрос «Отношение молодежи к российской партийной системе и к организации «Молодая гвардия». Количество опрошенных составило 42 чел., из которых 24% составили мужчины и 76% женщины в возрасте от 18 до 35 лет. По данным проведенного исследования, можно отметить ряд негативных тенденций в развитии партийной системы региона. Значительная часть респондентов считает, что деятельность партий в регионе активизируется лишь перед выборами, при

этом около 40% респондентов не имеют отчетливых политических взглядов и не соотносят свою позицию с партийными идеями. В целом деятельность партий в регионе респондентами оценивается либо негативно, либо не вызывает интереса. Большинство опрошенных также считают, что партии не влияют на развитие региона.

В то же время результаты опроса свидетельствуют о том, что респонденты имеют достаточные знания о политической ситуации в регионе, акцент в ответах делается на отсутствие в регионе доминирующей партии, политическая борьба в основном ведется между представителями «Единой Россией» и «КПРФ». Большинство опрошенных регулярно сталкиваются с теми или иными формами работы партий в регионе.

С точки зрения опрошенных, основными недостатками МГЕР по вопросам взаимодействия с обществом являются отсутствие прозрачности деятельности организации (48%), высокие бюрократические барьеры (12%), недоучет мнения молодежи по вопросам, решаемым организацией (32%), а также наличие политических барьеров между организацией и молодежью (50%) (рис. 1).

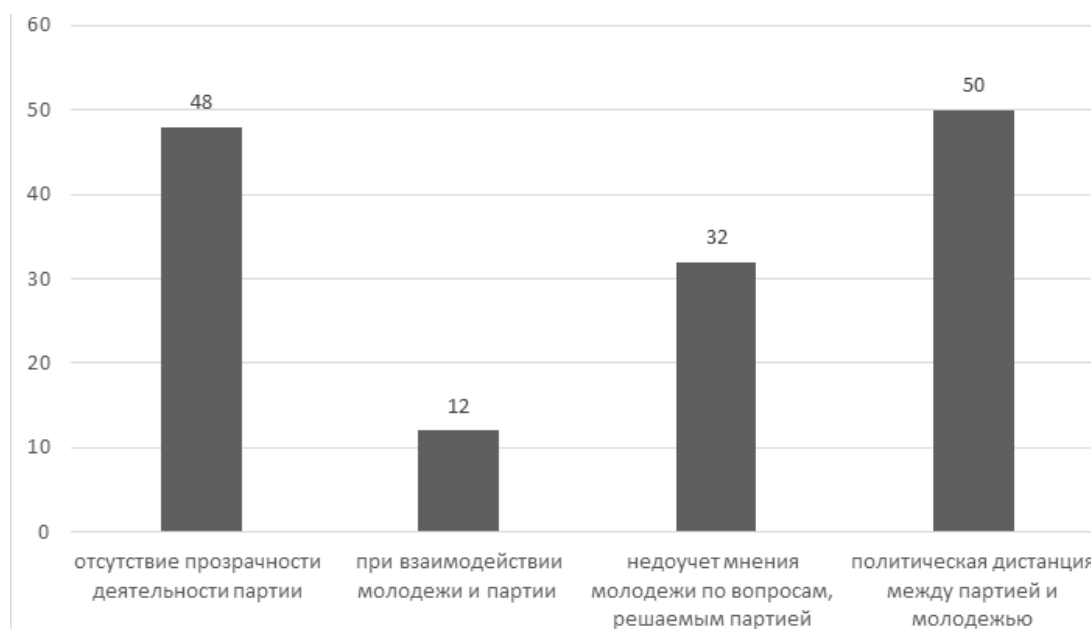
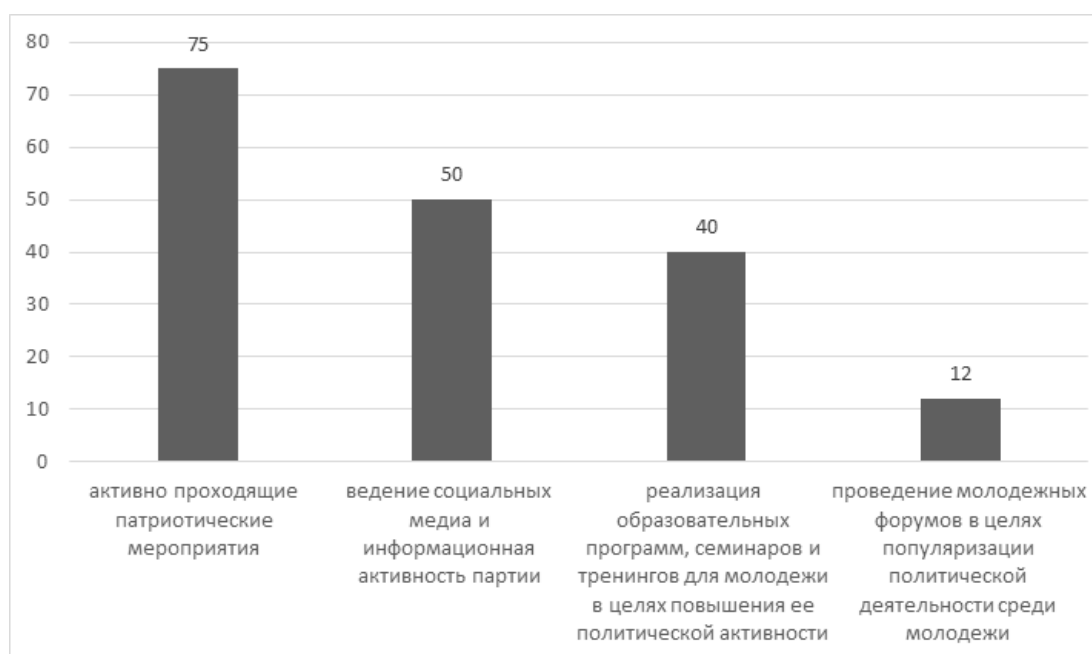

Рис. 1. Недостатки деятельности партии «Молодая Гвардия Единой России» в Иркутской области, по мнению респондентов молодежной возрастной когорты, %

К положительным аспектам деятельности МГЕР в регионе за последние 10 лет, согласно данным опроса, можно отнести активно проходящие патриотические мероприятия (75%), ведение социальных медиа и информационную активность (50%), реализацию образовательных программ, семинаров и тренингов для молодежи в целях повышения ее политической активности (40%), проведение молодежных форумов в целях популяризации политической деятельности в молодежной среде (12%) (рис. 2).

Рис. 2. Положительные характеристики деятельности МГЕР в Иркутской области, по мнению респондентов молодежной возрастной когорты, %

Таким образом, анализ деятельности МГЕР свидетельствует о наличии достаточно разноплановой работы по направлениям и формам реализации в молодежной среде. При этом положительный общественный резонанс получает деятельность организации, направленная на объединение молодых людей, разделяющих общие ценности и идеи партии «Единая Россия», их активное участие в политической жизни России. В целом можно констатировать, что деятельность МГЕР успешно реализуется в таких направлениях, как формирование гражданской и патриотической активности среди молодежи, развитие лидерских качеств, а также оказание помощи населению в решении разнообразных социальных проблем. Социологический срез свидетельствует о том, что работа «Молодой Гвардии Единой России» нуждается в корректировке. Молодежь в своем большинстве не сформировала однозначно положительного отношения к данной организации, что создает значительное поле для активной общественно-политической работы в будущем.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Власть и легитимность (эволюция немарксистских подходов в современной английской политической философии) / Т.А. Алексеева // Власть: философско-политические аспекты. – М.: Наука, 1989. – С. 110–133.
2. Батурин Ю.М. Власть и мера («точные методы») в англоамериканской политологии

- логии) / Ю.М. Батурич // Власть: Очерки современной политической философии Запада. – М.: Наука, 1989. – С. 128–148.
3. Дмитриев А.В. Политическая социология США / А.В. Дмитриев. – Л.: ЛГУ, 1971. – 287 с.
  4. Крамник В.В. Власть и мы: Ментальность российской власти традиции и новации / В.В. Крамник // Общество и политика. Современные исследования поиск концепций. – 2000. – №1. – С. 100–111.
  5. Ледаев В.Г. Современные партийные системы: аналитический обзор / В.Г. Ледаев // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. – 2000. – №1. – С. 10–16.
  6. Маркс К. Экономически-философские рукописи / Маркс К., Энгельс Ф. – М., 1956. – 533 с.
  7. Вебер М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер. – М.: 1990. – 683 с.
  8. Алексюк Р.П. Партия как общесоциологическая категория / Р.П. Алексюк. – Воронеж: ВЭУ, 1974. – 213 с.
  9. Кейзеров Н.М. Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий / Н.М. Кейзеров. – М.: Слово, 1973. – 422 с.
  10. Степанов И.М. Советская государственная власть / И.М. Степанов. – М.: ВИД, 1970. – 281 с.
  11. Тихомиров Ю.А. Власть и управление в социалистическом обществе / Ю.А. Тихомиров. – М., 1968. – 87 с.
  12. Знаменский Д.Ю. Участие политических институтов в формировании государственной политики в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-politicheskikh-institutov-v-formirovanii-gosudarstvennoy-politiki-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 16.12.2023).
  13. Милованова М.Ю. Партнерство политических партий и общественных объединений как социальная база модернизации современной России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2012. №2 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partnerstvo-politicheskikh-partiy-i-obschestvennyh-obedineniy-kak-sotsialnaya-baza-modernizatsii-sovremennoy-rossii-1> (дата обращения: 16.12.2023).
  14. Берлявский Л.Г. Характер современной партийной системы и конституционно-правовой статус политических партий в России / Л.Г. Берлявский, А. В. Махова // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2022. – № 1. – С. 162.
  15. Мосоликов С.А. Молодежная организация «Молодая Гвардия Единой России»: структура, этапы развития, направления деятельности // Постсоветский материк. 2016. №4 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-organizatsiya-molodaya-gvardiya-edinoy-rossii-struktura-etapy-razvitiya-napravleniya-deyatelnosti> (дата обращения: 08.11.2023).

16. Устав Молодой гвардии Единой России // Официальный сайт МГЕР URL: <https://mger.ru/gvardiya/>(дата обращения: 13.12.2023).

Сведения об авторе

Ганжа Никита Сергеевич – аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет.

E-mail: nikktoss@yandex.ru

Ganzha N. S.

THE MAIN DIRECTIONS AND FORMS OF INTERACTION OF THE YOUNG GUARD OF UNITED RUSSIA WITH YOUTH: A REGIONAL ASPECT

Abstract: *The article is devoted to the study of the forms and directions of interaction of the «Young Guard of United Russia» with youth both at the federal level and at the level of the Irkutsk region. The object area of the study is a wide range of interaction between civil society structures with political parties and their youth associations, which to a certain extent serve as an intermediary between society and the state in a broad sense. The subject of the study includes the forms and directions of interaction between youth and the «Young Guard of United Russia» (hereinafter MHER) at the federal level and in the Irkutsk region, identification of their regional characteristics, problems, as well as assessment of the effectiveness of their interaction with voters. The chronological framework covered by the study is the period from 2012 to 2022. Data from a survey of young people living in the Irkutsk region were also used as empirical material. Based on the data obtained, conclusions are formulated about the effectiveness of the work of the socio-political organization under study, the directions of development of interaction between youth and MHER, the level of its integration with youth, as well as the openness of the organization to citizens are identified. In general, it can be stated that the activities of MHER are successfully implemented in such areas as the formation of civic and patriotic activity among young people, the development of leadership qualities, as well as assistance to the population in solving various social problems. A sociological cross-section of the analysis of the subject of the study indicates that the work of the «Young Guard» needs to be adjusted. The majority of young people have not formed a strictly positive attitude towards this organization, which creates a significant field for active socio-political work in the future.*

Keywords: *Party, youth, social institution, political power, party system.*

References

1. Alekseeva T.A. Vlast' i legitimnost' (jevoljucija nemarksistskih podhodov v sovremennoj anglijskoj politicheskoj filosofii) [Power and Legitimacy (the evolution

- of non-Marxist approaches in Modern English Political Philosophy)] / T.A. Alekseeva // *Vlast': filosofsko-politicheskie aspekty*. – Moscow.: Nauka, 1989. – P. 110–133.
2. Baturin Ju. M. *Vlast' i mera («tochnye metody» v angloamerikanskoj politologii)* [Power and Measure («exact methods» in Anglo-American Political Science)] / Ju. M. Baturin // *Vlast': Oчерki sovremennoj politicheskoy filosofii Zapada*. – Moscow: Nauka, 1989. – P. 128–148
  3. Dmitriev A.V. *Politicheskaja sociologija SShA [Political Sociology of the USA]* / A.V. Dmitriev. – Leningrad: LGU, 1971. – 287 p.
  4. Kramnik V.V. *Vlast' i my: Mental'nost' rossijskoj vlasti tradicii i novacii* [The Government and us: The Mentality of the Russian government traditions and innovations] / V.V. Kramnik // *Obshhestvo i politika. Sovremennye issledovanija poisk koncepcij*. – 2000. – №1. – P. 100–111
  5. Ledjaev V.G. *Sovremennye partijnye sistemy: analiticheskij obzor* / V.G. Ledjaev [Modern Party Systems: an analytical review] // *Politicheskaja nauka v Rossii: intellektual'nyj poisk i real'nost'*. – 2000. – №1. – P. 10–16.
  6. Marks K. *Jekonomicheski-filosofskie rukopisi* [Economic and philosophical manuscripts] / Marks K., Jengel's F. – Moscow, 1956. – 533 p.
  7. Veber M. *Politika kak prizvanie i professija* [Politics as a vocation and profession] / M. Veber. – Moscow: 1990. – 683 p.
  8. Aleksjuk R.P. *Partija kak obshhesociologicheskaja kategorija* [The party as a general sociological category] / R.P. Aleksjuk. – Voronezh: VJeU, 1974. – 213 p.
  9. Kejzerov N.M. *Vlast' i avtoritet. Kritika burzhuaznyh teorij* [Power and authority. Criticism of bourgeois theories] / N.M. Kajzerov. – Moscow: Slovo, 1973. – 422 p.
  10. Stepanov I.M. *Sovetskaja gosudarstvennaja vlast'* [The Soviet state power] / I.M. Stepanov. – Moscow: VID, 1970. – 281 p.
  11. Tihomirov Ju.A. *Vlast' i upravlenie v socialisticheskom obshhestve* [Power and governance in a socialist society] / Ju.A. Tihomirov. – Moscow, 1968. – 87 p.
  12. Znamenskij D.Ju. *Uchastie politicheskikh institutov v formirovanii gosudarstvennoj politiki v sovremennoj Rossii* [The participation of political institutions in the formation of public policy in modern Russia] // *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo*. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-politicheskikh-institutov-v-formirovanii-gosudarstvennoj-politiki-v-sovremennoj-rossii>.
  13. Milovanova M.Ju. *Partnerstvo politicheskikh partij i obshhestvennyh ob#edinenij kak social'naja baza modernizacii sovremennoj Rossii* [Partnership of Political Parties and Public Associations as a social base for modernizing Modern Russia] // *Vestnik RGGU. Serija «Filosofija. Sociologija. Iskusstvovedenie»*. 2012. №2 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partnerstvo-politicheskikh-partij-i-obshchestvennyh-obedinenij-kak-sotsialnaya-baza-modernizatsii-sovremennoj-rossii>.
  14. Berljavskij L.G. *Harakter sovremennoj partijnoj sistemy i konstitucionno-pravovoj status politicheskikh partij v Rossii* [The nature of the modern party system and the constitutional and legal status of political parties in Russia] / L.G. Berljavskij, A.V.

- Mahova // Politicheskaja konceptologija: zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij. – 2022. – № 1. – P. 162.
15. Mosolikov S.A. Molodezhnaja organizacija «Molodaja Gvardija Edinoj Rossii»: struktura, jetapy razvitija, napravlenija dejatel'nosti // Postsovetskij materik. 2016. №4 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-organizatsiya-molodaya-gvardiya-edinoy-rossii-struktura-etapy-razvitiya-napravleniya-deyatelnosti>.
16. Ustav Molodoj gvardii Edinoj Rossii [The Charter of the Young Guard of United Russia] // Oficial'nyj sajt MGER URL: <https://mger.ru/gvardiya/>.

Ganzha Nikita Sergeevich – Postgraduate Student, Department of International Relations and Customs Affairs, Institute of World Economy and International Relations, Baikal State University.

E-mail: nikktoss@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

**Бейквелл С. В кафе с экзистенциалистами
«Свобода, бытие и абрикосовый коктейль» /**

Перевод с английского И.В. Метрофанова. – Москва: Эксмо, 2023. – 416 с.

Каждое поколение должно осмыслять историю человечества по-своему – знаменитую мысль Х. Ортега-и-Гассета можно уверенно применить к книжной новинке Сары Бейквелл. Новое поколение, новый взгляд, новый подход, новые факты и контексты. В современной зарубежной англоязычной традиции простота в изложении сложных философских систем соседствует с личностным подходом и глубоким междисциплинарным анализом. В работе «В кафе с экзистенциалистами» Сары Бейквелл есть все: исторические факты и литературный контекст, биография основных героев и анализ ключевых понятий – они необходимы для того, чтобы сделать читателей свидетелями диалога всех участвующих в производстве смыслов. Личный опыт, через который она пропускает философские рассуждения Ж.П. Сартра, А. Камю, М. Хайдеггера, М. Мери-Понти, С. Бовуар, Э. Левинаса, Э. Гуссерля, идет рука об руку с объективными историческими процессами, происходившими в середине XX века. В каждом из этих мыслителей чувствуется трагедия, ибо на долю их выпал тяжелый век.

Что может быть проще, чем умножать сложность и так самых запутанных текстов в истории философии? Едва ли среди широкого круга читателей найдутся те, кто смог пробраться через тернии «Бытия и времени» или «Бытия и ничто». А вот популярный пересказ идей Сартра и Хайдеггера знает каждый студент гуманитарного направления. Однако, как это обычно бывает, пересказ сильно проигрывает оригинальным текстам, не осовременивает мысли авторов, а скорее припечатывает их к истории философских идей. Сухая справка и тезисное изложение мыслей философов, которые висят в вакууме – вот, что можно ожидать от значительной части работ по экзистенциализму: направлению, которое как никакое другое боролось с мертвым научным языком и с абсолютистскими притязаниями науки своего времени. Хайдеггер ушел в поэзию, а Сартр, Бовуар и Камю – в художественную литературу. Бейквелл идет более сложным путем. Она рассказывает нам увлекательную историю каждого популярного экзистенциалиста, дает ощутить дух времени и бытие экзистенции, за которым стоят важнейшие тексты XX века.

Как часто о монографии по истории философии пишет The New York Times и The Independent? Сара Бейквелл работает с философскими текстами как культуролог или историк культуры. Ее интересует влияние, контекст, связь идей и поступков каждого из героев. Отдельно заслуживает внимание писательский талант Сары: он позволяет ей не только создать яркие образы, но и вести различные линии каждого из философов, обозначая точки переломов, конфликтов, подражаний и заимствований.

Принципиальность и тождество философии и жизни интересовали Бейквелл и ранее. В 14 лет она увлеклась романом «Тошнота» Ж.П. Сартра, а позже поступила в Эс-

секский университет, где получила степень магистра по философии, и даже взялась за написание докторской диссертации по Мартину Хайдеггеру, которую в итоге так и не закончила. Прожив 15 лет спокойной размеренной жизни по окончании университета, Бейквелл вновь начинает писать.

Популярность ей принесла книга «Как жить. Один вопрос и двадцать попыток ответа». Работа, посвященная эпохе Возрождения, философии и жизни Мишеля Монтеня, провозглашает основанием гуманизма свободное мышление, исследование и надежду. Каждый философ того времени активно отстаивал свою философию в своей же жизни. В работе «Humanly Possible» она высказывает идею о том, что «спор и противоречие являются сутью интеллектуальной жизни». И поэтому диалог с героями в ее работах звучит в каждом разделе. Словно в кристалле, отражаются грани и тонкости позиций известных мыслителей по каждому рассмотренному Бейквелл вопросу. Эссеистическая манера письма заимствована не только у Монтеня, но в целом весьма распространена в рамках зарубежной философской традиции. Она дает нам более глубокое и личное погружение в творческие поиски Бейквелл и ее героев.

Безусловно, Бейквелл смогла популяризировать философское наследие сначала гуманизма, а затем и экзистенциализма, к которому сегодня, как она метко подмечает, возвращается научный и общественный интерес. Очевидным является тот факт, что Бейквелл вступает на поле истории философии, а ее работы об экзистенциализме можно поставить в один ряд скорее с Н.В. Мотрошиловой, чем с Р.М. Габитовым, П. Рябовым, Д.С. Хаустовым, подход которых недостаточно биографичен. Она считает, что говорить об экзистенциализме можно лишь в контексте жизни самих мыслителей, ибо их жизни воплощают их философию.

Книга представлена 14 разделами, каждый из которых носит метафоричное название. В центре повествования Ж.П. Сартр и М. Хайдеггер. Пустоты их биографии заполняются интуициями и предположениями Бейквелл. Используя яркие примеры, Сара доносит суть феноменологии, экзистенциализма, феминизма и других философских течений. Биографический метод – сильная сторона книги. В работе опубликовано множество ранее неизвестных русскому читателю фактов, которые дополняют знакомство с персоналиями книги, а уже известные собраны и представлены органичным и оригинальным образом.

Раздел 1. «Месье, какой ужас, экзистенциализм!» является своеобразным введением в книгу. В нем автор описывает свой предмет и метод: «рассмотрение экзистенциализма и феноменологии через сочетание философского и биографического», обозначает основной фокус внимания. Умело вплетая идеи философов в социальный и политический контекст, автор указывает на те импульсы, которые экзистенциализм придал народно-освободительным движениям, революции 1968 и борьбе против угнетения по расовому, национальному или половому признаку. При этом актуальность выхода книги именно сейчас подчеркивает неспособностью других философских направлений справиться с вызовами современности. «Эти философы не сидели в башне из слоновой кости, поигрывая знаками. Они задавали важные вопросы, что значит жить подлинной

жизнью». Автор спорит с М. Контаном, считавшим сартровское чувство свободы неактуальным в 1990 году. Бейквелл утверждает, что в эпоху нейросетей, big data, таргетинга и развития нейрофизиологии проблема свободы еще более актуальна. Мы снова созрели для того, чтобы «говорить о ней в политическом плане и в плане собственной жизни».

Раздел 2. «Назад, к самим вещам!» В этом разделе автор переходит к последовательному рассмотрению экзистенциализма как течения. Повествуется о феноменологии Эдмунда Гуссерля и ее популяризации, а также влиянии его работ как на Сартра и Хайдеггера, так и на весь экзистенциализм. Автор упоминает Brentano и учеников Гуссерля, описывает дух эпохи. Достоинством данного раздела является описание философии Гуссерля простым языком с использованием ярких примеров.

Раздел 3. «Колдун из Мескирха» посвящен философии Мартина Хайдеггера, его детству, а также громкому и противоречивому вступлению на должность ректора.

Раздел 4. «Они и зов». Бейквелл дает развернутую характеристику личности Хайдеггера и его увлечению нацизмом с учетом опубликованных за последние 15 лет черных тетрадей, а также свидетельств учеников философа. Ханс Йонас указывает на язык «крови и почвы»: пещерный нацизм немецкого борца с метафизикой был очевиден многим ученикам Хайдеггера. В главе описываются причины эмиграции Arendt, Ясперса, Cassirera, Левинаса, а также уход в лес самого Хайдеггера. Смерть основателя феноменологии так и не согласившегося с хайдеггерианским прочтением своего метода завершает главу.

Раздел 5. «Хрустеть цветущим миндалем». В этой главе рассказана история прозрения Сартра, описан процесс создания и публикации романа «Тошнота», который принес успех французскому философу.

Раздел 6. «Я не хочу есть свои рукописи». Автор повествует о кризисе европейского общества, о попытках сохранить наследие Э. Гуссерля после его смерти и о начале второй мировой войны.

Раздел 7. «Оккупация и освобождение». Это наиболее изученный в нашей стране раздел, посвященный освободительной борьбе интеллектуального подполья во Франции и, в частности, философов Камю, Сартра и Бовуар. Каждый из них спасался от ужасов войны творчеством: чтением и письмом. Для Бовуар это чтение «Феноменологии духа», а для Камю написание трио абсурда. Благодаря войне Сартр точнее формулирует основания своей философии и находит образ подлинного пробуждения. В отличие от его ранних работ, которые были больше похожи на мимолетные прозрения о неподлинном, этот проект или программа о намеренной и последовательной деятельности по преобразованию себя и мира. Для Сартра чтение «Бытия и времени» Хайдеггера и последующее написание своей главной философской работы стало настоящим оформлением собственной философии.

Раздел 8. «Разруха» описывает поворот Хайдеггера к поэзии. Его мировоззрение становится все более запутанным, поэтому Бейквелл смело вступает спор с исследователями, утверждая, что немец и сам порой «явно не понимает, что пишет». Г. Маркузе, противопоставляя свою точку зрения позиции Хайдеггера, буквально добивается его

раскаяния или по крайней мере объяснения своей позиции. В то время как Деррида, назвал позицию Хайдеггера «заветом молчания», позволяющую додумать за философа то, о чем он сам не думал. То есть закрыть дело Хайдеггера означает прекратить мыслить, чего сам философ явно бы не желал своим последователям. Также в этой главе описывается встреча Хайдеггера и Сартра.

Раздел 9. «Исследование жизни». Глава посвящена работе «Второй пол», описывает влияние на Бовуар Ницше и Леви-Стросса и связь экзистенциализма и феноменологии с методом в авторском разоблачении мифа о естественной женственности. Автор раскрывает причины, по которым работа не оказала должного революционного эффекта в философии, при этом сильно повлияла на развитие второй волны феминизма как социально-культурного движения. Описываются проблемы перевода и рецепции данной книги в англоязычной культуре.

Раздел 10. «Танцующий философ». Раздел, посвященный Морису Мерло-Понти не только изобилует цитатами из непереуказанных на русский язык работ автора, но еще и демонстрирует феноменологическую концепцию восприятия в контексте вышеуказанных философских направлений экзистенциализма. Автору «Око и дух» удалось синтезировать современные исследования в психологии и философии и, соответственно, отметить сразу в двух науках. Противопоставляя Мерло-Понти Хайдеггеру и Сартру, Бейквелл успешно дополняет философский дискурс середины 1950-х.

Раздел 11. «Croises comme ça». В этом разделе описаны прогнозы на будущее, которые давали обеспокоенные настоящим положением дел вышеуказанные мыслители. Кто-то предвидел надвигающуюся катастрофу, кто-то спасение для всего человечества. Актуализируется контекст холодной войны и идеологические споры по поводу правильной стратегии развития общества, которые велись между героями книги. Политические дебаты окончательно рассорили между собой любителей философских дискуссий. Во второй части главы повествуется о попытке Сартра примерить экзистенциализм и марксизм, об увлечении Советским Союзом и полного в нем разочарования после венгерских событий 1956 года.

Раздел 12. «Взгляд изгоев». Эта часть посвящена Ричарду Райту и другим теоретиками и практикам борьбы за права национальных меньшинств. Работы Райта сравниваются с «Вторым полом» Бовуар не только из-за социального влияния, но из-за методологического подхода к проблеме расового и национального социально-культурного угнетения. Сара Бейквелл утверждает существенное влияние экзистенциализма на изменения основ сегодняшнего существования в аспекте борьбы за права. Обличительная борьба с фальшью прошла по всей культуре, ознаменовав десятилетие «драм подлинности» в кино. Также описывается влияние экзистенциализма на контркультуру и майские события 1968 года во Франции, и октябрьские в Праге. Но вместе с этим Бейквелл воспроизводит критику экзистенциализма со стороны постструктурализма и постмодерна.

Раздел 13. «Однажды попробовав феноменологию». В этой главе автор рассказывает о том, как каждый герой ее книги заканчивает свой земной путь, а вместе с ним и историю экзистенциализма. Однако сам экзистенциализм не торопится уходить, чему

и посвящена последняя глава.

Раздел 14. «Непостижимое цветение». Это тот феномен, который зафиксировал Э.М. Фостер как то, что не улавливается машиной, которая передает информацию, но не передает экзистенцию каждого человека. А потому реальная, а не виртуальная история философии – это история не столько борьбы идей, сколько людей, которые носят их внутри и носят с ними в обществе. Находясь в поле культуры, они ведут с кем-то спор, то продолжая идеи, подчерпнутые из художественной литературы, то черпая их из сложной и противоречивой реальности.

Завершает книгу перечень действующих лиц и слова благодарности.

Станет ли эта книга началом нового витка популярности экзистенциализма в России – пока сложно сказать. В нашей стране он был открыт интеллектуальными кругами значительно позже остального мира. Такие авторы этого направления, как Вальтер Кауфман, Артур Кейслер, Хьюберт Дрейфус и т.д., до сих пор неизвестны широкому читателю в нашей стране. Многие работы Сартра и Бовуар всё ещё не переведены. Хотелось бы, чтобы книга послужила толчком к переводу других работ Сары Бейквелл и подъёму интереса к более глубокому изучению наследия экзистенциализма.

Добронравов К.О. (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского)

**Айленбергер В. Время магов. Великое десятилетие философии.
1919–1929 / Перевод с немецкого Н. Фёдоровой. – М.: Ад Маргинем Пресс:
Музей современного искусства «Гараж», 2021. – 400 с.**

В 2021 году издательство Ад Маргинем выпустило в свет русский перевод книги Вольфрама Айленбергера. Прежде чем перейти к самой работе, стоит сказать несколько слов о её авторе, так как ранее книги Айленбергера на русский язык не переводились и его имя малоизвестно в интеллектуальных кругах России.

Вольфрам Айленбергер родился во Фрайбурге-им-Брайсгау в 1972 году. После окончания средней школы в гимназии Отто Хана в Карлсруэ он изучал философию, психологию и филологию в Гейдельберге, Турку и Цюрихе. Получил степень доктора философии в Цюрихском университете в 2008 году за диссертацию по философии культуры на тему «Становление человека в слове». Этот научный труд посвящён философии М.М. Бахтина.

С 2011 по 2017 годы Айленбергер был главным редактором Философского журнала. Покинул пост в 2017 году по собственному желанию, чтобы посвятить себя преимущественно писательским проектам. Помимо литературной деятельности, Айленбергер занят на телевидении. Он член команды ведущих программы «Звездный час философии» на швейцарском телеканале SFR. Также входит в программное руководство Международного философского фестиваля в Кельне с момента его основания в 2013 году.

Международное признание ему принесла книга, вышедшая в марте 2018 года под названием «Время магов. Великое десятилетие философии. 1919–1929», за которую он получил Баварскую книжную премию и престижную премию *Meilleur livre étranger* в 2019 году во Франции. Очень быстро книга оказалась в списке бестселлеров Spiegel более чем через семь месяцев после публикации. Книга была переведена на несколько языков, а также входил в списки бестселлеров Италии, Испании и Дании.

Стоит отметить, что творение Айленбергера влюбляет своих читателей в первую очередь тем, что оно создано замечательным литературным языком. Итальянский философ и германист Анджело Болаффи сказал об этой работе: «Одним из главных достоинств книги является, по сути, именно то, что она направляет читателя в самое сердце чрезвычайно сложной дискуссии, помогая ему пройти и расшифровать отрывки, даже те, которые теоретически наиболее непроницаемы, мысли четырех авторов». Здесь стоит обратить внимание на сам стиль повествования, который больше напоминает исторический роман. Прояснение сложнейших философских идей переплетается с поворотами судеб всех четверых героев: Эрнста Кассирера, Мартина Хайдеггера, Людвиг Витгенштейна и Вальтера Беньямина. Тем самым Айленбергер словно оживляет их, и они предстают перед нами такими, какими они были в реальной жизни, что напоминает работы Рюдигера Сафрански, которого сам Айленбергер не раз упоминает во «Времени магов».

В центре внимания находятся перечисленные выше философы. Но, помимо великих представителей немецко-австрийской мысли, в книге раскрывается перед читателем само время, в которое были созданы главные работы четырёх «магов». Период

1919–1929 годов является магическим, время, когда рухнул старый мир и всё пропитано мечтаниями о новом, светлом будущем. И через биографии по началу кажущихся противоположными мыслителей, которые в повествовании Айленбергера удивительным образом переплетаются, вся эта магия эпохи раскрывается.

Дух времени уже понятен в предисловии, где автор нас знакомит с главными героями и даёт понять почему именно они были выбраны. Витгенштейн предстаёт перед читателем неординарным соискателем докторской степени. Вольфрам Айленбергер называет этот экзамен «...самым странным в истории философии» (с. 7), на котором Людвиг Витгенштейн, экс-миллиардер, сельский учитель заявляет Бертрану Расселу и Джорджу Муру, что они вряд ли когда-нибудь смогут понять его работу. Или ещё один герой книги Айленбергера шварцвальдский мыслитель Мартин Хайдеггер, который, по выражению автора, словно завоеватель, входит в зал давосской конференции. Он намерено пренебрегает всеми правилами и нормами, не надевает фрак, не занимает специально отведённое для него место рядом с Кассирером. Вместо этого всего он демонстративно занимает место в глубине зала среди студентов.

В один ряд с этими экстраординарными личностями становится третий «маг» Вальтер Беньямин. С одной стороны, несмотря на все невзгоды и неудачи своей карьеры, он всё равно стремится стать профессором, а, с другой – терзаем своим положением «без гроша в кармане». Оставленный любовью своей жизни, он вынужденно возвращается в родительский дом, где его ждёт умирающая мать, оставленная им жена и сын.

Из выше перечисленного может сложиться впечатление, что четвёртый философ должен быть сродни Хайдеггеру, Витгенштейну и Беньямину, но Айленбергер иначе выбирает четвёртого «мага»: им становится Эрнст Кассирер. Кассирер антагонист первых трёх героев книги. Это выходец из богатой еврейской семьи, прилежный семьянин, гостеприимный хозяин, заботливый отец. Одним словом, человек ведущий тихую спокойную жизнь. Неудивительно, что страницы, посвящённые Кассиреру, контрастируют с повествованием об остальных мыслителях.

В своей работе Вольфрам Айленбергер разворачивает сложную бурную картину 20-ых годов прошлого века. Четыре философа демонстрируют читателю само время, столкновение двух эпох: уходящего упорядоченного мира и революционного непредсказуемого XX века. За десятилетие свободы и мечтаний переменилась не только философия, но и вся европейская культура, что позволило ей возродиться после ужасов Второй мировой войны. Данная книга будет интересна преподавателям философии, студентам и всем интересующимся интеллектуальной историей Запада XX века.

Гайцук В.С. (КФУ им. В.И. Вернадского)

CONTENT

PHILOSOPHY

Shorkin A. D. The World Order: A Network instead of an Hierarchy	4
Khoroshilov A. A. The Normativity of Photography: Modeling Visibility and Education of the Eye	18
Atran S., Henrich J. The Evolution of Religion / transl. from English by A. V. Kostromitskaya	30

CULTURAL STUDIES

Smirnova A. A., Leonov I. V., Kirillov I. V. Oblivion as a Form of Artifact Suffering. Article II.....	58
Muzalevskaya Yu. E. Aesthetics of Women’s Business Suits in the Fashion of the XX – Early XXI Centuries.	74
Senchenko A. G. The Image of Zeleny Island in the Media (Connection with Folklore, Mythologization of the City)	84

POLITICAL SCIENCE

Moskalenko O. A., Irkhin A. A. A Mirror Political Myth about Russia: the Role of Great Britain in Forming the Position of the Collective West on the Inevitability of War with Russia	100
Parubin K. O. The Wedding of Georgy Romanov as a Symbolic Act of the Russian Political Process	110
Ganzha N. S. The Main Directions and Forms of Interaction of the Young Guard of The United Russia with Youth: a Regional Aspect	121

REVIEW

Bakewell S. In a Cafe with Existentialists. Freedom, Being and Apricot Cocktail. Moscow: Eksmo, 2023. 416 p. (K. O. Dobronravov).....	131
Eilenberger W. The Time of the Magicians. The Great Decade of Philosophy. 1919–1929. Moscow: Ad Marginem Press; Garage Museum of Modern Art, 2021. 400 p. (V. S. Gaitsuk) ..	136